

J. S. Smith

Петр Георгиевич
Дмитриев
(1900–1974)

К вопросу нашего
РОДОСЛОВИЯ

ЧАСТЬ I

ФОРТ-ШТАДТ

*Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета,
Будущее выстрелит в тебя из пушки!*
(Восточная пословица)

История человечества несовершенна: она таит в себе много неизвестного, неопределённого, неясного. Если в пределах нескольких миллиардов лет до наших дней произошло первое величайшее земное событие — ЗАРОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ, два миллиарда лет отделяют нас от второго чуда — ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ: переход от обезьяны к обезьяне-человеку.

Период 40–30 тысяч лет назад знаменуется третьим чудом — появлением человека современного типа. Появившийся кроманьонец довольно быстро осваивается: неандерталец принужден уступить ему своё место и уйти в небытие.

От первого кроманьонца до наших дней 1500 поколений.

Если историю человечества и его развитие можно представить приблизительно в форме хронологической схемы, родословная индивидуальной жизни человека находится в худшем положении: мы её не знаем.

В большинстве случаев это ограничивается знанием своих бабушек и дедушек в отличие от зверей, многие из которых знают только своих матерей и отцов.

Среди разных народностей отношение к предкам — неодинаково. Некоторые из них проявляют значительный интерес к своему прошлому, к своим предкам, пытаются сохранить память о них, найти утерянные звенья своей родословной, у других, наоборот, к этому вопросу проявляется полное безразличие.

Подобное отношение определяется уровнем культурного развития, оно прямо пропорционально ему, хотя не без исключений. У англичан знание этапов своего развития является потребностью: они часто знают свою родословную до 500–700-летней давности. А вот полинезийские рыбаки, стоящие на значительно низшем уровне развития, не уступают им: они способны перечислить своих предков до 50–60 колен, часто с довольно подробными биографиями.

Исключение также составляют правящие династии, сохранившие длинные семейные хроники.

Рекорды, понятно, принадлежат тем вождям, которые ведут «божественное» происхождение.

Традиция — полезная, хорошая!

Хотелось бы пригласить следующие поколения поддержать её: знание прошлого помогает лучше ориентироваться в понимании настоящего, в планировании будущего.

Что мы знаем о себе, какова родословная нашей фамилии?

Известно: мы приходим из государственных крестьян Рязанской губернии. Это обстоятельство в уверенной форме, без всяких «но», неоднократно отмечали мой отец, его братья. Неоднократно об этом говорил им мой дед — Иван Климович, одновременно подчёркивая: «Относимся к служилому люду». Акцентируя последнее обстоятельство, он хотел отметить характерную семейную особенность — службу в армии.

Крестьяне, как известно, делились на крепостных-помещичьих, церковных, дворцовых, проживающих на соответствующих землях и закреплённых за ними, посессионных или приписных, закреплённых за заводами или другими видами промышленных предприятий и «государственных» крестьян.

Последняя группа покамест только закреплённая за «казёнными» землями, сохраняла временно некоторую долю «самостоятельности». В этом положении она являлась основной резервной базой комплектования солдатских кадров армии.

Служба в армии была 25-летняя: небольшая доля самостоятельности окупалась очень дорогой ценой.

«Самостоятельность» носила крайне неустойчивый характер: жизнь протекала постоянно в страхе за свою дальнейшую судьбу, как резерва, или приписки к заводам, или подарков фаворитам, или мобилизации в армию.

Обратите внимание на следующую статистическую таблицу.

Процентное распределение крестьян в 18 столетии выглядело так:

№	В первой четверти XVIII столетия	%	К концу XVIII столетия	%
1.	Помещичьих	50		70
2.	Государственных	39,5		3,4
3.	Дворцовых	7		8
4.	Посессионных	1		18
5.	Церковных	0,5		0,6

Изменение % распределения крестьян определялось:

а) укомплектованием рабочими кадрами, главным образом за счёт государственных крестьян, растущих мануфактур. К первой четверти 18 столетия их было — 200, а к концу столетия стало 2360;

б) прогрессивным усилением дворянства в политическом, государственном, экономическом отношениях за счёт, в частности, широкой раздачи земель с закреплёнными за ними государственными крестьянами.

За период только с 1725 года по 1762 год было пять дворцовых переворотов, а главными из них, сыгравшими особо громадную роль в судьбах России и государственных крестьян:

1. Елизавета Петровна в 1741 году с помощью войск и прежде всего роты Преображенского полка арестовала младенца — императора Ивана Антоновича вместе с его матерью Анной Леопольдовной, разлучила их навсегда и навсегда упрятала младенца в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости.

2. Екатерина, будущая императрица вторая, повторила практику своей бабки: с помощью Орловых — гвардейских офицеров и отдельных гвардейских частей, задушила своего

мужа императора Петра 3-го и заняла ему принадлежащий престол.

Каждая из них не поскупилась: широко были отблагодарены лица, оказавшие им кровавые услуги: званиями, положением, громадными наделами земли с теми же государственными крестьянами.

К примеру, к концу 18 столетия графу Шереметьеву принадлежало 600 000 десятин земли с 200 000 крестьянами.

Казалось бы, наряду с ростом культуры, положение крестьян естественно должно было бы идти в унисон, параллельно, улучшаться. Наоборот, оно не только не имело к этому тенденций, эксплуатация его, несправедливое, закалённое прогрессирующее за счёт:

- а) усиления приписок к промышленным предприятиям,
- б) введения усиленных рекрутских наборов,
- в) принудительной мобилизации крестьян на строительство заводов, крепостей, городов.

При приемниках Петра I произошло дальнейшее усиление дворянства. Они сосредоточили в своих руках огромные земельные владения, вмешивались в дела престолонаследия, расширили крепостное право на Украину, Астраханскую губернию и другие области.

Реакцией на всё это была масса антифеодальных выступлений, различных жалоб и настоящих крестьянских войн под руководством Разина, Болотникова, Булавина и особенно Пугачёва в 1773–1775 годах, которые потрясли основы государства.

Поражение крестьян в этих войнах использовалось как повод для укрепления диктатуры дворянства и усиления крепостного права.

В этих целях при Екатерине II проведено новое административное деление государства на губернии, уезды, волости, уничтожение вольностей Оренбургского, Донского, Украинского казачества и Запорожской сечи, чтобы ничто не могло напоминать о некоторых свободах — вольностях.

Мне приходится очень кратко останавливаться на этих, давно известных фактах не для того, чтобы ещё раз рисо-

вать чрезвычайно тяжёлую картину русского крестьянства и особенно центральных районов государства, где проживали мои предки, а в целях выражения им сочувствия в их попытках изменить своё положение, оправдать их тактику борьбы, оправдать поиски путей выхода из этого безнадёжного состояния.

В самом деле, как могло случиться, что один из этих — моих предков, а, возможно, даже семья, резко порывает со своим родным местом, со своими родственниками, которые, по-видимому, имелись, и устремляется на юг.

Юг его тянет плодородными землями, некоторыми элементами независимости и вольности.

Какие причины, какие непосредственно обстоятельства могли сдвинуть его с насиженного веками места?

Что принудило преодолеть узы родства, привычки, законы закрепощения?

Нужна была большая воля, целенаправленность, достаточная информация о путях и месте назначения, смелость, решительность!

Какими зигзагами проходил его 1500-километровый путь?

Был ли он плодом долго обдуманного плана или явился следствием особого разрешения на переезд, организованного переселения или наоборот осуществлялся побегом?

Много неясностей!

История родословной, к сожалению, прямых ответов на эти вопросы не даёт, но... догадки, логические выводы, исторически достоверные факты переселения на Северный Кавказ, косвенные сведения проливают немало света для понимания этих обстоятельств.

Деду Ивану Климовичу многие обстоятельства были хорошо известны, велись им записки, но до нас эти сведения не дошли.

Факт проживания моего прапрадеда Антона Дмитриевича в посёлке Форт-Штадт, в непосредственной близости от одноимённой крепости, известен. Близость его домика к крепости убеждает о его сравнительно раннем здесь поселении.

Пришёл ли он первым и избрал это местом своей оседлости, или это первенство принадлежало его отцу — Дмитрию (отчество неизвестно), а может быть путешествие они проделали вдвоём?

Трудно на эти вопросы ответить утвердительно!

Факт же присутствия здесь, на положении главы семьи прапрадеда Дмитрия отрицать не представляется возможным по следующим соображениям.

Екатерина II, напуганная крестьянской войной под руководством Пугачёва, равной которой не знала история планеты, готова была ещё более укрепить, заклеить всех крестьян, осмелившихся оспаривать её право престолонаследия, её морально осуждать в убийстве своего, Богом данного, мужа.

В этих целях, в её царствование кроме административного деления, о чём уже говорилось, проведена одновременно перепись населения, вернее — приписка к определённом населённому пункту, своего рода «паспортизация».

Понятно, без выдачи каких-либо видов, удостоверяющих личность, чтобы не нарушить принцип крепостничества.

Паспорта — это плод более поздней, более совершенной высокой культуры, ограничивающей свободу человека.

Как известно, фамилии тогда определялись целым рядом разнообразных факторов: профессией, уличными кличками, местом жительства и т. д., но чаще именем главы семьи.

Допустим, наша фамилия впервые подверглась паспортации, тогда, спрашивается: как это могло происходить при отсутствии главы, который своим именем должен явиться носителем фамилии?

Мой отец говорил: «Я настолько привык к уличной фамилии Климовы (по имени прадеда), что, получая удостоверение на свою настоящую фамилию, при отъезде на назначенную учительскую должность, чувствовал некоторую неуверенность!»

Это обстоятельство убеждает:

- а) фамилия была определена и зафиксирована ранее,
- б) что могло произойти только в условиях оседлости,

в) «паспортизация» семьи произошла ещё до Клима Антоновича.

Вне зависимости от своего отца, Антон Дмитриевич мог явиться родоначальником, как носитель нашей фамилии, полученной им ранее при уходе на военную службу.

Каков же характер переселения?

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, позвольте проделать краткую экскурсию в историю заселения Северного Кавказа. Не прольёт ли она свет на ряд интересующих нас обстоятельств по существу вопроса, не поможет ли она лучше разобраться в нём?

На Северном Кавказе, в частности на Кубани, человек обитал с незапамятных времен. Изобилуя прекрасными пастбищами, лесами, с массой лесной, степной, водоплавающей дичи, плодородными отличными землями, многочисленными водными бассейнами с обилием разнообразной ценной рыбы и раков, Кубанский край привлекал к себе внимание всех людей, которые в какой-то степени соприкасались с ним.

Здесь вели кочевой образ жизни скифы, гунны, хазары.

В IV веке до нашей эры наиболее культурным по тому времени народом — греками образовывается на этих землях Боспорское царство.

Протекают тысячелетия, народы появляются здесь, исчезают, вновь появляются. Этот край представляет отрезок великого пути переселения народов.

Каждый из них, проходя эту землю, подкупаемый местными условиями — удобствами, задерживается, оставляет следы своей культуры, к сожалению, почти уничтожаемой волной движения следующих народов. Заселившие окончательно эти земли переселенцы и беженцы из глубоких районов России и запорожцы находят здесь только развалины, напоминающие о какой-то былой жизни.

В 965 году Святослав побеждает яссов и кософов, овладевает Таманским полуостровом, приводит для заселения русинов с Днестра. Проходит небольшое время поселения русинов, стираются новым потоком движения народов.

Связи с Кавказом ненадолго возобновляются при Иване Грозном, когда последний женится на дочери Кабардинского князя Темрюка.

И только в царствование Петра Великого проникновение русских в эти земли приобретает определённый, постоянный, целеустремлённый характер.

Во второй половине XVII столетия на реке Хопре образовалась вольная казачья дружина. Дружина принимала самое активное участие в 1696 году в войне с Турцией.

В 1711 году на Дону происходит восстание атамана Булавина Кондрата Афанасьевича. Пётр I жестоко подавил восстание: сжёг дотла десятки донских городов, тысячи хуторов и станиц, казнил после страшных пыток не только казаков, но и их жён и детей. Тысячи повесил на плавучих виселицах и пустил для устрашения по Дону.

Булавин застрелился, но уцелевший его помощник Игнат Будьян по прозвищу «Некраса» с 3000 семей ушёл на Кавказ, устроил стан у Анапы (Благовещенская, Гастогаевская, Старотитаровская, Ахтанизовская станицы). К нему присоединились старообрядцы, ушедшие ещё ранее. Эти — последние по пути образовали станицы Некрасовскую, Темиргоевскую, Воздвиженскую.

Крымский хан, под властью которого находился Таманский полуостров, предоставил некрасовцам убежище, не посягая на их веру, обычаи.

Пётр, Екатерина неоднократно требовали их выдачи, но безуспешно. При сдаче Крыма и покорении Кавказа часть их ушла за Дунай, часть в Болгарию, основная часть переселена была в Турцию, на берег Мраморного моря, где они осели у озера Маинос. Их казачий стан турки назвали «Казакли».

Часть их, оставшаяся на Дону, уже с 1717 года допускалась к несению сторожевой службы.

После долгих войн между могущественной Турцией и Россией в 1783 г. заключается Кучук-Кайнарджийский мир: Крым присоединяется к России, а река Кубань становится погранич-

ным рубежом между нею и закубанскими народами, находящимися под протекторатом Турции.

Пред Россией стала задача укрепления этой новой южной границы.

Ещё и до этого, как уже говорено, здесь селились, проживали русские колонисты. Причинами их миграции были, главным образом, мотивы религиозные, экономические и в меньшей степени — политические. Султан благосклонно относился к пришельцам.

В 1778 г. хоперцы — герои взятия турецкой крепости Азов, переселяются на Северный Кавказ и образуют здесь станицы Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую, Суворовскую, Воровсколескую, т.е. самый опасный юго-восточный угол глухого участка Кардонной линии.

Суворов, прибывший на Кубань в 1778 г., протянул эту линию до Царицынского редута, получившего потом название хутора Романова и затем переименованного в город Кропоткин. В 1794 г. на среднее течение Кубани переселяются донские казаки в составе одного пятисотенного конного полка со своими семьями и образуют станицу Воронежскую (откуда происходит моя бабка — донская казачка).

В 1803 г. на Кавказскую линию переселяются Екатеринославские казаки, положив начало Кавказскому полку. Из всех этих полков (Волжских, Гребенских, находящихся на Кавказской линии) было образовано Кавказское линейное войско.

Запорожская сечь была ликвидирована Екатериной 5 июня 1775 г. Но 1 июля 1783 г. Потёмкин обратился с прокламацией к бывшим запорожцам — атаманам Головатому, Чепиге, Тимковскому, Легкоступу, призывая их «к служению в казачьем звании под его Потёмкина водительство».

Организованное под названием «Войско верных казаков» в отличие от задунайских, ушедших к султану, (правда, потом в 50% возвратившихся) отличилось в сражении с турками под Кинбурном: разбило турецкий флот. За этот геройский поступок оно получило название Черноморского войска и по повелению Екатерины поселено между Бугом и Днестром.

Юридически оформленных документов на эту землю они не получили в своё время, после смерти Потёмкина начались тяжбы.

30 июня 1792 г. войсковой судья Головатый получил царскую грамоту: «Всемилоостивейше пожаловали в вечное владение остров Фанагорию со всею землёю, лежащую по правую сторону реки Кубани от её устья до Усть-Лабинского редута вдоль Азовского моря Ейского городка».

С радостью запорожцы приняли этот дар от царицы, которая только недавно «принесла им столько горя».

25 августа 1792 г. первая партия во главе с Саввой Белым высадилась на 50 лодках в составе 3847 казаков на Таманском полуострове. 2 сентября этого же года с Днестра выступил кошевой атаман Чепига, зазимовал со своим отрядом на Ейской косе, а 10 мая 1793 г. подошёл к Усть-Лабинскому кордону и занял кордоны на запад. Лично он остановился в «Карасунском куту», где в 1794 г. заложен Екатеринодар — столица этого войска.

Черноморцы переселялись из-за Буга двадцатью партиями. Всего переселилось 20 тысяч, а из них — 12 500 мужчин и образовали 40 куреней, по числу и названиям Сечи. Так, например, становище Платнировского куреня и т.д. Потом становища стали называть станицами.

На этом заселение Кубани не остановилось.

По положению, составленному Комиссией генерала Евдокимова и утверждённому императором Александром II, территория, вновь завоёванная (от верховьев Малой Лабы до истоков реки Пшиша, далее берегом Чёрного моря, от устья реки Макапсе до устья реки Кубани, от Адагумского укрепления до Дмитриевского укрепления) заселялась в ходе военных действий за счет:

- а) Кубанского войска — 12 562 человека,
- б) Азовского войска — 808 человек,
- в) Донского войска — 1200 человек,
- г) государственных крестьян — 2000 человек.

Теперь, опираясь на эти краткие исторические факты, попытаемся перейти непосредственно к поставленному вопросу: каков же характер переселения нашего предка?

Мог быть побег, но нельзя исключить возможности организованного переселения и именно лица — военного ветерана, заслуженного, знающего военное дело, что представляло громадную ценность и диктовалось жизненной необходимостью.

В истории крепостничества, индивидуальные побегии были явлением сравнительно нередким. Осуществлялись они чаще стихийно и в таких случаях, чаще не достигали цели. Реже, задолго, они планировались в соответствии с полученной информацией.

К этому времени уже имелись определённые, апробированные направления, а среди них — «оборонительная линия» на южных границах занимала одно из популярных мест и, особенно у староверов (Некрасовцы), где они имели свободу своего вероисповедания.

В этом отношении у нашего предка именно в этом периоде складывались довольно благоприятные обстоятельства...

Но... не будем опережать событий.

Итак, факт проживания нашего прапрапрадеда Дмитрия на оборонительной линии у крепости Форт-Штадт, если не убедителен, он не противоречит обстоятельствам.

В решении возникающих вопросов большую, по-видимому, исчерпывающую роль могли бы сыграть архивные данные, но в том-то и беда: архив посёлка и края до основания погиб во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., хотя и до неё неоднократно подвергался грабежу во время набегов адыгов-черкесов.

Исходя из принципа наследственной информации, последняя представляется достоверной или, во всяком случае, заслуживает доверия в пределах двух поколений, при условии, если она исходит от лица 3-го колена.

В соответствии с этим, сведения, полученные от моих отца, дядей и моего деда Ивана Климовича, представляются ценными и особенно в части освещения жизни его деда Антона Дмитриевича, что как раз представляет интерес для нас. Мой отец, его братья, сёстры сохранили ясную память о своих родителях, в частности, об отце Иване Климовиче, дяде — Антоне Кли-

мовиче. С ними они длительное время жили, росли, становились на ноги. Некоторые из них помнят своего деда — Клина Антоновича. Своего дедушку — Ивана Климовича помню я.

Приезжая на хутор, он уделял особое внимание мне, возможно в связи с моим возрастом. Говорят о моём сходстве с ним не только внешнем, но и по ряду черт характера. Говоря о ком-либо, он всегда начинал: «Службист он отличный». Слово «службист» выражало целый ряд черт: пунктуальность, честность, нетерпимое отношение к неорганизованности, беспорядкам и т.д. Сам он как службист был безукоризнен, что создавало ему авторитет и доброе отношение.

Наибольший интерес к родословной проявлял именно он. Его развитие, опыт, административно-юридические знания, длительная военная служба, контакты с высокообразованными людьми, сам его характер, не терпящий неопределённости — все это являлось солидной базой для анализа в лабиринтах родословной. А тени неясностей существовали и прежде всего в лице родоначальников — Антона Дмитриевича и его отца — Дмитрия.

Изучению всех связанных с этими фигурами обстоятельств с его стороны были проявлены настойчивость и внимание. Продолжительность его работы в Правлении посёлка, целостность по тому времени архивов, свободное пользование ими, контакты со стариками, сохранявшими в памяти сведения становления посёлка, давали ему широкие возможности получения ценной информации.

Его заметки, сохранявшиеся у моего отца, к сожалению, погибли, но я с ними, в общем, был знаком.

Вспоминая читанное, пользуясь рассказами отца, моих дядей, зная некоторые стороны жизни моих родственников в Форт-Штадте, проявляя любознательность в этом вопросе, не претендуя на полноту сведений, представляю собранные сведения.

Получить более полную и точную информацию возможным не представляется.

Возможно, и в такой форме она представит интерес для кого-либо из моих потомков.

Антон Дмитриевич жил в пределах 1720–1798 годов. Именно в тот период, когда происходило энергичное заселение края. Был грамотным. С 21 года находился в армии. Служил он в одной из артиллерийских частей, находящихся в Пруссии, ведущих победно военные действия. Командовал войсками, один из наиболее талантливейших русских полководцев — Румянцев, впервые в истории войн применивший рассыпной строй.

Здесь же был, тогда ещё только начинающий, молодой Суворов. Война, которая получила название Семилетней (1756–1763), протекала на фоне непрерывных побед русских войск.

Взят был Берлин.

Наши казаки продефилировали по его улицам, поили и купали своих лошадей в реке Шпрее.

К сожалению, война эта результатов не имела: занявший престол Пётр III, поклонник Фридриха, не только вышел из неё, предупредив тем самым полный разгром врага, что, возможно, имело бы в последующем, в истории Европы, колоссальные последствия, но, наоборот, занял враждебные позиции к своим бывшим союзникам.

Антону Дмитриевичу в этот период представлялась широкая возможность много видеть, контактировать с людьми из разных уголков России, получать из разных источников разнообразную информацию, а в соответствии с этим, приходиться к определённым выводам, планировать свою дальнейшую жизнь.

Поддерживая артиллерией казачьи кавалерийские части, находясь в их среде, интересуясь их бытом, жизнью, он имел возможность проводить сравнения, что активировало его на изменение своих условий жизни.

Боевая обстановка, как известно, быстро роднит, а это даёт искренность взаимоотношений, облегчает получение необходимых сведений.

Сравнение жизненных условий склоняло его в сторону Кавказа. Здесь, конечно, он подучил толчок к переселению, идеологическую подготовку.

В этой войне Антон Дмитриевич был тяжело ранен в ногу, в связи с чем длительное время находился в лечебных учреждениях. Механизм его переселения на юг нам не известен, но, по-видимому, план его был осуществлён успешно, так как непосредственно с войны Антон Дмитриевич проживает в посёлке Форт-Штадт, у одноимённой крепости.

Вскоре началась новая Русско-Турецкая война.

Русскими войсками опять командовал тот же знаменитый полководец Румянцев.

В самом начале война ознаменовалась разгромом турецкого флота в Чесменской бухте, под руководством флотоводца Алексея Орлова, а затем и полной победой на Балканах.

В войне опять участвовал, теперь уже достаточно опытный неутомимый Суворов. Накануне этой войны он обследовал укреплённую линию по реке Кубани, вдоль Черноморского побережья. Был он и в Форт-Штадте. Говорят, опознал моего прапрадеда, беседовал с ним, а укреплением остался доволен.

Укреплённой линии придавалось большое значение, так как имелись сведения о возможности десантной высадки здесь, в тылу Кавказской группы войск и разжигания оппозиционно-враждебных настроений кавказских народностей, связанных с турками единством религии — ислама.

Последние, как известно, на протяжении десятков лет вели здесь с русскими священную войну.

Антон Дмитриевич своими знаниями и опытом помогал в организации укрепления Форт-Штадта. Много отдал энергии обучению военной подготовке населения и особенно молодёжи, что представляло тогда большую ценность.

Имел ли Антон Дмитриевич офицерское звание?

Маловероятно, так как при этом условии его жизнь сложилась бы совершенно иначе.

В период Семилетней войны он был вахмистром. Имел он награды: ряд медалей, которые долго передавались по наследству.

Вблизи к крепости находился его обширный усадебный план: более двух десятин земли. Его пахотная плодородная

чернозёмная земля, потом, на протяжении трёх колен, дробилась — делилась между наследниками.

Местожителство ему, по-видимому, понравилось, ни он, ни его сын уже никогда не возвращались в Рязанскую губернию.

Домик, в котором он жил, был турлучный, стоял в глубине усадьбы, несколько восточнее середины плана.

Умер Антон Дмитриевич в 78 лет, внезапно.

Оставил после себя сына Клина, продолжавшего наш род. Судьба прадеда сложилась также, как и его отца: свой основной деятельный период жизни он принуждён был провести на военной службе. Жил он в пределах с 1766 по 1822 г.

Служил на Кавказе, в артиллерийской части. Уроки отца в этом отношении очень помогли ему.

В это время как раз война на Кавказе обострилась, в связи с войной с турками. Здесь же он по ранению потерял левую руку. На пятом десятке лет он окончательно возвратился к мирной жизни. К этому времени отца его — Антона Дмитриевича уже не было.

Сельское хозяйство ему удавалось плохо. Да и как можно было рассчитывать на успех с одной рукой? Велось оно в пределах своей большой усадьбы, остальную землю он сдавал в аренду.

Общительный, балагур, с большим кругозором практика, хорошо грамотный, он привлекал к себе людей. Активен в общественной жизни посёлка, он периодами избирался старостой посёлка. У скамейки его дома по праздникам, вечерами собирались люди послушать его о делах времён прошедших. Старик был принципиален, с жестковатым характером, противоречий не терпел, не шёл на компромиссы.

Как раз в бытность его старостой атаман станицы Усть-Лабинской неоднократно предлагал жителям посёлка соединиться, приписаться к казачьему сословию. Гарантировались определённые правовые, политические, экономические выгоды.

Старик запротестовал: «Как отцы наши жили, так и мы будем жить, продаваться не будем!» Сход поддержал его.

Конечно, в тот период, возможно приписка к казачьему сословию положения особенно не меняла, в перспективе же эта акция представляла определённые выгоды. Акция эта неоднократно возобновлялась, но так и не состоялась до 1960 года.

Соединение двух административных единиц (станции и посёлка) теперь уже фактически слившихся, состоялось в этом году. Для этого теперь была совершенно иная социальная основа. Революция ликвидировала понятия иногородности и казачества: эти понятия перестали существовать вместе с политическими, экономическими неравенствами и другими привилегиями. Наоборот, униженное, или во всяком случае неравное, положение иногородних до Революции, в этот период создало более перспективную обстановку активности, инициативы. Им принадлежало руководящее положение, ими были заняты руководящие посты.

В лице прадеда родословная представляет исключительный случай сравнительно ранней, внезапной смерти его в возрасте около 55–57 лет.

После себя он оставил двух малолетних сыновей: Антона и Ивана с разницей в возрасте не более года.

Я позволю несколько отвлечься: с одной стороны, чтобы охарактеризовать крепость и посёлок, с другой, чтобы не повторяться. Одновременно остановлюсь на общих чертах характеров моих предков, в целях экономии времени.

Посёлок Форт-Штадт примыкал непосредственно к крепости, т. е. так было при моей памяти.

В периоде же организации посёлка дома ставились на расстоянии километра от крепости, от её северо-западной границы. Посёлок постепенно расширялся за счёт, главным образом, беглого крестьянства из глубин России.

Беглецы охотно принимались в общество, наделялись землёй. Земля чернозёмная, плодородная, а вот пользоваться ей в Закубанье было небезопасно.

Правительство, понятно, было осведомлено об оседании здесь беглецов, но принуждено было несколько мириться с подобными явлениями до поры, до времени, закрывать глаза,

не желая ослабить защиту своих южных границ и отказаться от мысли присоединения такой жемчужины, как Кавказ.

В 3-х — 4-х километрах от крепости, к востоку от неё располагалась станица Усть-Лабинская (теперь — город). Крепость с посёлком представляли собой самостоятельный административный пункт Кубанской области.

Своё название «Форт-Штадт» получил от Суворова. В период революции 1905 года и особенно 1917–1922 годов посёлок играл большую, активную, революционно-прогрессивную роль. Подавляющая часть его жителей, в том числе и мой дядя Семён Иванович вместе со своим старшим сыном, входили в кадровый состав Таманской армии под командованием Ковтюха, покрывшей себя исторической революционной славой.

При моей памяти, в 1910–1914 годах крепость сохранялась как «памятник дел былых времен, наследия старины седой».

По-видимому, как крепость, она не очень отличалась в свои былые времена от того состояния, в каком видел я её. Разница состояла в том, что в те времена на её территории находилась какая-то дежурная команда, т.е. она была одухотворена какими-то заботами, планами, деятельностью, жизнью команды: Закубанье, жизнь ближайших аулов постоянно находились в поле зрения крепости.

Сейчас же на её территории бродили небольшие группки коз, позванивая колокольчиками, подвешенными на шеях, а в послеобеденное время бегали мальчики, только что пришедшие из школы, устраивая свои, к сожалению, обычные игры в войну.

Свою славную историю защиты южных границ своей Родины крепость выполнила с честью. Она занимала территорию, приблизительно в $2\frac{1}{2}$ — 3 квадратных километра, располагалась на самом высоком месте отвесного, обрывистого правого берега реки Кубани, поднимающегося здесь до 100 метров в высоту, поросшую дубами, с некоторыми на ней строениями — службами с подземными ходами, складами, обнесённая с севера и запада рвом.

Ближе к южному краю, к реке Кубани, откуда особенно обозревается левобережье, а в центре аул Хатукей, стояли несколько пушек с дулами, направленными в их сторону.

К востоку от крепости, т.е. её восточной границей была глубокая — отвесная балка, образовавшаяся на протяжении многих лет сточными водами, всё более углубляющаяся к реке. Это представляло ещё одно преимущество крепости, усиливая её и с этой стороны естественной преградой.

По краям территории, с трёх сторон стояли деревянные окрашенные полосатой, зеброподобной расцветкой, чередующимися белыми и черными полосами, караулки. Когда-то сюда, в крепость, в тревожные периоды, по удару колокола, сбегался народ, который по существу от мала до велика был военизирован.

Когда по произведениям А. С. Пушкина, Шишкова и других авторов приходится знакомиться с литературными описаниями наших восточно-окраинных крепостей, так называемой «сторожевой черты», располагающихся на границах с «инородцами» — чувашами, башкирами, татарами, мордвой, казахами и другими в Оренбургской, Самарской, Казахской и других областях, сравнение большинства из них с Форт-Штадтом убеждает в пользу последнего.

Основное укрепление первых заключалось в обслуживании её, как правило, инвалидной командой, вооружённых огневой мощностью шомпольных — запальных ружей, иногда с привинченными штыками, двумя-тремя пушками, кольями, забитыми в земляной вал и рвом, окружавшими крепость.

В условиях Форт-Штадта имелись значительные преимущества в виде мощной водной преграды, которую на любом участке форсировать трудно, высокого отвесно-обрывистого берега и команды, которая за счёт подготовленного военизированного населения могла в критические периоды быть доведённой до нескольких тысяч.

Население было вооружено, с оружием не расставалось, организовано в боевые соединения.

Выезд в поле на сельскохозяйственные работы и возвращение происходили по удару колокола.

Крепости восточных окраин были лишены этих преимуществ, а главное — окружены оппозиционно (если не сказать, враждебно) настроенным населением.

Постепенно, разрастаясь, станица и посёлок в 1918–1920 годах соединились.

В 1960 году эти две соседние административные единицы были объединены в одну и названы городом Усть-Лабинск.

В 1917 году крепость совершенно утратила своё назначение: изменились взаимоотношения русского и адыгейского населения, изменились правовые, политические, экономические условия, стушевались религиозные противоречия.

Форт-Штадт, как административная и военная единица, ушла в историю, сохранилась покамест ещё в памяти немногих стариков.

Осталось ли что-либо от крепости сейчас, т.е. к 1970 году, хотя бы для памяти потомству?

По-видимому, нет!

Гражданская война, неоднократный голод, «саботаж» в период организации колхозов — коллективизации, Великая Отечественная война, оккупация немцами — всё это в основном факторы разрушения, отразившиеся, прежде всего на культурных ценностях.

Позвольте теперь перейти ко второму вопросу.

Существуют ли какие-либо общие характерные особенности нашего рода?

Да, можно назвать несколько!

Первое, что сразу же бросается в глаза — это семейный атлетический тип конструкции. У женщин эта особенность менее ярко выражена, примерно в 50%.

Рост мужчин в среднем колеблется в пределах 173–182 у пожилых и 182–186 см в молодом юношеском возрасте. Я хорошо помню своих деда и дядей. Все они с отличным стройным телосложением, высокого роста, довольно основательной физической силы. Те из них, кто призывался в армию, проходили её, как правило, в гвардейских частях, чаще — артиллерийских, а туда, как в известно, отбирали (во много раз

строже чем сейчас), предъявляя особые требования к физическому состоянию и грамотности.

Мой отец — Георгий Иванович относился к классическому — атлетическому типу конструкции, а дети в 50% наследовали этот тип, а остальные представляли смешанный атлето-астенический тип, но с преимуществом первого. Лично я представлял этот смешанный тип, что явилось следствием неблагоприятных факторов в процессе развития. Сын мой повторил наследственные качества моего отца, его деда.

У моего брата Анатолия, погибшего в Отечественной войне вблизи от своего места рождения, на «Голубой линии», также была типичная атлетическая конституция, а у его сыновей отразилась конституция его жены: среднего роста, худощавые.

Представителей чисто астенической и в какой-либо форме пикнической конституции в роду не было.

Отец мой прожил сравнительно немного — 75 лет. В среднем по 80 лет жили его сёстры и братья. Эти обстоятельства характеризуют ещё одну особенность — долголетие. На протяжении обозримой истории рода никогда ни у кого не было случаев разводов, несмотря на то, что случаи неудачных браков имели место и, следовательно, причины для этого имелись.

Дети всегда пользовались особым вниманием своих отцов, а их образование составляло их главную заботу.

Печальная особенность — склонность к скоропостижной, а иногда мгновенной смерти. Причины — наследственная склонность к склерозу коронарных сосудов сердца с развитием коронаритов, инфарктов сердца.

Психическими заболеваниями и туберкулезом никто в роду не болел.

Возвратимся к прерванному рассказу.

Итак, дети Клима Антоновича Антон и Иван остались сиротами в раннем детском возрасте — 9–10 лет.

По ходатайству начальства, в память хорошей, длительной службы их отца и деда, мальчики были определены кантонистами в полк. Здесь, в полковой школе, они получали общее и специальное военное образование.

Антон, в связи с появившейся грыжей, по окончании школы, был освобождён от прохождения действительной военной службы. Ивану пришлось пройти солидную школу: сначала, с 9 до 21 года кантонистом, а с 21 года — действительную военную службу. Антон возвратился в свой родной Форт-Штадт.

Умирая, Клим Антонович всё хозяйство (движимое и недвижимое) разделил поровну между сыновьями. Их планы, ещё разделённые отцом, были рядом, по соседству, обширные, одинаковые. Ближе к улице, но не выходя на её край, при моей памяти, стоял большой, кирпичный, под оцинкованной крышей (роскошью для того времени) дом Антона Климовича.

Усадьба его была огорожена высоким, дощатым забором, такими же калиткой и воротами. Проникнуть за эту изгородь или даже посмотреть вовнутрь двора возможным не представлялось: все щели были тщательно заделаны.

Характерным для этого дома была постоянная тишина, нарушаемая иногда скупым лаем собак, находящихся на цепи. Если открывались ворота и выезжала пара лошадей, запряжённых в повозку, можно было любоваться хорошо кормленными — сильными лошадьми, хорошей упряжью и на железном ходу повозкой.

В глубине двора ещё был турлучный, старый домик, построенный ещё Антоном Дмитриевичем.

Семья Антона Климовича жила изолированно, замкнуто. Он её держал в ежовых рукавицах, собранно, не отделяя своего сына Фёдора на отдельный план.

Занимался он с семьёй исключительно сельским хозяйством, арендуя дополнительно землю, в том числе и землю своего брата — Ивана Климовича.

Куры, гуси, утки, овцы, свиньи были у него в более чем достаточном количестве. Крупный скот находился на выпасе на протяжении более полугода. Хозяйство было поставлено и велось радиво, солидно.

Старик отличался Плюшкинской скупостью (да и внешностью был похож на него): неряшливо одет, в заплатах, с нечёсанными всколоченной бородой и волосами, вечно куда-то

спешит, суетится. Взгляд блуждающий, не видящий, сосредоточенный на чём-то своем, конечно, хозяйственных делах. Материально жил он крепко, старыми староверскими традициями.

По субботам аккуратно мылся в собственной парной бане, но... к сожалению, это не было заметно из-за неряшливости. Вечерами дед читал Библию или Псалтырь, не спеша, с выражением, водя толстыми, подагрическими, неуклюжими пальцами по печатному, не отпуская от себя сына, жену и сноху.

Подойдя к забору, чувствуя, что на другой стороне, у себя во дворе находится Иван Климович, раздавался деспотичный — волевой голос: «А как ты, братец, Иван Климович, сегодня здравствуешь?»

Между женщинами этих двух семей согласия, дружбы не было: не ладили они между собой. Возможно по вине Антона Климовича, который не любил видеть своих женщин без работы: «Одно баловство!»

Старик умер. Единственный его сын Фёдор быстро хозяйство промотал. В противоположность отцу любил выпить. Пил сам, поил подобных себе приятелей и рано умер. Своё желание не передавать хозяйство в колхоз он «выполнил в срок».

Так здесь не осталось ни одного представителя этого колена.

Род Ивана Климовича, несмотря на несравнимо худшие условия, был перспективнее: уже в первом колене выделились лица, поднявшиеся над общим уровнем, а во втором колене, многие члены получили высшее образование и уважаемое положение, правда в изменившихся социальных условиях.

Иван Климович — мой дед, унаследовал отцовский тип конституции: высокий, статный, крепко-сбитый, а в характере имел свои особенности. В противоположность своему импульсивному балагуру-отцу был сдержан, скорее замкнут, внимательный, услужливый, спорные вопросы обходил или молчанием или отделялся шуткой, или, удивляясь, спрашивал: «Да что вы говорите, неужели так?»

Представлял полную противоположность брату: всегда тщательно выбрит, коротко острижен, рано вставал, мылся

до глубокой старости, во все времена года во дворе, всегда раздеваясь до пояса.

Особое уважение к нему питала моя мать.

Возможно, многое из черт его характера выработалось в процессе его учения, контактов с людьми, его длительной военной службы, т.е. вне дома.

В 45-летнем возрасте он вышел в отставку, получив первый офицерский чин. Служба его всё время протекала на Кавказе. Родился он в 1813 году. Женился сразу по выходе в отставку на донской казачке, семья которой из Дона перекочевала в соседнюю Воронежскую станицу.

Жили они в старом, трёхкомнатном домике, построенном для него его отцом. Домик был ветхий. Дед Иван Климович подправлял его, ремонтировал, но продолжал жить в нём, возражая моему отцу снести его и построить новый.

Часто, приезжая, я бывал в нём (всегда наши родители останавливались здесь) и всегда был под особым впечатлением тепла, чистоты, тишины и уюта, нарушаемых вечерами «пением» сверчка. В домике стоял аромат цветов, заготавливаемых бабушкой для лечебных целей, и трав, которыми покрывался по праздникам земляной пол. Главное же, что доставляло мне особое удовольствие — это пышки, которые пекла бабушка, заливала их сметаной, сложив предварительно в глиняный горшок, и ставила в вытопленную русскую печь, где они некоторое время «томились».

Я не помню: готовили ли в этом доме какие-либо другие пироги или вообще пищу, ел ли я её?

В памяти сохранились только эти пышки — подлинный кулинарный деликатес! До сих пор они остаются моим идеалом!

Так больше никогда не приходилось мне есть это кулинарное производство!

Помнится послевоенный тяжелый голодноватый 1946 год... Из серии голодных это был последний. И, если он назван голодноватым, годы 1921–1922 представляли настоящий голод. 1932–1933 годы по своей тяжести, тотальности, людоед-

ству, многомиллионным жертвам не имеет равного примера в истории человечества.

Итак, в одни из дней этого 1946 года жена приготовила «мамалыгу» из кукурузной муки на воде с одной столовой ложкой растительного масла. Всем пища понравилась.

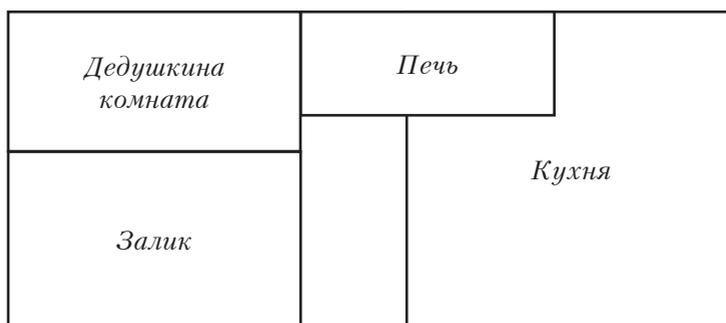
«Как это мы до сих пор не готовили такую прелесть?»

Спустя несколько лет жена предложила мамалыгу, приготовленную теперь на молоке и сливочном масле. Посмотрели мы друг на друга, улыбнулись, мамалыга не пошла ...

Возможно такую же реакцию вызвали бы теперь и идеализируемые мною бабушкины пышки?

У деда было 4 родных сына, две дочери и один приёмный сын: Алексей, Ольга, Иван, Георгий, Прасковья, Семён и Николай.

План дедушкиного домика

Дедушка жил в отдельной маленькой комнатке, сам её убирал, следил за чистотой, отличался примерной аккуратностью и чистоплотностью. Не любил постороннего вмешательства в своих владениях.

В этой комнате стояли: деревянная односпальная кровать с жёстким матрасом, всегда тщательно заправленная, и шкаф орехового дерева. На шкафе стоит остановиться, он заслуживает внимания своим удобством. Напоминал он современный секретер, но массивнее и удобнее. Состоял он из 3-х частей: верхняя с застеклёнными и нижняя часть с деревянными двер-

цами, примерно составляя 7/8 шкафа, представляли: верхняя — книжный, а нижняя — бельевой шкафы. А вот средняя часть, приблизительно 1/8 его, в форме полукруга, откидывалась на две выдвигаемые рейки, представляя в таком виде письменный стол — конторку, в глубине которой было несколько выдвигаемых ящичков.

Раз сложенные книги, бумаги, редко изменяли своё положение, разве когда он находил для них лучшую форму. Отец мой неоднократно говорил о моём сходстве с дедом, включая и внешность. Дед не курил, спиртные напитки не пил. Жил он на небольшую пенсию, небольшую сумму от аренды своей земли, занимался юридической деятельностью: писал прошения, ходатайства, вёл тяжбы. В этом деле он был мастер, так как в полковой школе учился на административно-юридическом отделении.

Материальные средства были ограничены, недостаточны. Последнее усугублялось склонностью общительной бабушки «водить компанию», погулять с подружками. Это требовало денежных затрат и времени, что в свою очередь сказывалось на состоянии хозяйства и уходе за детьми.

Хозяйство можно было бы развить, приложив желание и некоторую энергию, по примеру соседа — родного брата, тем более что для этого имелись все условия. Бабушка, к сожалению, в этом отношении была безынициативна, не имела к этому склонности и главное — желания. Неоднократные попытки дедушки активизировать хозяйство, хотя и он не имел для этого необходимого опыта, закончились безуспешно.

И в уходе, и в воспитании детей бабушка была безактивна: дети, можно сказать, были предоставлены сами себе. Всё дело воспитания детей сводилось к тому, чтобы как-то их покормить и одеть. Посещение школы, подготовка уроков и вообще — образование также регулировалось самими детьми. Вот почему некоторые из них не закончили и начальную школу (Алексей, Ольга, Семён). Кто хотел, тот учился.

Дяде Ивану удалось закончить пять, а моему отцу — семь классов. В дальнейшем отец подготовился самостоятельно

и сдал экстерном экзамены, получил право учителя начальных школ. С 16 лет и до 20 он работал на почте.

27 июня 1907 года дедушка, как обычно, поужинал, лёг спать, утром его нашли холодным. Было ему 94 года. До смерти он сохранял ясность мысли, постоянно интересовался состоянием государственных и общественных дел. Это был большой патриот Родины.

Домик, с которым так не хотел он расстаться, придавая этому какое-то символическое значение, был вскоре моим отцом сломан и несколько поодаль на этом плане поставлен также 3-х комнатный, кирпичный домик с оцинкованной крышей, чтобы поддержать одинаковую форму с домом брата-соседа.

В этот домик перешёл с семьёй жить меньший брат отца Семён Иванович, которому, в память своему отцу, он был подарен моим отцом. Дед об этом просил отца, так как при своей жизни, он не имел возможности выделить на самостоятельный план своего меньшего и самого неудачного сына — Семёна.

Отец говорил: «Это третий дом на этом плане». В последний раз дом, построенный отцом, я видел в 1922 году. В него я не зашёл, постоял на улице, даже посидел на скамейке у калитки, покурил. Во дворе ничто не выдавало жизни. Было тихо и в соседнем дворе — троюродного брата. Дядя Семён с сыном погибли в Астраханских песках, в тифозном бреду, в составе отступавшей в 1918 году Таманской армии (вернее остатков). Тётка — жена Семёна Ивановича умерла.

Здесь теперь, по-видимому, жили племянники, возможно внуки, никогда не видевшие и не знавшие меня и моего отца. Я не нашёл тогда нужным представлять себя им, рассказывать длинную историю, наверно, им неинтересную и ненужную. Бросился мне в глаза наполовину уменьшенный план. Значит, половина его была продана.

Отец мой, особенно в Братский период отличался жестокатым характером, но к своим родственникам питал особую слабость. Все они получали от него значительную помощь и часто этим злоупотребляли.

Тремя-четырьмя годами раньше, в этом же посёлке, в 3-х кварталах от дедушкиного дома, рядом с домом своего старшего брата — Алексея Ивановича, отец построил кирпичный фундаментальный о пяти комнатах на прекрасном плане, засаженном отличным фруктовым садом. Дом строился с удобствами для того времени, с особой любовью, специально для себя: имелось в виду поселиться в нём по выходе на пенсию, коротать здесь старость среди своих родных. Этим планам не суждено было сбыться: дом был национализирован.

Не знаю: существует ли он сейчас и как выглядит? Отец его видел в 1912 году, а я в том же 1922 году. С потерей дома отец примирился.

К этому времени у него произошла размолвка с сестрой — Ольгой Ивановной, разочарованный и этим событием, отец, побуждаемый к этому моей матерью, потерявший надежду идиллии отношений с родственниками, которые часто злоупотребляли его добротой, переехал на новое местожительство, на Таманский полуостров.

В Форт-Штадте остались:

Ольга Ивановна Ройнова (по второму мужу) с двумя дочерьми — Ксенией и Елизаветой и сыном Васей. Последний умер 21 года, кажется, от скоротечного туберкулёза.

Семья Ройновых выделялась тогда зажиточностью. Девочки закончили гимназию и мечтали о ВУЗе.

От первого мужа Победоносцева у тётки было 4 сына:

а) Андрей — фармацевт, имел собственную аптеку в г. Благовещенске, защитил диссертацию и потом заведовал кафедрой в Мед. институте;

б) два сына — Борис и Леонид получили образование сначала в фельдшерской школе, а затем в Медицинском институте, работали практическими врачами;

в) старший — офицер, капитан-артиллерист царской армии. По возвращении с фронта, после его развала в 1917 году, в состоянии депрессии, приглядываясь к жизни, не зная с чего начать новую жизнь, временно проживал со своей семьёй среди родни, в Форт-Штадте.

А тем временем события не стояли на месте, наоборот, бурно развивались и не могли не вовлечь и его. Он был призван в Красную Армию и здесь, у Сорокина — командарма, командовал большим артиллерийским соединением.

В частях Белой армии было подмечено: огонь его батарей отличался особой меткостью, он косил ряды «психических» атак корниловцев, марковцев, дроздовцев.

Взятый в плен был немедленно расстрелян.

А могло бы быть иначе: он проявил колебания в тот момент, когда нужно было принимать немедленное решение.

В подобной обстановке нерешительность, двоение, колебания приводят к печальному результату.

В 1920-х годах семья Ройновых переселилась в Баку, по месту жительства сына Леонида.

Жизнь остальных братьев отца сложилась по-разному.

Алексей Иванович — старший брат отличался трудолюбием и молчаливостью. Чувствовалась в нём большая — медвежья физическая сила. Это так и было, но, к сожалению, осложнённая большой паховой грыжей, полученной от чрезмерного напряжения. Он единственный из всех братьев самостоятельно, безропотно занимался исключительно сельским хозяйством. Его материальное положение было на уровне середняка.

Единственная его дочь была хорошей модисткой, а внучка — акушерка — жена инженера-нефтяника. Умер Алексей Иванович внезапно, глубоким стариком.

Иван Иванович — единственный из сыновей, который не имел сходства со своими родителями, роднёй. Высокий, статный, в остальном был похож на «проезжего молодца адыгейского типа»: брюнет, нос с горбинкой, с вьющимися волосами, с чёрными глазами, балагур, задира, гуляка, добрейшей души.

Заехал я к нему в 1922 году. Меня он видел мальчиком на Братском 11–12 лет.

Теперь он был вдовец. Жизнь коротал одиноко, когда надоедало гостить то у одной, то у другой многочисленных своих дочерей. Тогда он приезжал отдыхать в свой домик на Форт-Штадте. Узнал меня сразу.

Что-то он в это время мастерил: шил обувь. Руки у него золотые: сделает всё, за что возьмётся. Семья у него большая, нужно было изворачиваться. Увидя меня, он не встал, не обнял, но радость была искренней. «А, Егоркин, наконец! Живой? Ну, слава Богу! Располагайся!» Немедленно приступил к угощению. «Маша, — обратился он к соседке, иди-ка смастери нам вареники!»

Вареники — это то кулинарное искусство, которое можно было предложить почётному, дорогому гостю. Оно — любимое блюдо дяди. Ему казалось, что в них заложен верх гастрономического совершенства.

Вареники были сработаны быстро, поданы на стол, и полилась речь воспоминаний. Долго, за полночь мы «гутурили». Вот так приятно провёл я у него ночь.

С помощью отца занимался он разнообразной коммерческой деятельностью. Дома он имел маленькую лавочку с разнообразным ассортиментом товаров. Управляли ею жена и дочери.

Семья его состояла сплошь из девчонок. Их, кажется, было не менее семи или восьми. Они ему помогали безотказно и в торговом деле, и в сельском хозяйстве. Девчонки отличались трудолюбием и дружелюбием. Держал он их в чёрном теле.

И вот как-то всех он сумел пристроить, всех вывести в люди. Одни из них довольно удачно вышли замуж: у одной муж — инженер, у другой — имел кожевенный завод, потом, понятно, национализирован.

Одни из них стали учителями, одна — врачом, ещё одна — инженером. И жила бы эта семья безбедно, если у дяди не было склонности к Бахусу. Последнее наступало периодами, и тогда в доме царили слёзы, побои, крики. Девчонки разбегались по соседям.

А вот ни одна из них не свихнулась, сохранили к отцу уважение и доброе отношение. После 50 лет он уже не пил.

Но как могло случиться, что он похож «на молодца»? Бог его знает, мало ли каких чудес на свете не бывает? Известно, только, что дедушка по роду своей работы был связан с адыгейцами, со многими из них был кунаком. Часто они толпи-

лись у него дома, во дворе, по военным, земельным делам. Писал он заявления, прошения по всяким поводам, вёл учёт военнообязанным, решал разные споры, тяжбы.

Немудрено!

Можно было и сглазить бабушку!

А глаз — дело нешуточное!

Умер Иван Иванович тоже «от сердца», в возрасте более 80 лет. Младшая сестра отца Прасковья Ивановна в 17 лет вышла замуж за учителя Михаила Донского, казака станицы Некрасовской, работавшего в школе хутора Болгова (выходцы из станиц), в 7–8 километрах от хутора Братского. Имела она 4-х сыновей и одну дочь.

От мужа вся эта семья унаследовала туберкулёз легких, одну из наиболее злых форм, осложнявшийся туберкулёзом гортани. Им были заражены не только эти — прямые наследники, но и внуки, и вообще все те, с кем он контактировался, и члены этой семьи, и особенно Александр.

Страшная история!

Вся семья в конце концов погибла от туберкулёза, и только единственная мать Прасковья Ивановна устояла от заражения.

Сначала погиб один из сыновей 18-летний Михаил, потом муж дочери — здоровяк, красавец, сгорел за 2 месяца на 32 году жизни. Внук и внучка умерли также мучительной смертью в возрасте 17–19 лет от удушения туберкулёзом гортани.

Братья Владимир и Александр страдали хронической формой с частыми обострениями. Странно: оба основательно пили. Не оказывал ли алкоголь благотворное в этом отношении влияние? Что касается матери и её дочери Елены, находящихся в наиболее уязвимых условиях (уход за больными и т.д.), они туберкулёзом не болели. Это обстоятельство можно объяснить конституциональными причинами. Их конституция была типично Дмитриевская — чрезвычайно устойчивая к туберкулёзу.

Наследственность — чрезвычайный фактор жизни!

Утро 29 марта 1929 года выдалось ранневесенней погодой.

Меня потянуло в степь... Быстро надел резиновые сапоги, патронташ, вскинул централку, позвал собак и пошёл вдоль

реки Чамлык. Собаки суетились, прыгали, лаяли, выражая всячески свою радость. Часа два незаметно пробежали: ушёл от дома я километров на десять.

Внезапно стала резко меняться погода: подул северо-восточный ветер, пошёл снег сначала отдельными мушками, потом — хлопьями. Ветер усилился, поднялась метель. Я обеспокоился, так как легко был одет: на мне был парусиновый плащ поверх шерстяной гимнастёрки.

Собаки мои (короткошерстные, пойнтеры) стали промерзать, потеряли свой охотничий азарт, стали жаться ко мне. Я повернул обратно домой.

Вдруг... у берега, с подветренной стороны... сидит, нахлывшись, стайка уток.

Выхватываю ружье и дуэтом бью по стайке...

О, ужас, утки — домашние! Пара осталась на месте, остальные полетели на хутор, расположенный в 1–2 километрах. На зов прибегают две женщины и мой знакомый кум (С.М.) Нас разделяла река шириной в этом месте не более 3-х метров. Я перебросил кошелёк с шестью рублями (в то время кормленная утка на рынке стоила 2–2 с полтиной). Извинился, подобрал уток, попрощался. Конфликт был исчерпан.

«Да вот, беда, всё бы ничего, но попорчено гнездо!»

«Что за чертовщина, в чём же дело?» С.М. перебрался через реку, идём вместе...

«Да в том, что утки эти хозяйками отобраны, проверены. Они прекрасные несушки, отличные наседки. Ведь утки, как и люди разные — легкомысленные и серьёзные. Села на яйца, а через три дня их бросила и занялась флиртом. Пропали яйца... А эти к осени выведут всех вылупившихся утят! В них заложены хорошие наследственные качества, чем хозяйки дорожат!»

В этот период работал я в станице Чамлыкской. Соседом моим был бывший гвардеец, служивший в Петрограде, высокий, статный, красавец-брюнет. С ним частенько коротали мы зимние вечера, с ним и с С.М. иногда проводили время на охоте.

В противоположность С.М. хозяйство у него было образцовое, зажиточное. «Так вот, Николай мой (сын-студент сельхозинститута) решил жениться и оставить институт. Поговорите с этим дураком. Пусть женится, но не на избранной им девушке: род вонючий! Завоняется наш род!»

Увидел я эту девушку: блондинка, смазливенькая, со вздернутым, широким носом, бледноватым лицом.

Чем я мог помочь?

Николай был неумолим. Вскоре состоялась свадьба, и ещё вскоре утром я нашёл усадьбу соседа опустевшей: всё бросил и уехал, боясь ликвидации, как кулацкого хозяйства и высылки на север. Явление для того времени (разгара коллективизации) — нередкое...

Прошло 7–8 лет.

Еду я из Сочи... Смотрю в окно... Головинка...

Боже мой, да ведь это мой сосед! Подбегает...

«П.Г., умоляю, сойдите, закомпостируем остановку!»

Завтракаем...

На плане два домика...

«Этот домик наш: живём мы — старики и Николай... В другом — невестка с внучками. Сын хочет разводиться: воняет от жены...

А что говорил я?

Пока жив, не позволю! Она стала моей дочерью, и я не изменю своего отношения, а внучек не позволю осиротить!»

Смотрел я девочек: упитанные, жизнерадостные девчушки, но уже с выраженными явлениями озены.

И действительно, гвардейский род завонялся...

Наследственность?! Ей во многом мы обязаны: и состоянием здоровья, и состоянием преступности, и полноценностью семьи.

Пройдёт не так уж много времени, и общество возьмёт её под свой контроль!

Я опять отвлёкся, возвращаюсь к прерванному...

Из всего рода своей неудачливостью, неприспособленностью к жизни отличался младший брат отца Семён Ивано-

вич — последыш, баловень матери, первоклассный, образцовый лентяй. Его домашнее хозяйство находилось в самом плачевном состоянии. Половина плана с садом была продана, сельское хозяйство велось на самом низком уровне: земля распахивалась несвоевременно, борьба с сорняками, прополка совершенно не производились. Лошади худые, забиты, наверно днями не поенные, не кормленные. Збруя вся в связках. Во всём сквозили неряшливость и лень.

По существу Семён Иванович находился на иждивении отца. Последний выполнял просьбу отца.

И ещё был один брат у отца — Николай Иванович, крещёный дедом, с уличной кличкой — Махмуд, что было близко к истине.

Неоднократно отмечалось: жизнь на Кавказе была неспокойной. Она постоянно осложнялась разнообразными происшествиями: угоном скота, конокрадством, покосами посевов, убийствами из-за угла.

Прекратилась война с Кавказскими народами, пал Гуниб, сдался в плен Шамиль, поселённый в Орле, возведённый в потомственное дворянство, а мирная жизнь ещё долго не могла наладиться, конфликты не прекращались. Коренное население всевозможными способами сопротивлялось постепенному методичному продвижению русских. «Оборонительная линия» на отрезке от Тамани до Темрюка тянулась по реке Кубани. Включая станицу Васюринскую она была населена выходцами из Запорожской сечи, после её ликвидации Екатериной II, переселившихся с атаманом Антоном Головатым.

Памятник ему и этому событию я видел в Тамани, недалеко от пристани в 1919 году. Начиная от станицы Воронежской и вверх по Кубани шла укреплённая «линия», населённая в основном бывшими крестьянами. Коренное население постепенно отходило в горы.

Закубанье представляло тогда обширную территорию занятую лесостепью, поросшую богатыми травами. Это царство пернатых: дроф, куропаток, фазанов, стрепетов, перепелов и больших лесных массивов граба, дуба, кизила, ореха, ели, ежевики, горной малины. Территория тревожная: запоздав-

ший или утративший бдительность путник из-за засады легко найдёт здесь смерть во славу Аллаха.

Несколько реже она являлась свидетельницей взаимных набегов.

Последний ответный набег Усть-Лабинцев и Форт-Штадцев был в 1860 годах.

У опушки леса дед подобрал мальчика (адыгейца) лет 4–5, в горячке брошенного, а вернее спрятанного в лесу. Мальчик, «Богом посланный», названный Николаем, был привезён домой, брошен на печь в общую кучу братьев. Рос он толковым, хозяйственным, смелым, услужливым мальчиком. Как рассказывает дед: группа подвод (тогда в целях безопасности ездили группами) двигалась в соседнюю станицу Воронежскую на престольный праздник и погостить у родителей бабушки. Вдруг на полпути солнце меркнет, наступили сумерки (затмение), подводы остановились: люди плачут, молятся, «наступает конец света».

А Николай тем временем обменивает старые колёса на новые... Энергия у него была неиссякаемая... Досталось ему от деда!

Свою судьбу, как она не скрывалась, он потом узнал: частые гости — кунаки деда сумели достойно обработать Николая... В возрасте 20 лет, перед призывом в армию, его не стало: то ли горы его укрыли, то ли он попал на след своих отца, родственников, то ли, как говорили злые языки, приют себе он нашел в Турции.

И жили бы, возможно, эти семьи и сейчас здесь, в своём родном Форт-Штадте.

Жили бы своими радостями, успехами, неудачами, иногда скоропроходящими разногласиями, печалью, сменяя друг друга, размножаясь и всё более и более опутываясь родственными связями.

Посёлок — сплошная родня!

Праздник ли, свадьба, похороны, крестины — повод для «Климовского» раздолья и удали. Все здесь от мала до велика, все друг за друга, один перед другим, братья всех степеней родства, снохи, свахи, кумовья... Дрожит земля от плясок, пе-

сен, веселья. Раскошелливается мой отец, но он в тени, в уютных комнатах дедовского или Иванова дома. Тон задаёт Иван Иванович — красивый, голосистый, почти всегда в высокой папахе и наброшенной на плечи бурке.

Он впереди, инициатор хороводов и плясок...

Но... ничто не вечно под луной!

На небе ярко засияла большая, быстро движущаяся хвостатая комета...

И, как первобытный человек, поражённый бесконечностью времени и пространства, окружающего его мира, со страхом вглядывался из своей пещеры, страшась его... И теперь хуторяне молча, со страхом, боязливо всматривались в комету, полную неизвестности и догадок...

Кто, что?.. Откуда пришла, для какой цели?

Что знаменует она?

Какие ещё предзнаменования горя и страданий несёт она?

Голод, мор, войну?

Смолк на хуторе и посёлке громкий людской говор, не слышно смеха и песен... Шёпотом, как бы прячась, чтобы не услышала комета, передают новости.

Не идут дожди, на листьях акаций и других растений от обилия тли появилась клейкая коричневого цвета масса, листья желтеют, сохнут, осыпаются...

Комета ушла...

Внезапно, в августе 1914 года, в 14 часов колокольный набатный звон оповестил о войне с Австро-Венгрией, Германией, Турцией, Болгарией...

Отъезд отца в 1912 году из хутора, разочарованного рядом обстоятельств, справедливо побуждаемого к этому моей матерью, стремившейся освободить его из-под отрицательного иногда влияния некоторых родственников, явился началом распада Форт-Штадтского периода, охватившего более 200 лет, пришедшего на смену Рязанскому.

Сначала медленно, а с 1920 годов всё более энергично, стали расселяться члены этой фамилии в поисках лучших условий своих судеб.

Революция 1917 года резко изменила темп жизни! Она пробудила сознание необходимости изменения своего положения, она явилась стимулом прогресса! Продолжение прежней жизни вело к физическому, экономическому, культурному застою.

Наступил период переоценки ценностей.

Сиротеет Форт-Штадт!

Остаются здесь только некоторые старики, не желающие уносить свои кости от родной земли, от могил отцов и матерей.

Умерли здесь глубокими стариками и мои прадеды, дед Иван Климович, двоюродный дед Антон Климович, дядя Алексей Иванович и тётка Прасковья Ивановна. Умер здесь, в своем домике и неугомонный дядя Иван Иванович, приезжавший сюда отдыхать от гостеприимства своих многочисленных дочерей. На этот раз потянуло его сюда предчувствие приближающейся смерти.

Побывал у брата — Егора, сходил в церковь, облюбовал место на кладбище, приготовил необходимое белье, гроб.

А молодёжь расселяется в поисках новых путей, новой лучшей жизни...

И в каких только уголках необъятной Родины их нет?

Примечание

1. Кантонист — сын солдата, со дня рождения принадлежащий военному ведомству и обучавшийся в особой военной школе. (А.И.Герцен. Былое и думы., стр. 179).

2. Даты даны по старому стилю, т.е. по летоисчислению, которое велось до Октябрьской Революции 1917 года.

ЧАСТЬ II

ХУТОР БРАТСКИЙ

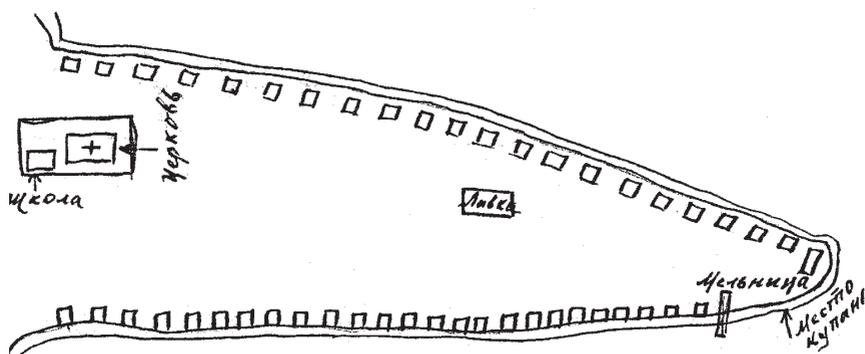
Детство. Отрочество

До августа месяца 1912 года отец жил на хуторе Братском, что в 25 верстах от станицы Усть-Лабинской.

Семья наша была большая, состояла из пяти братьев и двух сестёр (Михаил, Пётр, Раиса, Нина, Валентин, Анатолий, Вениамин).

Хутор — небольшой, хлебный, зажиточный состоял из 40–45 дворов, расположенных друг против друга, по берегу реки Зеленчук, которая здесь, у южной оконечности хутора, образует колено.

Выглядит это следующим образом:

Северная часть территории хутора — возвышенность. На самой её вершине стояла небольшая кирпичная церковь, вернее молитвенный дом в форме ковчега, окружённый оградой.

В северо-западной части ограды — домик, состоящий из двух комнат: одна из них — меньшая (это церковная сторожка), другая побольше — церковно-приходская школа.

В ней стояли 12 парт, по четыре в ряд. Каждый ряд — это самостоятельный класс (вернее отделение класса). Следовательно, в этой школе было три отделения, соответствующие трём классам. Свободного места в комнате почти не было, если не считать небольших промежутков между партами, чрез которые едва-едва можно было протиснуться.

Вот здесь учился я с 1907 по 1909 год. Возвышенность северной части хутора постепенно к югу и западу понижалась. Расстояние между восточным и западным коленами реки, а, следовательно, между рядами усадеб составляло в северной части около километра (тогда расчёты велись на вёрсты), а в южной до полукилометра.

Хуторяне любили простор!

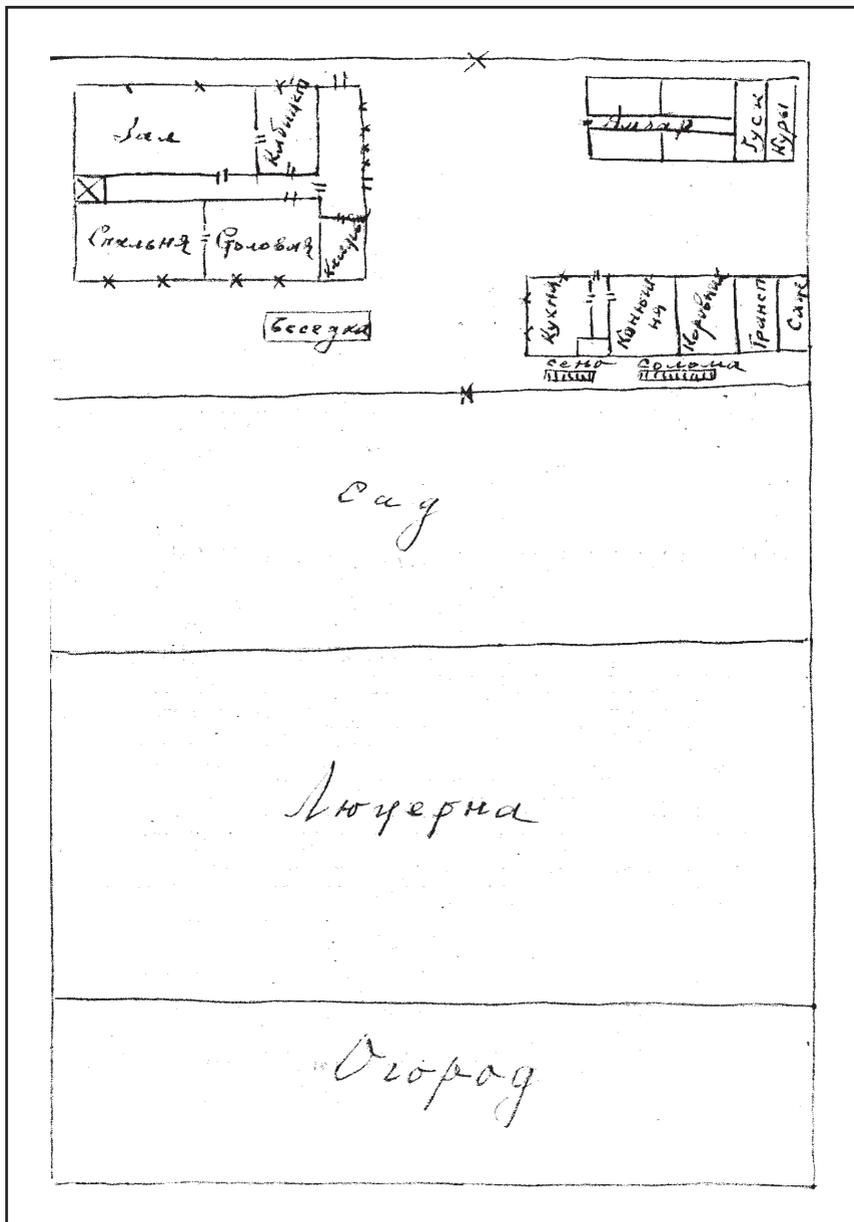
Усадебные планы — большие, просторные, одинаковые у всех, равные десятина: чтобы не было обидно.

План усадьбы отца, как у всех, состоял из 4-х частей:

- а) $1/4$ площади занимал двор со всеми службами,
- б) $1/4$ — сад,
- в) $1/8$ — огород,
- г) $3/8$ площади занимались травой (люцерной), скашиваемой по мере надобности для ежедневных нужд.

Одна четверть всей площади, прилегающей к берегу, шла под уклон к реке.

Дорога со стороны Ладожской, т.е. с севера, начиная с левого берега реки Кубани, по выезде из станицы, после переправы паромом через реку, постепенно повышается: её высшей точкой является место расположения церкви хутора. От Ладожской до хутора, т.е. до церкви, расстояние равно семи верстам — это сплошная степь. Церковь уже с половины пути

План усадьбы отца

начинает вырастать, хутор же обзревается только тогда, когда подъезжаешь к церкви: он расположен в балке.

Книзу, по прямой от церкви, на середине хутора, домик: лавка еврея.

В ней можно было приобрести самые разнообразные товары: от колёсной мази, дегтя до сельдей, тарани, халвы.

Это «универмаг» (да нет, больше!), помещавшийся в хибаре равной по размеру домику с площадью 10 на 10 метров.

Здесь могли предложить довольно ходовой «модный» хлопчатобумажный товар и другие виды текстиля. Еврейчик выполнял самые разнообразные поручения, заказы, выполняя их в самый сжатый срок.

Лавка с габаритами, в которых трудно было развернуться двум человекам, могла вести самые широкие коммерческие операции: как уже сказано, выполняла заказы на продовольственные, промышленные товары, оформить в рассрочку швейные машины Зингера, приобрести сельскохозяйственные машины (плуги, сеялки, сноповязалки и т.д.) и тоже в рассрочку их стоимости.

Здесь же покупалась в неограниченных количествах сельскохозяйственная продукция со скидкой 1-й — 2-х копеек на пуде зерна против заготовительных цен баз Ладожской, Усть-Лабинской.

Аппарат лавки — один худой, забитый, маленький человек, достопримечательностью которого были громадный, искривленный в сторону нос, и с десяток полуголых детей, которых трудно было отличить друг от друга по возрасту и внешности. Их можно было встретить в разных уголках хутора за выполнением поручений своего отца.

Третий дом слева, на западной стороне, дом Худалея — степенного, грузного, патриархального старика-вдовца; жил он одиноко. Изредка к нему приезжала единственная его дочь, проживающая с мужем (офицером, редкостью по тому времени) в Екатеринодаре. Худалей — купец. Его лавка, по сравнению с еврейской, была со значительно большим ассортиментом товаров, свободно отпускаемых в кредит.

Во дворе у него стояла громадная деревянная голубятня с тьмой тьмущей голубей самых разнообразных пород (предмет моей зависти!)

Вообще голуби были в каждом дворе, в том числе и у нас. Разведением их никто не занимался, может быть кроме меня. Базой для них являлась Худалеевская голубятня, откуда они, не находя себе мест, расселялись в любые норки, дырки в сараях, под крышами амбаров, на потолках и т.д.

Пятый двор, чрез двор от Худалея, наш.

Земли, на которых сидели хуторяне, плодородные, чернозёмные, купленные ими у помещика-генерала.

Хуторяне — овцеводы Таврической губернии, приобрели они эту землю для своих отделяемых сыновей.

Жили хуторяне крепко, организованно, дружно. Сельское хозяйство они знали, умели с любовью им заниматься. Каждый двор — полная чаша птицы, скота. Урожаи были хорошие. Они здесь и сейчас сохраняются на самом высоком на Кубани уровне.

Хлеб продавался не на пуды или центнеры, а вагонами. Хлеб урожая этого года обычно задерживался в закромах до весны. Это практиковалось по двум соображениям: к весне хлеб был дороже, а с другой стороны, продавался тогда, когда определялся урожай следующего года.

Река Зеленчук в этом месте довольно широкая — метров 200–250 в восточном её колене, полноводная, величавая, с большим запасом рыбы и раков. Её часть, к которой прилежали огороды нашего правого ряда хутора, представляла прямую противоположность: воды здесь во много раз было меньше, а главное — заросла она труднопроходимым камышом. Это царство водоплавающей дичи: уток, курочек, гусей.

Возможно, буйным ростом камыша река обязана водяной мельнице, расположенной на повороте реки, на границе её южного и западного отрезков. Вода, чтобы приводить в движение колесо мельницы, задерживается на южной стороне дамбы.

В своём течении дальше, т.е. ближе к Кубани, в которую она впадает, постепенно набирает силу, становится полноводнее.

Тихо на хуторе!

Люди заняты. Дел много, спешат. Работают все от мала до велика.

Изредка слышится переключка петушиного пения и лай собак. В зимний период работы стихают, в основном сводятся к уходу за скотом. Куры, индейки нахохлились, держатся стайками, против ласкового солнца, в затишке, стоят, перемно меняя ноги.

Лошади, коровы покрыты мягкой, отросшей шерстью. Они застоялись в стойлах, пытаются вырваться, побегать.

С Покрова (1 октября по ст. стилю) начинается время свадеб, гуляний, вечерниц.

Рождественские, новогодние, крещенские праздники представляют максимум веселья, развлечений.

С 25 декабря по 7 января сплошные праздники: ёлки, колядки, щедривки, волхвование, подарки, гаданья, катанье на санках, снежки, хуторские бои и т.д.

Разве возникали вопросы, чем кормить, угощать?

Где и как продукты приобрести?

Нет!

У каждого всё это во дворе.

Затруднения выражались в придумывании рецептов лучшего, необычного угощения гостей, необычного приготовления блюд. К сожалению, кулинарные книги не удовлетворяли запросов хозяек.

Мои воспоминания о зимних каникулах ассоциируются со снегом, морозом.

Да так это и было!

Настоящая бесснежная зима вызывает удивление.

С 9 летнего возраста меня определили в закрытое училище Екатеринодара. Мать особенно и отец меня благословили и отпустили... Горько я плакал, сознавая, что наступило время, когда связь с родительским домом нарушается надолго...

Да, действительно, уходил лучший период жизни...

На хуторе теперь я мог быть только в каникулярное время. Каникулы зимние — рождественские и весенние — пасхальные продолжались по 10 дней.

С каким же нетерпением они ожидались!

Как было приятно быть дома, в кругу своих: тепло, уютно, сытно, беззаботно!

С этого времени от дома я по существу был отрезан. Бывал я в нём только кратковременными периодами и чувствовал себя гостем.

С первого дня летних каникул нужно было засучивать рукава, работать и работать.

Хозяйство — большое, а рабочих рук мало, недоставало.

Все мои хуторские приятели были у дел, на всех лежала трудовая ответственность.

Вставали с восходом солнца, ложились рано, как только стемнеет. Усталость к вечеру настолько нарастала, что мытьё пред сном ног представлялось страданием, требовало больших усилий. Я и Кирилл спали на свежескошенной душистой траве, на мажаре, во дворе, у спутанных железными путами лошадей.

Приятно!

Вот глубоко вздохнула, пережёвывая пищу, корова; перестала хрустеть сладкую люцерну. Мальчик с глубоким стоном, после тяжёлого дня, также лёг на землю.

Тихо!

По небу быстро движется луна, ныряя в облака. Вот упала «звёздочка», оставив после себя огненный след, также быстро исчезнувший.

Коротка летняя ночь!

Работы очень много, много забот. Во дворе волна птицы: куры, индейки, гуси на реке, где они часто и ночуют.

А кому они нужны?

Пищу нашу в основном составляли молочные продукты, птица, рыба. Говядина появлялась редко, в считанные дни в году, а свинина в зимние периоды бывала чаще.

Свиной отец держал только в саду и обычно двух, реже — трёх. Мясо их в основном коптилось. Коров было две с расчётом круглогодичной лактации. Коровы — хорошие, породистые, продуктивные. Телята никогда не отнимались от матерей: молока хватало на всех. Молоко разливалось по кувшинам и ставилось в погреб. После скисания с них собирались вершки для сметаны и масла. Никто его не учитывал: заходи в погреб и пей сколько угодно. Основная масса — простокваша целиком отдавалась свиньям и телятам. Приобретать сепаратор отец не находил нужным: он не нужен был.

С современной точки зрения хозяйство велось небрежно, безалаберно, совершенно не экономно, с большим процентом потерь как при его ведении, так особенно при частичной его реализации.

Реализация продуктов (из молочных — только сливочное масло) велась не непосредственно, а через родственников. Комиссионные услуги выражались такими размерами, что трудно сказать: какой же процент оставался производителю?

Неоднократно я являлся свидетелем разговоров на эту тему матери с отцом. Мать обращала внимание отца на это обстоятельство, отмечала недобросовестное отношение посредников — родственников.

Она была права!

Хозяйство велось не продуктивно!

Отец молчал, либо отделялся шутками: он это знал не хуже матери.

Лошадей имелось у нас — три: две — для хозяйственных нужд и один — мерин «Мальчик» специально для выездов, под легковую линейку.

Мой старший, на 4 года, брат Миша участия в хозяйстве не принимал. Как-то получалось так, что его летние каникулы уходили на подготовку к переэкзаменовкам. Он оставался летом в городе. Когда же он приезжал в хутор, всё внимание сосредотачивал на рыбной ловле; она его страсть. Она ему приносила заслуженный успех.

К хозяйству его никто не привлекал, а он не выражал желания, лошадей же — побаивался, так как не был приучен. Помню: как-то он изъявил желание поехать со мной купать лошадей. Мальчик меня любил: я его баловал овсом, ячменем, вообще кормил, поил, разговаривал с ним. Часто он баловался со мной, норовя укусить, но делал это губами.

Вид у него был устрашающий: злобный взгляд, красные, блестящие глаза, заострённые уши, выражение морды — хищное. Действительно было от чего если не испугаться, то насторожиться. Так как он был высокий, я мог сесть на него с крыльца или другой возвышенности. Он это знал, знал, что поведут купать, а он это любил и терпеливо ждал, когда я сяду.

На этот раз также я сел на него и предложил Мише сесть таким же приёмом, позади меня. Он это сделал недостаточно эластично, покойно, испугал Мальчика, а, возможно, сам Мальчик проявил свой норов, а это с ним бывало. Он порывисто отскочил от крыльца, стал на дыбы. Мише стоило больших усилий удержаться за меня, но главное, он испугался.

Я взял двух других лошадей за повод и рысью тронул к реке. Миша кричит: «Как ты смеешь загонять лошадей, остановись, я отцу расскажу!» Тогда я пустил лошадей ещё быстрее. Миша пытался дать мне тумака, но это связано с неудобством. Это обстоятельство он не учёл и полетел с лошади. Здорово потом он меня отлупил, но интереса к лошадям более не проявлял.

Лошадей купал я с мостика, на корде. Мостик выступал в реку на 2–2,5 сажени. Здесь, сразу с берега, было специально сделано углубление. После купанья садился я на Мальчика также с этого мостика, при его выходе.

Интерес к хозяйству, к уходу за лошадьми, скотом, птицей у меня проявился рано, эта черта была подмечена и закреплена. Старшие привыкли к этому, смотрели как на нечто естественное, закономерное, предъявляя потом ко мне требования. Чистил утром я скот, отгонял после доения коров в стадо, поил, чистил коровник, конюшню, купал, усвоил методику кормления: когда дать овес, ячмень, мешку, сено и т.д.

На моём попечении была птица.

Косил люцерну, смазывал колёсной мазью втулки и прочее. Труд разнообразный, обременительный, с раннего утра и до темна. Работал я с удовольствием, получая удовлетворение. К этому труду была у меня какая-то потребность. Большое влияние в этом отношении на меня оказывал Кирилл. Ключи от амбара хранились у меня.

Коров по возвращении из стада я любил подзывать, а потом они уже привыкли и сами подходили к крыльцу дома, где обычно их встречали домашние и угощали хорошими кусками подсолённого хлеба (лучшее их лакомство!)

Подходя ко двору, они мычали, мол: «Встречайте, идём!» С лошадьми я разговаривал, они поворачивали ко мне головы, слушали меня.

Лошади — моя слабость, любил я их, жалел. Тогда я не мог предполагать, что с ними мне придётся пережить немало лихих дней, им доверять чувства тоски, неизвестности, порой — отчаяния, разочарования. А тайны, доверенные им, они умеют хранить! Знание их во многом облегчили мою участь.

Мальчик — высокий, стройный конь, вороной масти, с белыми лысиной и чулками, рысак, удивительно сообразительный. Отцу он понравился, и он купил его у профессионального извозчика. Так что виды он видел, оттренирован был недурно.

По делам отца часто мне (а больше некому) приходилось ездить в Форт-Штадт: привозить, отвозить негромоздкий товар, продукты. Трудно мне было полностью запрячь лошадь, особенно засупонить хомут и поставить дугу. Мальчик терпеливо выполнял все требования.

Сейчас без содрогания не могу вспомнить: переправлялись через Кубань паромами. Сейчас совершенно иное: везде отличные мосты.

Как известно, правый берег Кубани высокий и крутой. Для въезда в Усть-Лабинскую была проделана менее крутая дорога, конечно, немощёная. Обычно по ней ездили. Стоит пройти дождю, и сразу же образуется месиво: почва глинистая, грязь,

по колени лошадям, непролазная. И, к сожалению, это терпели на протяжении веков!

Для проезда в Форт-Штадт по этой дороге получался километра два крюк... Но он окупался меньшей затратой энергии лошадей. Левее имелась и другая дорога, которая прямо вела в Форт-Штадт, несколько левее крепости. Этот берег и, следовательно, дорога были более крутыми, преодолеть её в распутицу представлялось невозможным. Но в сухую погоду некоторые горячие головы (если не сказать больше) проделывали по ней путь, к несчастью, в том числе и я. Мальчик был умнее меня: пытался резко повернуть направо, чуть ли не скажет: «Что ты делаешь?» — но я настаивал, и он подчинялся.

С какой же осторожностью и напряжённостью он поднимался и опускался по этой дороге. Дорого ему обходилось такое напряжение: мокрый, глубоко дышал.

С моей стороны это было озорством, легкомыслием.

А ведь могла быть катастрофа!

Прекрасная лошадь!

До Усть-Лабинской было 25 верст. Некоторые места этого пути были небезопасны: были случаи конокрадства. Краденых лошадей уводили в горы, и уж найти там украденную лошадь возможным не представлялось, тем более, что паспортизации лошадей тогда не существовало. Поэтому на ночь лошадей путали замыкающимися железными путами, замыкали конюшни, вообще проявлялась настороженность.

Стоило подъехать к плохо обозримой местности, Мальчик нервно начинает движение ушными раковинами, косясь на меня, готовый немедленно перейти на широкую рысь.

Как это могло бы помочь в реальной обстановке? Полагаю, что соревноваться в беге с Мальчиком нелегко!

В открытом месте, на толочной земле или там, где посеяны зерновые, Мальчик самостоятельно переходит на шаг, продолжая настораживать уши, поворачивать голову.

Инстинкт?

Нет! Я видел лошадей, которым свойственны все виды эмоций. Вот они объята страхом, ужасом, радостью. Они способ-

ны самостоятельно ориентироваться в пространстве и уметь находить выход из положения.

Я сторонник признания разума у животных, в частности, у лошадей.

Из других наших лошадей обращала внимание красавица кобыла мышиною масти: большая, стройная, сильная, но с одним недостатком — кусалась.

Лучшим моментом в хозяйственной деятельности был для меня — сенокос.

Отец выбирал погожий день, во второй половине мая, нанимал человек пять косарей, он, я и Кирилл запасались провизией и отправлялись на место, на ночь.

Сенокос (делянка) был в верстах 16–18 на берегу Кубани заливной.

Какой же здесь аромат цветов, обилие земляники, чистота воздуха!

Спали на скошенной траве, при звездном небе...

Я вообще привык спать летом во дворе, но сон здесь ни в какое сравнение не может идти.

Возможно, особую прелесть прохлады придаёт непосредственная близость Кубани (1–2 метра).

Ночь — в звуках: вот перепел пробил вечернюю, а потом утреннюю зори! Ему отвечают десятки тем же: «Пидь-пидём!» Вот что-то забурлило в реке: не сом ли расправляется со своей жертвой?

Всплеснулась рыбёшка... Гуляет на просторе...

В дождливые дни я и Кирилл спали на специальных нарах в конюшне, при открытых дверях...

С раннего утра начиналась косовица... Приятно смотреть на равномерный ритм движения кос, слушать звук срезаемой травы. Моя обязанность — приготовление пищи, уход за лошадьми. Делали перерыв на обед, завтрак, а после ужина, уже ночью, отправлялись домой.

Через неделю возвращались сюда: перевозили высохшее сено на нескольких горбах домой, где оно укладывалось в скирды.

Хутор оставил во мне след на всю жизнь!

Это лучший период моей жизни!

Да и могло ли быть иначе?

Могли ли изгладиться впечатления, полученные в детстве, тем более хорошие!

Впечатления, не омрачённые ни завистью, ни склоками, ни злобной конкуренцией голых обезьян. С ним связаны самые лучшие, полные очарования и воспоминаний, условия жизни, которым потом уже не суждено было повториться.

Моё возвращение после летних каникул в училище обращало внимание: я отличался от всех особо загорелой, шелушащейся кожей, с кожными трещинами, с сухими, торчащими, выжженными солнцем, волосами.

Я выглядел контрастом.

«Что, ты болел?»

Рано помню я события: отдельные впечатляющие эпизоды с 5 лет.

Мой дошкольный и школьный периоды протекали в обществе трёх приятелей: двоюродного брата Кузьмы (так нелепо погибшего в 1932 г.) и двух соседей — Андрея Чирвы и «Пули». С этой кличкой так мы свыклись, что настоящее его имя затушеввалось.

Никак не могу вспомнить!

Да, собственно, знал ли я его? К нему все обращались: «Пуля!» Это был низенький, коренастый паренек, плотно сбитый, вихрастый, на пару лет старше нас. Андрей — худощавый, щуплый, веснушчатый, с рыжими, во все стороны торчащими волосами, безынициативный, но готовый к исполнению распоряжений в любое время, без всяких возражений.

Кузьма был старше меня на один год. Это плотный, большого роста, физически крепкий, также рыжий, с большими кистями и стопами, самой природой приготовлен к физической работе. Так это и было, а судьба как бы в награду преподнесла ему горькую долю «подкулачника». Не имел он «ни кола, ни двора», с малых лет был приспособлен на роль бесплатного батрака к своим сестре и зятю, людям богатым. На правах родного брата он подвергался жестокой эксплуатации,

не зная покоя ни днём, ни ночью, ведя всё хозяйство зятя и сестры.

Нужно ли им ему помогать, ориентировать его на учёные? Нет, это не входило в их интересы... Наоборот, всячески его отвлекать от этих целей! Зарплата он не получал: ну как же, свой!

Одевали его в то, что выбрасывалось родными братьями или зятем, кормили остатками своего стола.

И этот обездоленный человек, обманутый родными, нищий, теперь, на 33-м году жизни, батрак помещика, должен был нести долю «подкулачника».

За что?

Что-либо сболтнул по глупости?

Время ведь было грозное!

Я отвлёкся: жаль мне эту несчастную жизнь, возникшую непуतेво, погибшую за чужое добро! За грехи матери, за эгоизм своих братьев и сестры.

Игры у нас были разнообразные...

Они обуславливаются рядом условий и прежде всего размерами пространства. А хуторская площадь — большая: мешать некому, а разгуляться есть где.

Весной, как только подсыхает земля, как только на ней на вершок появляется травка, и заботливые родители — гуся в это время выводят своих пушистых, жёлтеньких, проворных малышей, наступает пора игры в мяч.

Это весенняя игра!

По условиям игры, после того, как команды поделились и заняли свои места, каждому члену ударной группы разрешается три удара по мячу лаптой на возможно дальнейшее расстояние. В выгодный момент, когда мяч отлетает за условленную границу, все члены ударной группы должны добежать до этого места (границы) и обратно. Если же в это время кто-либо из противной команды успеет поймать — схватить мяч и им попасть в одного из бегущих, команды меняются местами.

Игра — полезная, спортивная!

Да, для горожан она мало доступна из-за ограниченности площади — пространства.

Летом, как правило, игры затихают: все заняты. Осенью превалировала игра в городки, с хорошими чурками, палками.

У девочек были свои игры.

А зима приносила игры в снежки. Иногда, в зависимости от снега, чаще на масленицу, снежки начинались детьми, к ним присоединялись взрослые... Хутор разделялся на две команды. Игра принимала массовый характер и иногда переходила в рукопашную — кулачный бой.

Довольно часто устраивалось катанье с церковной горки на санках. Запрягали застоявшихся лошадей в розвальни, куда мы — детвора буквально утрамбовывались, как сельди, и пускались наперегонки.

Охота — это в осенний сезон.

Когда мы были малышами, нашими предметами охоты были лягушки, ящерицы, змеи — всё то, что попадалось в огороде.

А вот с 10-летнего возраста охота приобретала характер настоящей. Нас интересовали курочки, нырки, утки, кулики — всё это в больших количествах находилось здесь — вблизи.

Дичь никто не беспокоил.

Наставником и по охоте был тот же Кирилл.

Неоднократно охотились мы с ним на дроф с подъездом...

Занимательно!

А вот рыбалка — удовольствие второго порядка.

Разве можно сравнить условия того времени с настоящими? Рыбы, дичи было полным-полно, а любителей, наоборот, мало.

Сейчас на бедного зайчишку — сотня охотников!

По-видимому, данные условия не могли бы стать базой для написания таких шедевров как «Записки охотника» И. С. Тургенева, Аксакова, Пришвина и др.

Хуторские условия были идеальны: близость водоёма, степи, покой, тишина, почти полное отсутствие любителей, свои транспортные средства, в частности, лодка.

Всё это создавало те необходимые условия, которые могли обеспечить полное удовольствие натуралиста и успех любителя.

Мой брат Миша и двоюродные братья Донсковы — рыболовы высокой квалификации — два соревнующихся лагеря.

Рыба — прекрасная, её много: сазан, окунь, щука, карась и пр. Сазаны вылавливались иногда до метровой длины, весом до 8 кг.

А как же умела их готовить наша мама. Сазан жарился кусками, а подавался на стол на большом блюде, составленный во всю длину, обложенный жареными обильно луком и помидорами. Вкус его сладковато-кисленький, сочный.

Миша торжествует!

Да, в этой области не имеет он конкурента.

Рыбные блюда были часты, так как уловы были обильны. Её все у нас любили.

На рыбалках я бывал, но без особого успеха, не хватало терпения.

Другое дело — раколовля!

На это предприятие часто выходили отец, сёстры, присоединялись мои приятели.

Раков было много, особенно в местах водопоя скота. Ловили их бреднем или раколовками. Брала только больших раков. За час-полтора вылавливали 2–3 ведра. Начиналась общая трапеза. Раколовками ловили на макуху, на глубине полутора-двух метров. Здесь вылавливались исключительно большие экземпляры.

В своём мальчишеском круге о каких только событиях, делах не вели мы бесед. Много, конечно, исходило от старших. В этом возрасте я верил в домового, охраняющего дом и интересы живущих в нём. Верил в ведьму, приносящую зло дому, выдаивающую коров.

Как я мог не верить?

Кирилл мне говорил, что он неоднократно сталкивался в темноте с домовым и не раз, очень рано утром, на рассвете, видел ведьму.

В школе, на второй парте, в среднем ряду, вдвоём, сидели я и мальчик из хутора Финогенова. Этот хутор расположен на другом — восточном берегу Зеленчука, за его юго-восточным коленом.

В грязные осенне-зимние дни, а грязь была непролазная, в школу он приезжал на лошади верхом. Слезет с неё, бросит

на шею повод уздечки, и она сама, выбрыкивая, отправляется домой, на расстояние 6 вёрст.

Простота!

Чужого никто не возьмёт!

Мальчик этот часто приносил на завтрак маленькую деревянную мисочку маленькой жареной рыбки (чуть больше хамсы), как мне казалось, приготовленной каким-то особым способом, необыкновенно вкусной. Главное, не нужно было выбирать косточки: она хрустела.

Мы менялись: я ему кусок халвы, а он мне эту мисочку этих хрустящих рыбок.

С момента определения меня в училище вольница моя закончилась. В училище ещё сохранились некоторые элементы бурсы. Жизнь здесь протекала в условиях строгого, жесткого режима: всё регулировалось звонками. Меня преследовала сначала страшная тоска. Действительно, после такой свободы очутиться в «тюремных» условиях, где подавляется всякая инициатива: страшно!

Так привыкнуть к этой обстановке в течение пяти лет я не смог.

Пройдут 9–10 лет, жизнь предложит мне задачу обучения полудиких лошадей... Я — свидетель: они погибали, но приноровиться к требуемой обстановке не могли.

Я был в положении здесь этих лошадей!

Подъём от сна в 6 часов.

Туалет, молитва, классные подготовительные занятия.

Здание училища состояло из 2-х частей: старого, с печным отоплением дровами, и нового — с центральным отоплением. В старом здании всегда было прохладно — 14–16 градусов. В классах постепенно теплело от присутствия 25–30 человек. С 7 до 8 часов утренняя классная подготовка.

Воспитатель всегда был с нами, т.е. присутствовал, но никогда нами не занимался. Читал книжку и вешивался, если начиналась драка или шум. Освобождал он нас от своего присутствия только на два часа — послеобеденных, которые мы проводили во дворе (и во время, понятно, учебных классных занятий).

В 8 ч. 15 м. — завтрак.

Места за столами строго закреплены.

На протяжении здесь пяти лет мой номер — 23-й (в столовой, библиотеке, спальне, гардеробной и т. д.)

Движение в столовую проходило классными колоннами, по два ученика в ряду.

«Под часами» (самое центральное место в вестибюле), как изваяние, стоит инспектор (может быть, один раз в году его не было на этом месте), стриженный под «ёжик», всегда подтянутый, безукоризненно одетый в сюртук.

Колонны проходят мимо, а инспектор своим пронизывающим взглядом проверяет состояние учеников, их одежды, обуви, стрижки. Замеченные дефекты немедленно вызывали реакцию: не до блеска начищенные туфли, волосы длиннее 2-х пальцев (кроме старшекласников, при условии их хороших поведения и успехов), отсутствие пуговицы.

Он требовал немедленного устранения недостатка. Если это вызывало потерю времени для завтрака, обеда, ученик лишился их.

Пред обедом и ужином эта акция повторялась... И так изо дня в день!

Инспектора мы побаивались, но уважали: он был строг, справедлив и никогда не проявлял издевательств. Обращение к нему всегда вызывало с его стороны внимание.

А кормили нас очень жиденько. Я не помню, чтобы кто-либо вставал из-за стола сытым.

Заведующий хозяйственной частью главным образом «грел» руки на нас, да и он ли один?

Весь административный состав и обслуживающий аппарат питались за наш счёт.

Моим другом был Серёжа Бунин. Он был старше меня по возрасту и по классу на три года. Как было принято, он «шефствовал» надо мной, оберегая от бурсацких наскоков, конечно, небескорыстно (особенно первое время).

Не мог предполагать я тогда, что этой дружбе суждено было потом, в дальнейшем, перерасти в дружбу наших отцов

и матерей, что судьба эти семьи сблизит, поселит неподалеку друг от друга. Потом они будут друг в друге искать утешения, будут вместе оплакивать нас.

В этот период я отсутствовал, но душа моя находилась здесь.

Серёжа в это время находился в плену в Турции: ни его родителям, ни его сёстрам, ни мне уже никогда не удалось его увидеть. В 1915 году, со второго класса семинарии, как только получил он права вольноопределяющегося 2-го разряда, в порыве патриотических чувств, поступил он в военное училище. Через 6 месяцев, по окончании, получил звание прапорщика. В 1917 году попал в плен.

В 1918 году, по возвращении из плена в Новороссийск, вся группа офицеров, в которой был и он, была расстреляна здесь, вблизи Новороссийска.

Почему, за что?

Время было грозное!

Точно такая же судьба постигла и его отца двумя годами позже, почти полностью к этому времени ослепшего.

Старшая и младшая дочери жили в Тбилиси, а средняя — Лида... Это представительница того типа русских девушек, которых так прекрасно рисовал И. С. Тургенев (только взлелеянных русской землёй, так редко теперь встречающихся)!

Её судьба страшная!

Последний раз совершенно случайно, я её видел с матерью в 1933 году на вокзале Новороссийска: её везли в психиатрическую больницу. Подойти я не решился, чтобы не расстроить её маму, но издали опознал ту форму психического расстройства, которое не может быть обратимо.

Узнали ли они меня?

Скоро Лида умерла... Её образ будет вечно мне родным!

Я опять отвлётся...

Между 14–15 часами в училище — обед. Провинившиеся с наказанием «без обеда» стоят посреди столовой во время обеда или «без ужина» во время ужина.

Провинившиеся без конкретного наказания выстаивали своё время «под часами» в вестибюле на виду у всех учеников, гостей и приезжающих родителей.

После обеда, теперь уже без построения, все отправляются в парк, во двор.

Парк занимал громадную территорию, что позволяло организовывать разнообразные виды игр, включая футбол. Попытаемся представить территорию парка в натуре. Представьте: кинотеатр «Смена» — это приблизительно, третья часть здания — остаток нового корпуса училища. Двухэтажный старый корпус уничтожен целиком.

Включите сюда здание, которое сейчас занимает Нефтяной техникум и всю площадь квадрата, ограниченного улицами: с запада — ул. Седина (тогда она называлась Котляревской), с востока — ул. Насыпная (в данное время) — одна из наиболее в то время грязных, антисанитарных улиц, с севера — ул. Орджоникидзе (тогда — Гимназическая) и с юга — ул. Мира (тогда Екатерининская).

На этой территории, три четверти которой составлял парк, ещё размещались кухня, хозслужбы, административное помещение и училищная больничка.

Вот такова обстановка моего отрочества.

В 1914 году внезапно, совершенно неожиданно, началась 1-я Мировая война...

В этом же году, двумя месяцами раньше, я закончил училище вторым учеником по первому разряду и был переведён в Семинарию. В первый разряд включались ученики, имевшие по всем предметам только пятёрки, во второй разряд — с пятёрками и четвёрками, в третий — с четвёрками и тройками, в четвёртый разряд включались лица, подлежащие переэкзаменовкам осенью. Самый большой разряд, который включал 7/8 всего состава учеников — второй разряд.

Здание семинарии, его пансион, было передано для военного госпиталя.

В настоящее время в нём размещается Ставропольский педагогический институт. Это обстоятельство явилось причиной

размещения учащихся по частным квартирам, а уже это совершенно изменило характер бурсы.

Многие ученики, великовозрастные, по окончании второго класса, что давало права вольноопределяющегося второго разряда, при условии полных 17 лет, уходили в военные училища. Им начальство всячески покровительствовало, «натягивались» отметки успеваемости, устраивались торжественные проводы. Страна была охвачена порывами действительно высокого патриотизма. Газеты пестрели эпизодами беззаветного мужества, храбрости, героизма наших воинских подразделений и лиц.

И это было действительно так!

А вместе с тем общее положение дел на фронте и внутри страны день ото дня ухудшалось.

Прошло около двух лет, я в это время был во 2-м классе, положение резко изменилось: взгляды теперь на войну были иные. Наплыв добровольцев почти прекратился, а настроение призываемых не выражало желания изображать из себя «пушечное мясо». Наоборот, стали появляться элементы разложения, дезертирства. Открылась изменническая роль Мясоедова, гибель его 2-х корпусов, в Пинских болотах, предательство Сухомлинова — министра по военным делам, разлагающее влияние Распутина на ход государственных дел, полностью дискредитирующих высший свет, компрометирующее поведение отдельных лиц царской фамилии.

Идеализация войны исчезла.

Всё внимание сосредоточилось на Государственной Думе, шла погоня всех, в том числе некоторых учеников и, в частности, меня за непропущенными цензурой речами членов Думы.

На фронтах положение становилось всё менее удовлетворительным, внутри страны оно всё более обострялось. На Германском фронте артиллерия противника в связи с нехваткой у нас снарядов, несоответствия их калибру пушек, превосходила нашу. Успех здесь явно был на стороне противника.

На Австрийском фронте были периоды — обнадеживающие. Так, наступление Брусилова принесло громадную тер-

риторию с городами: Львов, Перемышль и др., несколько сот тысяч пленных, громадные трофеи продуктов, железнодорожного состава, вооружения. К сожалению, этот наступательный порыв был изолированным, не поддержанным другими фронтами, что явилось причиной только временного удержания захваченной территории.

Всё же обстановка на этом фронте была сравнительно благоприятной, несмотря на ряд отрицательных факторов: снабжения, комплектования кадрами, боепитания и т.д.

Это объяснялось прежде всего, состоянием противника. Австрийская армия в большом % состояла из славян: чехов, словаков, сербов, хорватов, черногорцев и т.д. Их моральное состояние было не на высоте. Они симпатизировали русским, видели в них своих освободителей, а поэтому искали случая сдаться им в плен.

На турецком фронте превосходство находилось на нашей стороне. Здесь наши войска вели бои на земле противника. Были взяты крепости Карс и ряд других.

Мой брат Миша был мобилизован из Феодосийского учительского института, направлен в военное училище, закончил Михайловское училище в Тбилиси и находился на Германском фронте.

Отец мой был председателем комитета помощи фронту и тылу по месту жительства. Он целиком ушёл в эту работу, организуя помощь семьям фронтовиков, отправлял посылки с бельём, тёплыми вещами в разные фронтовые соединения.

Трудно представить семью, которая не подготовила бы какие-либо тёплые вещи или просто подарки для фронта.

В этом отношении отец вёл активную пропаганду и достигал хороших результатов.

Положение же на фронтах продолжало ухудшаться, а в тылу нарастали экономические затруднения.

Трудности тыла 1916–1917 года ни в какое сравнение не могут идти с этими трудностями 1942–1946 г.: совершенно несравнимые положения. В первом случае наблюдалось огра-

ничение промышленных товаров, 1943–1946 годы можно считать голодными.

На периферии это почти не чувствовалось в 1916 г.: рынки были завалены молочными, рыбными, мясными продуктами, овощами, фуражом и т.д., цены на них оставались почти стабильными. Правда, уменьшился ассортимент.

Такое положение сохранялось до 1916 года, когда промтовары исчезли. Их можно было приобрести случайно, а в основном на чёрном рынке.

Помню: в 1916 г. в магазине Меснянкина в Ставрополе, я заказывал чёрные ботинки с модным широковатым носком стоимостью в три рубля. А в ту пору это было дорого! И одновременно заказал чёрную форменную шинель с окантовкой, петлицами, стоимостью в 14 рублей.

Фунт (400 гр.) пшеничного хлеба стоил три копейки, а мяса (говядины) пять копеек.

За полный пансион на частной квартире с трёхкратным питанием, дважды чаем, постелью, я платил в том же 1916 г. тринадцать рублей. В трёх кварталах от центра стоимость пансиона была дешевле на два-три рубля.

Понятно, положение в центральных городах было значительно хуже, и оно быстрее ухудшалось.

Делегаты Государственной Думы в своих, нелегально распространяемых речах, громили недостатки, обнажали уродливые формы правления.

Железнодорожный транспорт, а он был единственный, кроме гужевого, явно не справлялся со своими задачами.

Занимались мы, семинаристы, на базе гимназии чередуясь с гимназистами сменами понедельно.

В день Февральской революции Граменицкий и я (вдвоём мы занимали одну комнату) утром вышли из квартиры.

На улицах масса народа. Мы направились к Гимназии. Занятия наши в этот день должны были быть во вторую смену. На улицах — царит возбуждение. Гимназисты и семинаристы строятся в колонны. Бесперывные взаимные поздравления, поцелуи, смех, радость.

Революция!

Николай Романов отказался от престола за себя и за наследника — сына Алексея.

Снег... Оттепель...

Занятия отменены сегодня...

Движение на манифестацию... Слово для меня непонятное, впервые тогда услышанное.

Слова: митинг, демонстрация тогда не употреблялись, ещё оставались неизвестными.

Быстро возникают и также быстро рассыпаются группы, начинают петь революционные песни, но также быстро глохнут из-за незнания текстов.

В других группах комментируются события, сообщаются новости, их подробности, делаются прогнозы, кое-кто цитирует Апокалипсис. Где-то кричат «ура» императору Михаилу, которому якобы Николай передал престол.

Плохо организованные колонны движутся на манифестацию к балкону губернаторского дома.

Во всех падежах склоняются слова: отечество, родина.

Кое-где уже пьяные, а кое-где уже громятся магазины. Вопрос войны, интерес к ней ступёвывается, отодвигается на задний план.

Наоборот, возникают разговоры о мире, о земле.

Лозунг: «Война до победного конца» — теряет своё значение.

С этого времени наступает царство манифестаций.

Дисциплина снижается.

Речи ректора, преподавателей о долге, присяге, патриотизме, повышении успеваемости внимательно выслушиваются, а случаи пропусков занятий увеличиваются, ухудшаются успеваемость и поведение. Ещё так недавно пропуск рассматривался, как чрезвычайное происшествие, сейчас на него никто не реагирует.

Все звеня государственной машины закрипели, начали разваливаться. Дефектура промышленных и продовольственных товаров родили чёрный рынок с его спекуляцией и блатом.

И долго, на много лет, до сих пор эти также новые, совершенно незнакомые, чуждые слова, услышанные тогда впервые, займут особое положение в истории страны, отравляя её, развращая людей.

Случаи появления на улицах нетрезвых лиц, горланящих песни, увеличиваются. Солдаты в распущенных, без пояса, шинелях группами стоят у входов в парк, общественные места, торгуют табаком, папиросами собственной набивки. Ходят слухи об инцидентах во взаимоотношениях солдат и офицеров.

На фронтах боевые действия затихают, растёт «братание» с неприятелем.

Граменицкий, учащийся второго (последнего) специального курса (старше меня на 4–5 лет), и я — ученик третьего класса, занимали одну маленькую комнатку (против Александровской гимназии) с двумя кроватями и маленьким столиком у окна.

Место — центральное.

Я обязан Граменицкому не только как хорошему товарищу, но и как человеку с довольно широким кругозором знаний, от которого я многое черпал.

Революция только началась, а он меня знакомил с программами различных партий, предлагал мне массу различных брошюр.

Когда и где он сумел это приобрести?

Вечером, после занятий, часов с 19–20, с подтянутыми животами отправлялись мы в поисках чего-либо интересного. А интересное, сейчас уже забытое, никем не описанное, было на каждом шагу.

По дороге заходили в пекарню, покупали только что выпеченного пшеничного хлеба на 3–5 копеек (граммов 700) и, уминая хлеб, шли к цели.

Вот начальная школа. Чуть теплится огонёк от керосиновой малокалибровой лампы, плотно окутанной дымом накуренной махорки. Впрочем, не столько от махорки, сколько от газетной бумаги, из которой, за отсутствием курительной,

крутили «козьи ножки» — сигарки. Зал (класс) заполнен солдатами, учащимися и в меньшей степени гражданами.

Садимся. Никто на нас не обращает внимания, народ занят, решают жизненные проблемы, не до нас... Чаше же председательствующий приглашает: «Пожалуйста, занимайте места, устраивайтесь поудобнее».

Удобство — в детских партах!

Здесь, оказывается, идёт заседание какой-либо политической партии (социал-революционеров, социал-демократов) меньшевиков или большевиков, конституционно-демократической (наиболее известной под кратким названием — КВД), смеялись — «куда ветер дует».

Мы считали, что нам очень повезло, когда мы попадали на диспут между двумя партиями, чаще — между КВД и большевиками.

Диспут шёл часами, до утра... Но... Какие речи, экспромты! Сколько страсти, убеждений, взаимных упреков!

Всё покамест в пределах корректности... Чувствовалось взаимное стремление найти правильное, справедливое решение.

Здесь решаются судьбы земли, войны, экономики, религии, школ, политики... Тут и вопросы развития семьи, общества, реформы школы, ВУЗов, дальнейшего углубления революции.

Одни выступающие доходят до слёз, у других — смех, юмор. И откуда появились эти ораторы?

Это было время — исключительное: оно уже никогда не повторилось!

Пройдёт ещё несколько месяцев, и инакомыслие будет рассматриваться как преступление, контрреволюция, ведущие к расстрелу.

Сидишь, слушаешь, ёрзаешь на парте, вскакиваешь вместе с оратором, видишь искренние слёзы убеждений, выкрикиваешь реплики одобрения или наоборот.

Да, заседание идёт активно...

Идёшь домой... Так где же правда, что лучше?

Граменицкий комментирует... Вот, вот... скоро дебаты прекратятся...

Слово — величайший фактор убеждения, но и он окажется бессильным, уступит место более грубому — звуку орудий, убийствам.

Другим путём трудно разрешить противоречия!

К началу учебного 1917–1918 года внутривластическое положение в стране резко изменилось. Даже в таких городах, как Екатеринодар, Ставрополь, несмотря на только что собранный урожай, экономические трудности увеличились... Хлеб и другие продукты производители задерживали в связи с политической неопределённостью и нестабильностью цен. Ширились спекуляция, росли цены.

На местах — политическое двоевластие.

Железнодорожный транспорт переполнен. Автобусов, троллейбусов тогда не существовало. Имелись одиночные автомашины: на город одна-две у начальства.

Вагоны буквально забиты фронтовиками. Нет свободных мест даже на крышах. Солдаты одиночками, группами, соединениями, с оружием и безоружные возвращались с фронта, разъезжались по домам. На путях следования происходили непрерывные стычки, часто огнестрельные: одни части разоружают, другие разоружаются. Подобные явления наиболее часты на Кавказе, где местные вооруженные националистические группы, объединившиеся в разнообразие республики, с направленными дулами пушек, разоружали проходящие эшелоны через национальную территорию.

Разнообразные противоречивые слухи сменяются с быстротой молнии.

На вокзалах — грязь, беспорядок, безначалие. Появляющиеся в буфетах продукты раскупаются немедленно. Втиснуться в вагон — героический поступок! Последнее зависит от согласия солдат: «Вагон — военный!»

«Мешочники» заняли позиции на крышах...

Царят растерянность, неуверенность, нервное возбуждение, незнание происходящего, неизвестность перспектив. Поезда отходят не по расписанию. Дежурных, начальников вокзалов буквально рвут на части, требуя вагонов, посадки, отправления...

Хаос!

Начальство семинарии за летние каникулы не подготовилось к учебному году, расписание уроков не составлено. Учащиеся явились не в комплекте, в связи с чем ликвидировались параллельные классы.

Расписание нужно составлять в соответствии с реальным положением. Прежде классы были укомплектованы в среднем 30 учениками, это при наличии штатных и параллельных классов. Сейчас из бывших двух классов сформирован один в составе 16–17 учеников. Такое положение характерно для всех классов.

Что случилось, почему многие не явились?

Транспорт ли виноват, или они закружились в вихре события? В семинарии было шесть классов: четыре — общеобразовательные и два — специальные. Таким образом, два класса начальной школы, четыре — училища и четыре — семинарии составляли тот десятиклассный багаж знаний, который давал права для поступления в ВУЗ.

Занятия в семинарии начались, в общем, своевременно и шли они очень интенсивно.

Нам казалось, что это делается в целях отвлечения нас от бурнопроходящих событий. Ректором на собрании было заявлено о необходимости усвоения программ за полугодие. Мы, понятно, были в оппозиции к этому, но он был прав! Домашние занятия были обременительны, а классные опросы почти ежедневны из-за небольшого количества учеников. Приходилось честно готовиться, а времени было так мало, а ещё же необходимо было знакомиться с происходящими событиями, принимать в них какое-то участие. Нельзя же никак не реагировать на них, оставаться глухим к событиям. Мы вдумывались, всматривались, спорили в своей среде.

Одновременно продолжали функционировать разные кружки: драматический, литературный, математический, хоровой и др. На протяжении 8 лет я был штатным участником хора. От меня требовалось посещение спевков два раза в неде-

лю. Хотелось посещать собрания, заседания, диспуты политических партий — наиболее интересное событие того времени. Больше оно не повторится!

Хотелось послушать, посмотреть, но, к сожалению, комментировать было некому: Граменицкий закончил полный курс семинарии.

И где он, как сложилась его судьба, сумел ли он реализовать своё желание поступить в Университет?

Умный, способный, разносторонне образованный он заслуживает лучшего положения! Хотя, к сожалению, не всегда эти качества гарантируют успех.

Во многом мы тогда разбирались плохо или недостаточно, но понимали, что страна вступила в историю необыкновенного времени.

Начальство семинарии продолжало нас торопить, загружать заданиями. С одной стороны, оно было обеспокоено, чтобы мы не «влипли» в какую-либо компрометирующую историю, ответственность за что упала бы на него, а с другой стороны, начальство боялось возможности срыва занятий или их перерыва.

Несмотря, что информация событий была здесь недостаточна, несвоевременна, события опережали пределы предположений. Здесь ожидали созыва и решений Учредительного собрания по вопросу государственного устройства. Покамест же продолжалась чехарда правительств.

Начиная с 1915 года правительства менялись всё чаще и чаще. Частота перемен была прямо пропорциональна ухудшению состояния государства.

Штюрмер заменён Протопоповым, Протопопов — Львовым, Львов — Керенским, потом Милюковым и т.д.

Менялись каждые три месяца премьеры, а ещё чаще министры...

Манифестации, клятвы, речи, присяги, опять речи...

Страна захлебнулась в говорильне, а порядка — нет! Известия принесли чрезвычайное сообщение: Учредительное собрание, только что в страшных муках рождённое, прекратило

существование, Временное правительство арестовано, Керенский бежал.

Власть в период с 25 октября по 29 октября окончательно перешло в руки Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов во главе с В. И. Лениным.

В конце декабря 1917 года я выехал, как вообще все учащиеся, на Рождественские каникулы, но возвратиться обратно уже не мог.

Путь мой, по сравнению с другими учениками, был самый сложный и длинный: от Ставрополя до Екатеринодара, а затем пароходом от Екатеринодара до Темрюка и от Темрюка байдой до станицы.

Путь усложнялся пересадками, часто неожиданными препятствиями, преодолеть которые не представлялось возможным. Может быть, как-то можно было добраться в один конец, а с возвращением могли возникнуть непреодолимые трудности.

Возвращались в семинарию местные жители и живущие вблизи... Занятия в семинарии прекратились...

Если бы я мог знать, что необходимости в возвращении уже не было: программа была усвоена, экзамены отменялись. Своевременно был опубликован указ о нашем окончании семинарии, о предложении желающим продолжать образование в специальных классах. Но и это было не нужно, так как семинария вообще была закрыта.

К сожалению, всё это стало мне известным в конце 1918 года.

Да, начальство поступило благоразумно, правильно!

Так закончился лучший — ученический период моей жизни! Тот светлый, ещё не омрачённый разочарованиями, с которым связаны впечатления ученичества, период чистой, полной альтруизма дружбы, только что созданных жизненных представлений, идеалов!

Только раскрылся мир знаний, а их хотелось всё больше!

Мечты... Они уносили в города Университетов...

Впереди — юность!

Её горизонт был в тумане, во мраке...

Небо хмурилось... с укоризной посылало чрез проясняющиеся окна живительные лучи Солнца многострадальной, до сих пор неорганизованной, Земле.

На пути стояла братоубийственная гражданская война...

Примечание

«Подкулачник» — бедняк, но с кулацкой идеологией. Слово получило широкое распространение в период коллективизации 1930–1932 гг.

ЧАСТЬ III

РОДИТЕЛИ

Г

еоргий Иванович, мой будущий отец, был учитель народной школы.

В период 1880-х годов он учительствовал в церковно-приходской школе, в предгорной станице Даховской.

Как могло случиться, что он — учитель, происходящий из обычной — индифферентной в религиозном отношении, тем более в прошлом — староверской (старообрядческой) семьи, вдруг быстро, неожиданно даже для своих родителей, круто, на 180 градусов, меняет своё служебное положение?

Горе ли, потрясения, разочарование, какие непосредственные обстоятельства могли явиться причиной подобной метаморфозы?

Известно, во-первых, перемена эта совпала по времени с женитьбой Георгия Ивановича на моей будущей матери. Во-вторых, известно, что Георгий Иванович в это время был в городе Ставрополе, куда прибыл в Епархиальное управление за получением необходимых документов, удостоверяющих приобретение соответствующей квалификации на право преподавания в школе кроме обычных предметов и закона Божьего.

Пробел часов в преподавании по этой дисциплине, с одной стороны, лишал его права на получение полной заработной платы (тогда называлось — жалованья), а с другой стороны, отсутствие таких прав было беспрецедентным со многих то-

чек зрения и прежде всего, характеризовало его несостоятельность, как учителя церковно-приходской школы.

Этому предмету придавалось большое значение.

Подобный факт мог вызвать подозрения, мог рассматриваться как демонстрация атеизма, что ставило его в положение политической неблагонадёжности, а следовательно, профессиональной непригодности. Наведение же справок по месту жительства родителей могло принести компрометирующий для Георгия Ивановича результат о принадлежности его родителей и вообще этого рода к старообрядческой церкви.

Имело ли это значение?

Колоссальное!

Это могло стоить ему потери учительской должности, с таким трудом приобретённой.

К тому же, дело в том, что Г.И., как учитель церковно-приходской школы, подчинялся Духовной консистории.

А ведь время было реакционное!

Как раз именно в это время Святейший Синод (высшая духовная иерархия) вёл окончательный разгром старообрядчества (а вместе с ним и других сект), так прекрасно описанного Мельниковым-Печерским в его уникальном произведении «В лесах и на горах», кстати, проводившемся под его непосредственным руководством.

Это был период реакции во всех направлениях: политической, экономической, религиозной и т.д. К этому периоду относится эпизод предания анафеме Л. Н. Толстого.

Георгий Иванович обратился по поводу своего дела к иеромонаху Цареградскому — инспектору семинарии по учебной части. В его лице он встретил определённо религиозного фанатика с образованием духовной академии, иезуита в широком смысле этого слова, тактичного, не привыкшего отступать от поставленной цели, человека, который может оказывать влияние.

Своей внешностью, обходительностью, вниманием, дисциплинированностью Г.И. произвёл на этого старика хорошее впечатление. С его помощью он был зачислен на соответствующую

щие курсы при богословских классах семинарии. Практический же курс поручено отрабатывать на базе местного женского монастыря, где происходили ежедневные богослужения.

Всё это совпало с крещением в этом монастыре молодой протестантки Елизабет Катрин Бишоф — немки из города Камышина, входящего потом в республику немцев Поволжья, ликвидированную во время Великой Отечественной войны. Шествовала над ней начальница монастыря.

Искренно ли, на основе фанатизма, в целях авантюрного карьеризма, в порядке ханжества или угодничества — эквивалентным современному подхалимству — (по-видимому, всё это вместе взятое), происходила энергичная погоня за еретиками.

Почему?

Ну хотя бы потому, что крестятся они не справа налево, а наоборот, не тремя пальцами, а только двумя, как, например, староверы, бреют бороду, а не растят её, а тем более лица магометанского, протестантского, католического, иудейского и других вероисповеданий.

Особенное зло представляли различные сектанты.

Крещение иноверцев-еретиков достигало больших размеров. Принцип добровольности крещения или насилия значения не имел: за ширмой Бога все средства хороши.

Цель оправдывает средства!

Важен факт был самого акта крещения. Оно являлось целью:

а) приведения в лоно Христово грешников,
б) более энергичного продвижения по службе самого обращающегося в православие,

в) отпущения ему грехов, пропорционально количеству обращенных, что было не только моральным активом его деятельности, но главным образом способствовало повышению его материального положения.

Погоня за крещением иноверцев характерна как для православной, так особенно католической церкви. Отряды отцов-просветителей двигались и продолжают движение во все страны света, соревнуясь в количестве лиц, обращённых в христианство.

В России объектами крещения являлись свои собственные колонизированные народы (татары, мордва, черемисы, казахи, узбеки, черкесы, туркмены, эскимосы, буряты, евреи и т.д.)

Крещение не только спасало душу «на том свете», но облегчало положение тела на этом грешном свете, предоставляя и крещёным, и крестившим ряд преимуществ.

Так, крещёные евреи получали право жить в столицах, работать там, поступать в ВУЗы вне процентной нормы, им отведённой, чем они охотно пользовались, продолжая тайно исповедовать свою религию. «Будь хитр, как змий!»

Жертвой модного крещения явилась Е. Бишоф, проживающая в это время в Ставрополе. При крещении она получила имя Анны, а отчество — Николаевна и фамилию своего крёстного — Цареградская. Георгий Иванович присутствовал при крещении. По-видимому, на него оказал влияние Цареградский.

В ближайшее время, после соответствующей подготовки, он женился на Анне Николаевне и был посвящён в священнослужители. Это, понятно, давало ему более выгодное по тому времени положение и материальное преимущество.

Как крепки были его религиозные убеждения?

Следует отметить два периода: первый — до 1912 г., т.е. Братский период, когда его внимание отводилось главным образом хозяйству. Во втором периоде, лишённый хозяйства, омрачённый рядом моральных и материальных потрясений, уже в возрасте более полсотни лет, он резко меняется, погружается в религию, ею живёт.

В 1924 г. по настоятельной просьбе и рекомендации детей, он приходит к выводу необходимости окончания своей деятельности. Не афишируя, тихо, он оставляет свою службу, положение протоиерея, и уезжает к своему меньшему сыну Анатолию, которому он принёс сумму своих чувств, освобождённых со смертью трёх сыновей и дочери. Последние годы его жизни были омрачены смертью в течение одного месяца от брюшного тифа Валентина, Вениамина, Раисы, рядом тяжёлых личных переживаний.

Всё это сказалось на здоровье и характере старика: он стал покорным, добродушным, последователем Л. Н. Толстого, не сопротивляющемся злу.

Прожил он 75 лет (1861–1936 гг.), по сравнению со своими братьями и вообще предками, меньше. Непосредственно перед смертью было у него подряд несколько неразгаданных в тот период инфарктов миокарда, с которыми он справлялся без всякой медицинской помощи, а погиб он от инсульта — кровоизлияния в мозг. Жаль, в то время мы были недостаточно знакомы с тромбоэмболической болезнью, старик, конечно, прожил бы ещё.

Как отец, он оставил после себя добрую, светлую память своей любовью, самопожертвованием и щедростью к нам — детям. Вопросы нашего образования находили у него полное понимание этой необходимости, полное одобрение и поощрение, несмотря на большие экономические и моральные трудности этого периода. Оба, и отец и мать, в вопросах нашего образования имели единую точку зрения: поощрения и оказания помощи.

В этом вопросе никакого элемента скупости они не проявляли, наоборот, жертвовали часто личными интересами.

Мать моя прожила 91 год (1866–1957 гг.)

Это была умная, корректная, с большим характером, женщина. Для нас, детей, она была образцом доброты, беззаветной любви, отдавшей себя целиком для нас, наших интересов.

Смерть её наступила от воспаления лёгких, осложнившего перелом бедра. Смерть была покойной, тихой, желанным переходом к «потусторонней жизни». Встретила она её без сопротивления, в полном сознании происходящего.

Надвигающаяся смерть в отце вызвала бурю протеста, сопротивления, борьбу. Смерть была тяжёлой, но также в полном сознании. Он, конечно, верил в загробную жизнь. С Люсей, которую очень уважал, предварительно договорился об особенностях своих похорон.

Похоронен он, по его желанию, по церковному уставу, и положен в могилу головой не на восток, а на запад: «Я дол-

жен буду встать с лицом, обращённым к народу, отчитаться перед Богом и ними и ещё помолиться за них».

Так закончился ещё один характерный период в истории ещё одного колена нашей родословной.

Немногие наследники, в лице Нины, дочери, и меня, сына, оставшихся от такой большой семьи, со своими семьями низко склоняем пред их памятью головы со словами благодарности.

Вечный вам покой!

ЧАСТЬ IV

1918-й год

*Когда нужна суровость, мягкость неуместна!
Мягкостью не сделаешь врага другом,
а только увеличишь его притязания!*

(Саади, XIII век)

И жили мои предки, как и все люди, веками на насиженных местах, обростали родственными, экономическими связями, трудились, веселились, порой плакали, а принцип жизни оставался и культивировался один и тот же:

«Мой дом — моя крепость!»

Главное внимание поэтому сосредотачивалось на нём, на личном хозяйстве.

Сегодня стоял дом саманный или турлучный, завтра хотелось переделать его в кирпичный, крышу камышовую или соломенную заменить железной — оцинкованной.

Были лошадь, корова, хотелось иметь по две. Поощрялся к усовершенствованию принцип индивидуальной жизни.

Так и жили, соревновались друг с другом. Росла конкуренция, принимала жестокие формы: одни разорялись, другие обогащались.

И те, и другие, один из-за отсутствия возможности, другой из-за непонимания или алчности, проявляли безразличие к главному своему «назначению» — к познанию, к прогрессу.

«Как отцы, так и мы!»

Жизнь развивалась хаотично, без учёта проблем будущего...

«Познай окружающий мир...

Познай самого себя!»

Девиз Древней Греции, начертанный сотни лет назад на скрижалях Дельфийского оракула, воспринимается просто, как исторический памятник, а не как лозунг жизни, призыв к усовершенствованию её.

Время шло...

Жизнь не стояла на месте, не могла остановиться, но темп её был медленный, отставал от времени...

В непрерывном её движении всё же возникали новые принципы... Принципы ширились, завоёвывали право на существование, развитие.

Так жить нельзя, необходим действенный прогресс, переход на более высокую ступень развития, условием его может быть только гармонично развивающееся общество на началах знаний, науки, на началах равных политических, моральных, экономических прав, равных прав на труд, социальные права. Труд на этих принципах возводится на пьедестал, а благополучие личности усматривается в развитии общества чрез знания.

Сначала относительно мирно, в дальнейшем перерастают в спор, наконец, противоположности схватываются в жестоких битвах.

Стихают политические диспуты... Умолкают речи взаимных упреков, обвинений... Противоречий они не разрешили, примирения не достигли... Спор не прекращается: он принимает иные формы, решается безжалостным грохотом сражений, убийством людей, актами насилия, произвола, попиранием идеалов гуманизма... Расцветают анархизм, авантюризм... Страна надолго погружается во мрак братоубийственной войны...

После десятилетнего перерыва, в течение которого в родительском доме я появлялся собственно на положении гостя в периоды каникул, да и то не всегда. Теперь я принуждён был под крышей этого дома находиться неопределенное время.

Сколько?

Это зависело от политической обстановки. Если не полной её нормализации, на что в ближайшее время было трудно надеяться, то, во всяком случае, такого её состояния, при котором можно было бы проехать в Ставрополь за документами

с гарантией возврата, выехать проинформироваться в один из ближайших университетских городов.

Как скоро такая возможность наступит?

Сумеет ли скоро восторжествовать мир разума? Сумеют ли враждующие стороны, вооружённые крайней степенью ненависти друг к другу, отрешиться от неё, потушить страшный пожар начавшейся братоубийственной войны?

Пока нужно было ждать...

Родительский дом — это приятная крепость! Живя в нём, успокаиваешься, чувствуешь в нём, если не на положении ребёнка, то определённо на положении подзащитного. Все неприятности, события или затушёвываются, как кажется, происходят где-то далеко, во всяком случае, преломляются мягче, вследствие особой настроенности психики. Вынужденное положение стало отдыхом, не поддающимся оценке, тем более пред испытанием грозных — суровых событий.

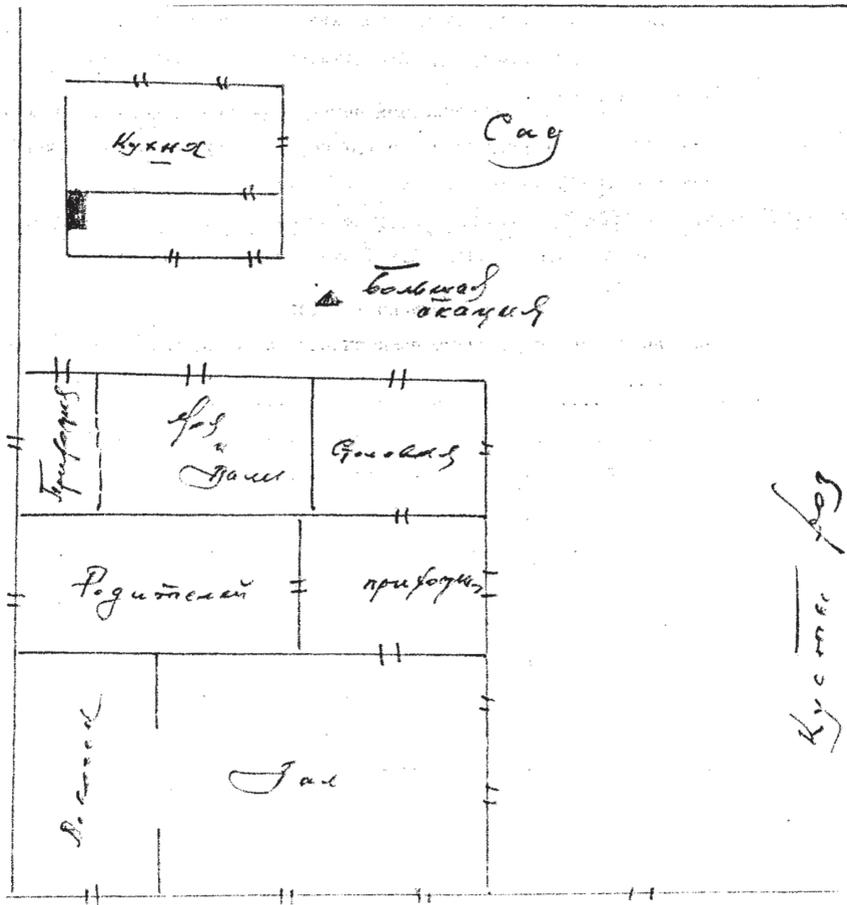
Своего дома теперь отец не имел: неоднократно на них он обжигался. Дом, арендованный у Ярёмченко, был тёплым, удобным, турлучным, под оцинкованной крышей, с уютно обставленными комнатами.

Южная часть усадьбы, на которой стоял дом, была занята садом, а по обочине вся засажена акациями и кустами роз.

Я и Валя (моложе меня на 8 лет) занимали юго-восточную комнату. Валя отличался исключительной склонностью к порядку и чистоте. Он являлся примером бережливости, тщательно экономного отношения вообще и особенно к предметам своей одежды: бытие определяет сознание и поведение. Гардероб, состоящий из одних брюк и одной-двух рубашек, неизвестность возможностей их приобретения в будущем, вырабатывали необходимый рефлекс бережливости, несмотря на опыт самостоятельной жизни, я сознавал его в этом отношении — превосходство.

Приобретение одежды или текстиля представляло теперь уже большие трудности.

Единственным источником служил чёрный рынок в городах, особенно в Новороссийске, Туапсе, куда поступали кон-

План дома, арендованного у Ярёмко.

трабандные товары на натуральных расчётах, в основном, конечно, на муку или в соответствующих расчётах на другие продукты.

Вот в таких условиях нужно было большой семье коротать жизнь, её содержать!

Чрезвычайно трудно!

Мама своим хорошо развитым практическим складом как-то изворачивалась...

Но... чёрные дни были впереди...

Семья жила дружно, патриархально. Слово отца, матери — это приказ! А приказ, как известно, не обсуждается...

Взаимоотношения родителей никогда не вызывали у нас недоумения или озабоченности. Для этого не было у нас никакого повода, так как они ничем отрицательным не проявлялись, кроме согласованности и тактичности. Уже взрослыми мы узнали, что эти взаимоотношения омрачались разными причинами, от нас это тщательно скрывалось.

Терпение и такт матери были безупречны!

Отец умел молчать.

Счастье семьи — это прежде всего и главным образом — благоразумие матери, способность переживать разные нюансы взаимоотношений с точки зрения общих интересов семьи, а не эгоистичных, истеричных — они обратно пропорциональны ему.

Пребывание в родительском доме, в связи с вынужденным состоянием, имело и другие стороны. Это обстоятельство освобождало меня от ряда хлопот — забот самостоятельной жизни по обслуживанию себя.

Главное из них питание.

Питание — это та статья бюджета, которая, к сожалению, в зависимости от ряда обстоятельств, может изменяться, колебаться. Только её можно сокращать, на ней можно экономить до крайних пределов минимума.

Мне это известно... На протяжении 1908–1912 годов, в условиях пансионной жизни в училище, учащиеся испытывали этот минимум на себе: чувство подтянутых животов их постоянный спутник. Начальство грело руки и прямо, и косвенно, доведя наше питание до такого минимума, при котором чувство недоедания, если не сказать голода, преследовало всех учащихся.

В семинарии наши бытовые условия и питание определялись честностью наших квартирных хозяек.

Как об этом ранее сказано, здание семинарии со всеми службами занимались госпиталем.

За четыре года семинарской жизни у меня было три хозяйки с идентичным норовом: всяческой экономии на питании. Теперь, в условиях родительского дома, питание было идеальным, несмотря на трудности времени. Мама умела готовить просто, практично, вкусно.

С присущей ей аккуратностью, чистоплотностью стол всегда был накрыт свежей скатертью, а сервировка и непременно какие-либо цветы создавали впечатление родного, патриархального уюта.

Всё это, понятно, не блистало ценностью, наоборот, было просто, далеко не ново, но создавало определённый стиль порядка и уюта. Отец, садясь за стол, всегда крестился, шептал молитву. Мы, дети, воспринимали это как общее действие и приступали к пище, выжидая отца.

Авторитет отцу создавала, прежде всего мать, поэтому существовала дисциплина и, как следствие, порядок.

Проходили годы... Ухудшалась экономика стариков, ещё более упрощался характер пищи, но сервировка стола, привычки оставались прежними. Весь уклад жизни семьи, приобретения, распределение между членами, ритм жизни её, порядок — полностью диктовались матерью. Всё делалось так, как находила она, и всё было целесообразно. А в то же время она оставалась в тени, её роль руководительницы не выставлялась и не чувствовалась. В этом и заключается разум и такт.

Мы никогда не были свидетелями каких-либо пререканий между родителями. По-видимому, все вопросы заранее обсуждались.

После гибели моего брата Анатолия на «голубой линии» в 1944 году (Великая Отечественная война, фронт вдоль Крымской-Анастасиевской на Кубани) мама и сестра Нина, выполняя волю и желание сына и брата, взяли к себе, в квартиру, невестку Марию Сергеевну с двумя сыновьями. Прожили вместе они более 20 лет дружно, спаянные взаимным

уважением и одной целью: дать достаточное образование сиротам. Эта цель была достигнута: Вениамин закончил инженерно-морской институт, а потом — Академию, а Игорь — институт тяжелой индустрии. Сейчас оба женаты, имеют детей, живут хорошо.

Всё это достигнуто инициативой бабушки, её руководством.

Но... мало этого... бабушка взяла из роддома для Нины Георгиевны дочь, выкормила её, несмотря на недоношенность, и вырастила.

Этой семье, руководимой мамой, были чужды недоразумения или пререкания.

Старушка давно в могиле.

Могилы её в порядке. В этом не малая заслуга невестки: она её навещает, ухаживает за ней не реже дочери.

Отмеченные черты: миролюбие, желание всем добра, равное ко всем отношение, заслужили ей любовь и уважение не только близких ей людей.

Проведённые мной несколько месяцев в своей родной семье я бы отнес к одному из самых счастливейших эпизодов в моей жизни, если бы этот период не был омрачён «тревогами жизни нашей».

А тревоги, к сожалению, всё более нарастали, тревоги упорные, мучительные своими неопределённостью и неизвестностью, вынужденным положением.

Что делать, что предпринять?

Связь с училищем нарушена, и нет надежды на скорое её восстановление.

Предоставить себя воле судьбы?

Вообще-то, хочу ли я или нет, но это так: «от своей судьбы не уйдёшь» и «конём её не объедешь».

Какие сейчас предо мной стоят задачи?

Главная цель — задача № 1 — это поступление в ВУЗ! Этой цели, следовательно, нужно всё подчинить. Это лучшее из того, что соответствует времени, обстоятельствам и перспективе.

Но... какой ВУЗ, куда, где?

Центральные ВУЗы блокированы, значит нужно ориентироваться на Одессу, Киев, Харьков... Но... сумею ли я избежать вовлечения себя в происходящие военные события?

И тем более, когда приближается время призыва? Кому-нибудь взбрѣдет же в голову — призвать «для блага Родины, её величия и чести!»

И вот доказывай, что для этого есть другие более благоразумные пути, для преломления этих лозунгов в жизнь!

Право есть право, оно на местах, в руках сильного... Кто захватит власть, тот это право осуществит, в соответствии с уровнем своих полномочий?

В том-то и беда, покамест главенствует авантюризм...

Что, у Сорокина полномочия? Кто ему их давал? Путь его, Маруси, Махно, Тютюнника, Ангела, короля Тамани — это путь сплошного насилия, грабежа, пьянства, самодурства, беззакония!

Авантюризм в революции — какое страшное явление!

А лучше ли было на местах?

В одном и том же населённом пункте два разных закона воинской повинности: для казаков и «иногородних» с разницей в один год в пользу первых, т.е. иногородние призываются в 19 лет, казаки — в 20 лет.

Почему такая очевидная социальная несправедливость?

Почему два правовых положения?

Казаки — привилегированное, коренное население, имеющее свои политические институты (атамана, правление, Рада), культурно-социальные учреждения (больницы, медпункты, школы, училища). Всё это под именованием «войсковые» бесплатно для казаков. Иногородние, если они даже живут здесь до прихода сюда казаков — население пришлое, лишённое отмеченных прав.

Два права на пользование землёй: казаки получают наделы земли от 6 до 12 десятин сразу же после рождения, иногородние только два метра после смерти.

Для меня потеря времени представляет явление исключительной важности... Казаки в этих условиях ничего не теряют.

Равняться мне на них — моих сверстников — нельзя: у них особые права, идеология, экономика.

Отношения у меня с ними были корректны, даже — хорошие, но никогда не были приятельскими. Причин для этого было много:

а) по уровню знаний и развитию они, конечно, стояли значительно ниже,

б) их же правовое положение создавало им независимое положение. Они отдавали отчёт своего привилегированного положения. Власть принадлежала им!

Наиболее близко ко мне стоял Гриша Скляров, иногородний, сын учителя пения — регента, ученика старо-Крымской учительской семинарии. Его положение, его дух — роднили нас, но... большой его физический недостаток (укорочение ноги) создавал ему положение вне перспектив военной службы.

Человек по своей природе консервативен... Сознывая недостатки своей действительности, он продолжает цепляться за неё. Уживаться с ней, боясь возможного ухудшения в изменившихся условиях или просто неизвестного нового.

В таком состоянии находился я, зная, что, по-видимому, мне будет трудно уйти от военной службы. Я в своём вынужденном положении, усугублённом внутренним разладом, с логично вытекающей решительностью, испытывал болезненное состояние тревог, озабоченности. По своему характеру я принадлежу к сугубо миролюбивым людям: карьера военной службы никогда не могла бы стать моим призванием, стремлением.

Положение в общем моё было «не по себе»!

Не находил я себя, некуда было вложить энергию юности. Да и как могло быть иначе? За многие ученические годы выработался рефлекс, определённая привычка чёткого ритма жизни, её полной занятости: утром — классные занятия, после обеда — подготовка домашних занятий, вечерами не менее двух дней в неделю — спевки хора, посещение чрезвычайно интересных (незабываемых) политических заседаний, диспутов, к чему меня особенно влекло. Необходимо же было вре-

мя и для личного обслуживания. Заботы наслаивались одна на другую.

Времени не хватало!

И вдруг сразу всё это оборвалось!

Трудно понять смысл и характер события без практического в нём участия... Современная молодёжь живёт в совершенно иных условиях. Для неё открылись широкие возможности знаний, прогресса, образования с минимумом затрат личной энергии. Необходимы очень небольшие усилия и материальные затраты, и, конечно, желание. В наше время всё было связано с трудностями, иными были техника, условия, взгляды.

Кинематография не приобрела ещё своего значения, не достигла нужного развития: отдельные картины не лишены были интереса, но их увидеть можно было только в больших городах. Спорт, кроме обязательных уроков «соколиной гимнастики» у нас особым вниманием не пользовался: для этого просто не было необходимой базы. До войны 1914 года училище, а также семинария, устраивали один-два раза в году вечера, на которые приглашались соответствующие классы женских учебных заведений вместе с их воспитательницами и администрацией.

Вечер обычно открывался концертом хора, сольными выступлениями в течение 1–2 часов, остальное время отводилось танцам, играм.

В связи с войной все увеселительные мероприятия замерли: тыл солидаризировался с фронтом состоянием траура.

С 1917 года танцы расценивались как вредные буржуазные пережитки. Да собственно, кто умел танцевать, отвык от них. Для этого не было ни времени, ни желания, ни умения.

В большие праздники компании молодёжи, спаянные доверием, добрым отношением, устраивали вечеринки у кого-либо дома. Протекали они обычно скромно, тихо, не привлекая внимания общественности. Да и они скорее напоминали собрание, а не молодёжную вечеринку. Каждый, подобно улитке, ушёл в себя, в свою скорлупу...

«Мой дом — моя крепость?»

НЕТ! Теперь он уже не был крепостью: в любое время дня и ночи во двор, в дом могут въехать военные, ворваться представители разных оттенков авантюристических, анархических групп, беспрерывно сменяющих друг друга.

Одни именем «Великой, Единой, Неделимой России», другие именем Революции, именем батек Махно, Тютюнника и прочих насилюют, берут, уничтожают, жгут, тянут скот, птицу, фураж, домашние вещи, одежду.

Называется это реквизицией...

Может расположиться здесь взвод вояк, кормите, поите их. Могут просто переселить из этого дома куда-то в худший, в другое место.

Возражать, сопротивляться?

Упаси вас, Боже! Вам здесь же подбросят компрометирующие вас предметы (оружие, литературу) и «поставят к стенке».

Доказывай, что ты не верблюд!

Вы осчастливлены, если у вас взята хорошая лошадь, а взамен оставлена кляча (как и другая — любая вещь).

«Посажу дивный сад над Кубанью,
В том саду будет петь соловей,
Разукрашу тебя, как картинку,
Золотую поставлю кровать!»

(Песня анархистов, 1818 г.)

Гремят звуки модной залихватской песни, надрываются меха гармошки. Широкой рекой льётся самогон! Громи, кроши... Бога нет!

Так вот шли дни и, как всегда, быстро...

Скучно было без хозяйственной работы. Небольшая канцелярская работа отца, как председателя комитета помощи семьям фронтовиков, шла к ликвидации, так как теперь фронтовики были в основном дома, а как попечителя школ, была ограничена и, конечно, не могла меня удовлетворить.

Часть времени, главным образом вечернего, я отводил чтению классиков и текущей литературы: журналы — «Пробуждён», «Мир красоты», «Огонёк» и др.

В плане подготовки к Университету штудировал физику, математику.

Вечерние занятия были затруднительны: ограничены из-за освещения. Приходилось пользоваться только десятилинейной керосиновой лампой, экономить керосин, который трудно и только за продукты можно было не всегда приобрести.

Положение считалось тяжелым... Но... потом, через 6–9 месяцев и вплоть до НЭПа (1922 г.) об этой форме освещения вспоминали, как о мечте.

Теперь освещением служил «каганец» — верёвочный фитилёк, опущенный в блюдечко с растительным маслом. Разрешалось пользоваться им ограниченное время (поужинать, приготовить постель), не потому, что при этом образовывалась копоть, которая осаждалась на стенах, занавесках, в носу, в лёгких, на это уже не обращалось внимания. Принималась во внимание — экономика: где же достать растительное масло?

Человек стоял на пути к своему первобытному — пещерному образу жизни.

Днём я занимался с сёстрами и братьями.

Активное участие принимал в культурно-просветительной работе, участвовал в хоровом и драматическом кружках. Участвовал в постановках спектаклей: «На бойком месте» Островского, «Корчма» Пушкина, «Медведь» и др. пьесах Чехова...

Но... камнем на сердце лежала забота дальнейшей судьбы — образования.

Может быть было бы целесообразным в порядке перевода поступить в последний (выпускной) класс реального училища г. Темрюка, расположенного всего в 15 километрах? К сожалению, мысль о переводе возникла не сразу по приезду на Рождественские каникулы, накануне 1918 года, а значительно позже — в конце февраля, в марте, когда стала ясной невозможность в ближайшем будущем проехать или как-то контактировать с г. Ставрополем.

Мысль эта в конце лета потеряла своё значение, так как стал известным факт утверждения моего окончания семинарии. Следовательно, теперь оставалась забота получения свидетельства.

И всё-таки мной была, по-видимому, допущена ошибка, а старики не подсказали и не поправили меня: всё же нужно было перевестись в Реальное училище даже с осени, т.е. с нового учебного 1918–1919 г., несмотря на потерю года. Он в дальнейшем мог быть выигрышным!

Правда, и такой вариант подобен уравнению со многими неизвестными... Трудно предвидеть обстоятельства, плохо вяжущиеся с логикой того периода, в этой суровой, непрерывно меняющейся обстановке. Что найдёшь, что потеряешь?

По крайней мере, как это стало известным, выпускной класс Реального училища, т.е. именно тот, в который я жалел, что опоздал перевестись, целиком погиб...

Спустя три года я всё-таки принуждён был обратиться в это Реальное училище в худших для себя условиях: сдал здесь экстерном экзамены, а пред этим принуждён был чрезвычайно напряжённо (и днём и ночью) готовиться. Куда же я могу полезть с бурсацкими документами, кто меня примет?

Только надежда на себя — готовиться! Три-четыре года срок солидный: многие знания забылись, многое нужно привести в систему. Такой отрешённости от всего ради цели, такой кипучей энергии в подготовке ни до этого момента, ни после я уже никогда не испытывал в своей жизни!

Могла бы Революция 1917 года, действительно потрясая весь мир, положившая начало новой эре в развитии общества, эре — социализма, совершиться мирно, без братоубийственной — гражданской войны, к тому же чрезвычайно жестокой, беспощадной?

Сейчас этот вопрос, тем более, постфактум, представляется простым: история революций не знает мирных путей своего развития! Тогда, в условиях изолированного положения моего местожительства, недостаточного, порой почти полного отсутствия информации, вопрос представлял большие трудности. Моих сверстников-казаков этот вопрос не интересовал!

«Нет, не могла бы!»

Слишком велики были противоречия между заинтересованными сторонами — противоположными классами.

Противоречия чрезвычайно сложны: национальные, классовые, сословные, экономические, религиозные, политические и пр. Они, наконец, в 1917 году достигли кульминационной степени, созрели, закономерно взорвались.

Теперь основным элементом противоречий стал вопрос борьбы за власть.

Господствующий класс её не хочет уступить, хотя остался в меньшинстве, революционный класс, по праву большинства, стремится её взять.

Почему этот вопрос представлял для меня такой интерес? Да потому, что знание его определило бы тактику поведения: что мне делать?

Выжидать или пытаться ехать в один из университетов, несмотря на ряд затруднений политического и транспортного характера или готовиться к военной службе и, значит, тоже ожидать, не зная, когда это произойдёт и т.д.

Фактор времени для меня имел жизненное значение! В это время я искренне завидовал своим сверстникам-казакам. Никакой собственности, никакой экономической базы я не имел, был буквально нищим. У отца — большая семья: три сына, две дочери, мать... Это кроме меня!

Правовое, материальное положение отца ухудшилось...

Как бы вы реагировали при этих условиях?

А что такое кубанский казак?

При самых плохих экономических условиях он имеет дом с подсобными строениями на плане не менее 0,75–1,0 гектара, с огородом, садом, наделом земли от 6 до 12 десятин, особое правовое положение.

Семьи казачьи, как правило, большие: чем больше членов мужского пола, тем больше наделов земли, а следовательно, обширнее, крепче хозяйство (птица, скот, овцы, свиньи, лошади, фрукты, вино, зерновые пр.)

Казак — это независимый феодал, князёк!

Отсюда определённая идеология: «собственность — священна!»

Если хотите, он революционен: земли помещиков должны быть национализированы и отданы ему и подобным — кто её обрабатывает!

Время его не торопит, он как-нибудь потерпит.

Вот беда и во мне — самом! Что-то как бы надломилось, появилась осторожность действий.

Почему?

Влияние ли возраста или неразбериха в политической обстановке? Одно не удовлетворяет, другое пугает! Горе тебе «перекати-поле»! И долго ещё тебе не найти себя! Удастся ли тебе сбросить со своих плеч тяжёлый груз неопределённого класса?

Беда, конечно, и от изолированности Таманского полуострова!

События здесь протекали несколько иначе: если была характерна маневренность действий, здесь царил дух позиционного состояния.

Взгляните на карту...

Полуостров с севера омывается Азовским морем, с запада — Чёрным морем и Кизилтажским лиманом, на востоке узкой полосой земли в несколько метров он соединяется со стороны Голубицкой с материком — непосредственно граничащими землями г. Темрюка. В остальном, восточная его часть занята лиманами, рекой Кубанью, каналом — «Казачьим Ереком» и кругом непроходимыми зарослями камыша, которые отсюда тянутся на несколько сот километров, вдоль восточного берега Азовского моря, образуя лабиринт лиманов, до Дона — это место партизан: красно-зелёных, бело-зелёных, сменяющих друг друга в зависимости от политической обстановки.

В настоящее время здесь всё изменилось: от Темрюка до Тамани асфальтированная дорога. По обе стороны её раскинулись непрерывные виноградники, построены хорошие мосты, чрез весь полуостров проходит железная дорога.

Всеми этими изменениями полуостров обязан Великой Отечественной войне. Здесь проходила «Голубая линия» — оборонительная линия немцев.

Эти изменения — плод, можно сказать, коллективной деятельности немецкой и советской армий.

В моё время этого не было...

Проекты возникали, но немедленно отвергались, так как шли вразрез с интересами местного казачьего населения: подрывались значение и роль тяглого-гужевого транспорта, что являлось доходной статьёй, перемещались наделы земли и сокращались их размеры. Город Темрюк был связан с Екатеринодаром только судоходством по Кубани. Из Темрюка на полуостров можно было добраться по воде — «байдой».

Полуостров — это царство непролазной грязи в осенне-зимний период.

Отмеченная ранее узкая перемычка земли годами оставалась под водой, затоплялась. Подует ветер с Азовского моря — она затопляется, затопляется и от повышения вообще уровня воды в море. Никто как будто бы и не испытывал неудобств.

Так было при дедах, почему должно быть иначе при внуках? Нужны были инициатива, средства и некоторая доля труда населения...

«А шо оно мини дае? Кому треба нехай робе!»

Такова психология казака-индивидуалиста, она мыслила только в пределах собственного двора, а для такой акции ещё не созрела!

Западная половина полуострова тяготела к Керчи, восточная — к Темрюку.

Полуостров представляет большие трудности для его захвата с любой из сторон... Это — крепость (естественная). В 1918 году немцы незначительными силами заняли п-ов (без сопротивления) и удерживали его против значительно превосходящих сил. Подобная обстановка, кажется, имела место и в 1942 году. Трудно в него войти, но легко защищаться: островное положение, особенные природные условия создава-

ли выгодные оборонительные позиции — это с одной стороны, с другой, это же обстоятельство изолирует п-ов от культурных, экономических, информационных связей с центрами.

Вот кратко та обстановка, в которой нужно было вариться и как-то в ней разбираться...

Возвратимся к вопросу информации...

Чрезвычайно важный вопрос!

Примерно до второго квартала 1918 года информация, сравнительно, была удовлетворительной (даже «Правду» иногда можно было прочесть). В это время создавалось впечатление, и это отвечало действительному положению: распространение Советской власти проходило чрезвычайно быстрым темпом: декреты, лозунги имели притягательную силу и тем более, когда на глазах это осуществлялось. Это было закономерно, логично!

Однако... упорно стали появляться слухи о нарастании сопротивления... на путях победоносно шедшей Советской власти возникали разнообразные восстания: эсеровские, анархические, меньшевистские, матросские, белогвардейские, мятеж чехословаков и т. д. Возникали всевозможных оттенков правительства.

Страна оказалась в состоянии жесточайшей междоусобицы...

Восстаний было бы значительно меньше, если бы сторонами поддерживалась какая-то степень терпимости... Если бы было меньше эмоциональных реакций: ненависти, мести, насилия, произвола, оскорблений, сведения счетов...

Насилие одной стороны вызывало ответную реакцию другой.

Оправдывались: «Лес рубят, щепки летят!»

Щепки — это щепки! По логике вещей, насколько целесообразен процесс рубки леса, настолько образование щепок, наоборот, вредно! Главное же — щепки — не головы людей, тем более с их историями, заботами, с заложенной, возможно, в какой-либо из них гениальности? Жизнь каждого человека — ненаписанная книга!

Преступно, аморально уподоблять человеческую голову щепке. Расстрел заложников, расстрел по подозрению, про-

филактические расстрелы, расстрел политических противников и тем более не активных: только потому, что в данный момент они мыслят иначе и, возможно, завтра будет изменено их мышление на 180 градусов!

Своей задачей я не ставлю изложение истории гражданской войны: интересующиеся найдут обширную литературу по этому вопросу. Я пытаюсь передать впечатления, реакцию обывателя в пределах своего места жительства, хотя бы в форме отдельных штрихов.

В конце 1917 года отдельными единицами, а в первой четверти 1918 года группами возвращались домой казаки и солдаты с фронта... Революционной идеологией, как мне казалось, казаки не отличались. И, если большинство из них иногда пользовались революционными лозунгами, то как ширмой для оправдания своего дезертирства. Главной же их заботой была и осталась активизация личных дел и своего хозяйства, что составляло их смысл жизни.

К концу этого периода возвратились казаки из Финляндии. Им удалось некоторое время быть в Петрограде и получить здесь революционную закалку.

Вот теперь я впервые увидел большевиков...

Теперь станицы п-ва возглавили Ревкомы. Председателем нашего Ревкома стал Чунихин — иногородний, сапожник, неграмотный. Подписывал бумаги крестиком.

Активную роль в Ревкоме играла группа только что прибывших солдат, матросов, казаков: Сорокин, Марченко, Зиньковский и др. В этот период как раз я руководил кружком художественной самодеятельности. Ревкому было удобно пользоваться вечерами готовой аудиторией.

Наиболее частые контакты у меня были с Сорокиным, с ним сложились хорошие деловые и личные взаимоотношения. Тогда он единственный получал «Правду», которой пользовался и я. Судьба его сложилась печально: при отступлении Таманской армии на Геленджик-Белореченскую в конце мая он был захвачен своими станичниками и расстрелян.

Такая же судьба, но значительно позже, постигла Зиньковского: он был расстрелян немцами в 1943 году.

Это были два разных человека. Сорокин — иногородний, бедняк, вдумчивый, с большим тяготением к знаниям, выдержанный, справедливый, принципиальный, пользовался авторитетом и уважением у населения.

Зиньковский — типичный казак, с хорошим, середняцким хозяйством, с большим самомнением, жестокий, с непостоянством убеждений. В период гражданской войны он — вахмистр на стороне белых, за три месяца до прихода Красной армии — зелёный. Дальше он проявляет общественную активность...

Почему он остался при занятии п-ва немцами?

Впечатление — это типичный КВД (куда ветер дует), что характерно для казаков, как следствие положения собственника.

Кубанские казаки не миллиардеры, но всё-таки сродни... Среди крестьянского населения России они — наиболее зажиточные, привилегированная, экономически крепкая часть.

Создавалось впечатление: их идеология сводилась к экономическим интересам, а поэтому она и была резко изменчива. Революционности 1917 года им хватило до тех пор, пока теплилась надежда на экономическую прибыль...

«Забирать будем землю у помещиков?»

«Безпреминно, скорийши, хвате им, напанькувались!»

«А что будем делать с ней?»

«Разумиется, распределить по надилам!»

А если в станичном земельном фонде помещичьих земель нет? Кстати, на Кубани помещиков было сравнительно немного, наоборот, иногороднее население составляло в общем по области более 50% (с городским населением).

Иногороднее население станиц, претендующих на равную долю земли, выражалось 14% — 15%.

Как же реагировали казаки на возможность уменьшения своих наделов?

Конечно, отрицательно!

Революционность на этом закончилась, если не переросла в противоположность.

Что нужно ожидать от философии собственника?

Стремление к увеличению собственности, алчность — вот его путь.

Бытиё определяет сознание!

Непостоянство, неуравновешенность, эгоизм, самостийность — логичное ли следствие? — КВД (куда ветер дует!)

Ветер — это экономический интерес!

Если часть населения Кубани, говорящая на украинском языке, выражала склонность к «самостийности», эти тенденции у казаков Таманского п-ва были особенно ярко выражены. Это понятно: эта группа экономически, культурно тяготела к Украине, стремилась к ней присоединиться. Отсюда, некоторые казаки служили гайдамаками у Петлюры, вели в его пользу пропаганду.

Да, был период в истории, когда воинская казачья доблесть служила примером... Но ведь это было в период их становления!

Пришли вести о взятии Красной армией (январь 1918 года) Ростова... В данное время донские казаки частично занимали нейтральные позиции, частично на стороне большевиков. Приказу своего атамана Каледина они отказались подчиниться, только небольшая часть следовала за ним. Каледин застрелился, атаманом был выбран Краснов...

В марте Красной армией занят Екатеринодар. Корнилов — маневрировал. Напрягая колоссальные усилия, возобновлял он атаки на город... Отстоять его Красной армией представляло огромные трудности... Со всех сторон потянулись к нему на защиту отряды... Отряды теперь уже, впервые в истории, смешанного типа (казаки с иногородними), но с разными настроениями. Если для иногородних успех ассоциировался с вопросом жизни, казаки двигались понуро, без энтузиазма, ещё не зная, выгодно ли это?

За несколько часов до выступления нашего (станичного) отряда, мне была вручена повестка призыва... немедленной явки в отряд...

Бросалась в глаза тенденциозность подобной акции:

а) никто кроме меня из группы учащихся не призывался, несмотря на более старший возраст у большинства. Чем я мог заслужить такую честь?

б) мне было 17 лет 9 месяцев. Никто вообще в этом возрасте не был призван. До моего призыва оставалось 1 год 3 мес.

в) мою одежду составляли только ученическая форма, легкие туфли;

г) я совершенно не был подготовлен к строевой службе;

д) для подготовки какой-то подходящей одежды совершенно не оставалось времени.

В чём дело?

Чем диктовалась такая необходимость во мне, срочность?

Создавалось впечатление явной дискриминации, расчёта на организационную неразбериху, суматоху, внезапность...

Отцу удалось выяснить: настойчивое требование призыва исходило от одного лица.

Отношение этого лица к отцу было определённно неприязненным, а вообще — отношение его к людям характеризовалось желчностью, жестокостью, ненавистью.

Это из тех типов, которые, если встречаются на своём пути, допустим, мирно лежащую, свернувшуюся в клубочек, собаку, непременно нанесут ей тяжёлый удар.

Не дай Бог, если такие типы получают власть! В том-то и беда: они к ней упорно стремятся и часто её получают! Взгляд исподлобья, вечно хмурый и всегда недовольный.

На одном из митингов, когда он пытался скомпрометировать моего отца, приведя какую-то явную ложь, отец, взойдя на возвышенность, обратился к людям: «Вы его знаете лучше меня, это — человек, который способен менять свои убеждения семь раз в неделю!»

Дурная слава водилась за ним! Злопамятный!

Время грозное, отойди от зла!

История людей, к сожалению, омрачена одним из наиболее омерзительных явлений, аморальных по своей природе — войнами, беспрепятственными войнами. Война — это не только «поли-

тика иными средствами» по Клаузевицу, это наиболее удобное средство сведения личных счетов!

Кто возьмёт на себя смелость доказать, что этот солдат (или командир) убит не вражеской пулей? Убит по заранее продуманному плану, злодейски?

Война умеет хранить тайны и списывать за свой счёт! Военно-полевая хирургия располагает достаточно большой статистикой, обычно смертельных ранений сзади...

Случайность, преднамеренность?

Промолчи, неровен час!

«Дети за своих отцов не отвечают?»

Гуманнейший лозунг! А может быть блеф?

Царь земли, звучишь ли ты, действительно, так гордо?

Назвал-то ты сам себя «Гомо сапиенс», поправить-то некому!

А чем же ты отличаешься от своего прародителя — неандертальца, который ещё как следует не умел взять предмет, он его огребал всей мощью своей, могучей кистью — мощью клещей.

«Это — зверь» — говоришь ты?

Хорошо, возьмём более близкого к нам «Гомо сапиенс»: убивая своих родителей или пленных, приплясывая, съедал их...

Каннибализм?

Тебе по душе «Гомо сапиенс» последней модели, покрывающий силы природы, приготовивший бомбы адской разрушительной мощности? Модель, которой хочется убивать себе подобных не единицами, а сотнями тысяч, а оставшимся изменять наследственный код? Подожди к районному отделению милиции, ты увидишь «мирные» дела этой модели: объявления о помощи розыска пропавших людей... Кем они украдены?

Какой же ты сапиенс, если не хватает у тебя разума и воли освободить себя от самого жестокого, омерзительного, развращающего социального зла — войны!

Куда же ты идёшь?

Пришли вести: Белая армия при попытке захватить Екатеринодар в апреле месяце понесла тяжёлые потери и ушла в Сальские — Калмыцкие степи... Командующий Белой

армией Корнилов убит прямым попаданием снаряда у берега Кубани Елизаветинской станицы. Труп его демонстрировался населению в положении повешенного в течение трёх суток.

Наш отряд не успел подойти к Екатеринодару... Проболтался на хуторах в спорах и митингах и чрез пару недель возвратился... в довольно расстроенных чувствах...

Революционный энтузиазм, «братство» с иногородними, как корова языком слизала...

Что могло случиться?

Немедленно были заняты оборонительные позиции против Темрюка: вчерашние друзья сегодня стали врагами!

Случайность?

Нет, конечно, следствие неустранённых противоречий!

Информация из центров прекратилась... Наступило царство ОБС (одна баба сказала). Разве изредка кому-то удавалось пробраться чрез плавни и принести некоторые сведения...

В Тамани объявился «Летучий голландец»... Набрал команду добровольцев из отъявленных головорезов, бывших бандитов-пиратов, объявил себя королём Чёрного и Азовского морей, создал штаб управления в Таманской гавани... Буквально парализовал движение по этим морям. Захваченные морские суда приводились в королевскую гавань, и здесь учинялся суд-расправа: грабёж грузов, домашних вещей, расстрелы лиц по какому-то ему известному признаку...

Не удивляйтесь!

Подобный образ действий имел место и в других армиях! Тем временем отношения с Темрюком принимали угрожающий характер. Оживилась ружейная, пулемётная, артиллерийская стрельба... В мае огонь достиг максимума... Наконец, в районе Голубицкой казачьи позиции были прорваны... Части Таманской армии быстро растекались вдоль Азовского моря, Ахтанизовского лимана и станицы Ахтанизовской, выходили на просторы полуострова в тыл Титаровской группировке... Отряд, которым командовал Передистый, мог оказаться окружённым, частично разбежался по домам, а частично спеш-

но отходил и занял позиции на комендантских высотах (между Стеблиевской и Таманью)... Через 15 минут, увидя человек 15 разведчиков, сдался без одного выстрела. Полуостров, кроме Тамани, занят был частями Таманской армии под командованием Матвеева (помощника Ковтюха). Матвеев со своими помощниками расположился в нашем доме, он — матрос. Жизнь его была короткой. В Армавире, спустя несколько месяцев он был расстрелян Командующим Северо-Кавказской группой войск — Сорокиным.

Группа учащихся-казаков поддалась общей панике и, влившись в отряд, отступала вместе с ним и сдалась в плен.

Пленный отряд медленно двигался назад, в Темрюк. По пути следования его встречали, оплакивали (они сравнивали себя с запорожскими казаками, попавшими в плен к туркам) родители, жены, братья...

Меня в отряде не было, так как за пару дней до этих событий, в целях получения информации о возможностях проезда в Киев, Одессу, я прибыл в Тамань. Уже здесь узнал о развитии событий, но был отрезан.

Отец, обеспокоенный моим отсутствием, создавшейся ситуацией, вышел вместе с другими навстречу пленным, думая найти меня среди них.

Чуть-чуть это не стоило ему жизни! Если бы в этот момент не подъехал Матвеев, который знал обстоятельства, судьба моего отца оказалась бы роковой: в отце усматривали вдохновителя пленных!

Время — жестокое! Трудно в таких условиях, где решают дело секунды, оправдываться! ОБС немедленно ему сообщило: видели меня убитым на таманской меже, к северу от тракта... Бедная мать моя в течение двух суток обшарила эту местность, буквально каждый кустик...

Передовые части отряда Матвеева подошли на 2–3 километра к Тамани, но были встречены огнём немецких миноносцев. Под прикрытием этого огня высаживался немецкий отряд... Последний быстро занял полуостров...

Наступил новый период!

Немцев интересовали свои дела: тяжелые, упорные бои у Вердена... У нас хвалились они своими успехами: заняли Украину, Белоруссию, Прибалтийские страны, Ростов, Тбилиси, Батуми и с турками — Баку. Осенью, по-видимому, в сентябре, немцы покидали полуостров... По их пятам двигалась Белая армия...

Деникин 14 июля захватил Тихорецкую и сразу повёл наступление по трём направлениям: на Екатеринодар, Кавказскую, Ставрополь... В это время казаки изменили своё отношение к революции на 180 градусов.

На Тереке положение Северо-Кавказской группы войск осложнил Бичерахов.

Урал и Сибирь заняли чехословаки. На западе активизировали свою деятельность Юденич и Борис Савинков.

Внутри страны — массовые восстания: Махно, Тютюнник, Григорьев, Антонов и пр., пр.

Создалось тяжёлое положение. Безднадёжность была кажущейся, но не реальной:

а) области, на которых твёрдо установилась Советская власть, включали основные промышленные центры государства;

б) население этих областей составлял большой процент рабочих и бедняков-крестьян, т.е. в социальном отношении революционно-монолитную, идеологически крепкую массу;

в) Красная армия знала за что она борется, чьи интересы защищает;

г) после ряда неудач она приобрела опыт, закалку, дисциплину;

д) её составляли полтора миллиона человек — бойцов.

С другой стороны:

а) донская армия Краснова состояла из 52 000 бойцов, а Деникина приблизительно такой же — 50 000–55 000 человек;

б) социальный состав армий довольно пёстрый: более 50% составляли казаки — чрезвычайно неустойчивый элемент с наклонностью к самостийности. Их целью, как это уже отмечалось, являлось сохранение хозяйства и его увеличение;

в) большая прослойка в армии пленных красноармейцев являлась сомнительной основой боеспособности;

г) холостая идеология армии: она не знала своих целей борьбы. Лозунг «Великой, Единой, Неделимой России» — слишком туманен, ничего не обещающий, вызывающий у нацмен отрицательное отношение.

Оглядываясь назад, анализируя обстановку 1918 года — раннего периода Революции, в частности, Гражданской войны, приходится отметить:

— наряду с неоправдываемой часто жестокостью, события, которые были, понятно, в поле моего зрения, изобиловали элементами случайностей, простоты, иногда даже наивности, часто непониманием ближайшими начальниками, командирами своих задач, неспособностью объяснить их целесообразность, политической неграмотностью.

Возьмём эпизод борьбы между Темрюком и казачьим населением Таманского полуострова, борьбы довольно жестокой...

Эпизод закончился, как и должно было предвидеть, зная нерешительность, колебания и трусость казаков, их поражением и пленением... Преступление по существу, с военной точки зрения, серьёзное... Наказание выразилось демонстрацией силы, превосходства победителей над побеждёнными казаками, страдающих сомнением мужества и храбрости... Было организовано строгое (напускное) конвоирование пленных, игра на нервах пленных и родственников... Для наглядности пущены в ход приклады, произведено несколько выстрелов в воздух... В ближайшие две недели отряд небольшими группами, после данной клятвы неповторения подобных актов сопротивления, был отпущен домой...

Как бы это выглядело спустя, допустим, год?

Конечно, иначе: для некоторых эпизод закончился бы трагически — изоляцией, для инициаторов — роковым исходом.

Вы, по-видимому, обратили внимание: я употреблял для политической характеристики слово «большевик», а не «коммунист». Это делал я сознательно, подчёркивая то положение, которое тогда реально существовало. Начиная с Февральской

революции и вплоть до тридцатых годов слово «большевик» было очень популярно. Оно ассоциировалось с определённой программой и т.д. Слово «коммунист» приобрело популярность с тридцатых годов. Дело, конечно, не в истории, а в том, что эти слова имели два разных понятия.

Отец говорил, что Матвеев, на просьбу разъяснить разницу между большевиками и коммунистами, ответил: «Мы большевики боремся за большевистские идеи, всё остальное — наши враги!»

Приблизительно в этот период, который соответствовал времени потопления основной части судов нашего Черноморского флота у берегов Новороссийска, с запада на восток, мчится галопом, по-видимому, с донесением, матрос на недурной, высокой, вороной масти, но, видимо плохо кормленной лошади, мокрой, местами покрытой мылом. Матрос буквально увешан накрест пулемётными лентами, патронташем, карабином, шашкой, маузером и ещё какой-то сумкой... На лошади сидит неуверенно, болтается в седле, болтает ногами, дёргает уздечку, короче — по-цыгански... Время от времени кричит, особенно увидя людей: «Спасайтесь, из Новороссийска движутся коммунисты! Они не оставляют камня на камне!»

Провокация?

Нет, характерная для 1918 года — политическая неграмотность.

1918-й год заканчивался в нужде, тревогах, без ясных перспектив...

На пороге стоял суровый 1919-й год!

ЧАСТЬ V

1919-й год

*Поле... Русское поле,
Бескрайняя, вольная степь!
Ты моё горе, ты моя радость,
Ты недопетая юности песнь!*

(Автор)

*Ах, ты степь, широкая,
Степь — раздольная,
Что ты, степь, печалишься,
Закручинилась!*

*(Изменённое четверостишие
Кольцова)*

Степь

тепи Таврии...

Плодороднейшие, равнинные, степи, кажущиеся бескрайними, необозримыми.

Типичный русский ландшафт!

А степь широка, широка...

Действительно, широка, привольна, свободна!

Смотришь, и кажется, горизонт чуть ли не на краю света!

И кто, казалось бы, мог нарушить её покой кроме мирного трудолюбивого пахаря, так гармонично сросшегося с ней, проникнутого искренней, наследственной к ней любовью.

Вот он стоит на её землях и глубоко, с жадностью, вдыхает весенний аромат многоцветья этой девственной земли.

Вот он смотрит, любит дружными всходами посеянного...

А вот радуется он опустившимся колосьям от тяжести зёрен...

И всякий раз на этой земле он осеняет себя крестным знаменем: земля его кормилица, он её боготворит.

И быть может эти тишина и покой её нарушаются степенным, медленным передвижением пастуха вслед за медленнодвигающейся отарой меринсовых овец?

Разве дружный лай собак, охраняющих отару, скуки ради набрасывающихся на случайно проезжающего по пыльной дороге путника, неизвестно по каким делам?

Разве стремительный, вертикальный взлёт жаворонка — этого степного соловья?

Вот он парит в лучах утреннего солнца... Встряхнул крылышками и полилась его песня... Звуки песни, созвучные этой прекрасной степи, полны любви к ней, как к матери своей, к солнцу, как к источнику жизни... Они — выражение права на жизнь, на размножение. И где-то здесь, в гнёздышке, под кустиком, насиживая яйца, сидит его подружка, косо повернув головку, одним глазом, любовно поглядывает на певца степей, гордясь им — отцом своих детей.

Рано, на зорьке, скромно, тихо, как бы боясь кого-то, слышится нежный, рокочущий звук голоса: «Цю-рюк, цю-рюк!» Это перепёлочка, один раз в своей жизни, подзывает к себе дружка. Ей противно наблюдать драки петушков, а поэтому громкость зова рассчитана на самое близкое расстояние, в расчёте присутствия здесь, в пределах нескольких метров, её суженого, который потом навсегда становится её спутником жизни.

При отрицательном результате свой зов она повторяет уже несколько громче, но и опять с опаской появления ни одного, а двух или даже нескольких петушков — претендентов на её сердце, могущих на её глазах затеять драку.

Не она ли виновница нарушения покоя степи?

Вот со свистом, прорезая воздух, степной ястреб стремительно падает на землю за очередной своей добычей, может быть диссонировав мирной природе степи?

Нет, всё это родное, созвучное нормальным — естественным условиям жизни степи!

Среди кажущейся тишины, жизнь здесь бурлит... Одни умирают, выполнив свою функцию, другие — рождаются... Жизнь, как везде, индивидуальная жизнь... Она подчиняется общим положениям: для неё только один закон — смерть и только одна цель — заместить себя подобным себе.

Тихо в степи!

Но что это?

Так необычно, так чуждо гармонии степи!

«Крымские долины, я вас вижу вновь,
Кавказские вершины могилы удалцов!»

«Берегись по дороге той, пеший, конный
не пройдет живой!»

Льются маршевые звуки лихой песни, среди степей Таврии...
Мелодия этой песни, казалось бы, такая задорно-бравая, противная мирной природе степи, не может, однако, скрыть нот озабоченности, глубокого раздумья и связанных с ними колебаний целесообразности безжалостной, братоубийственной войны.

Как дорого обойдётся она и будет ли, с этой точки зрения оправданной?

Или это только очередной скачок в эволюции, эпизод человеческой истории, насыщенный до предела ненавистью, обречённый уже завтра откатиться на исходные позиции своего развития, в лучшем случае или возможно, ещё глубже, демонстрируя никчемность, ненужность жертв, непроизводительно потерянные время, энергию, материальные средства и главное — жизни.

В звуках песни слышится тоска по родным местам, близким людям, с которыми можно откровенно, не оглядываясь назад, поделиться мыслями о лихолетьи — лихой судьбе времени.

В них слышится грусть молодых людей, оторванных от нормальной среды, потерянных возможностях знаний, вынужденном своём положении...

«Запевалы, по местам, м а р ш ! »

«Эскадрон, рысью м а р ш ! »

Тихо!..

Всё замерло... Не шелохнётся ни один листик...

Солнце входит в зенит, припекает...

Наступает зной...

Лошади помахивают головами...

На корпусе и особенно под седлом — испарины...

«А ведь должна бы, наконец, где-то здесь близко быть деревня?»

Вглядываешься, и кажется, что видишь воздух — зефир...

«Квартирьеры, вперед м а р ш ! »

Крупной рысью квартируеры отрываются от эскадрона...

«Да, значит, близок привал на обед!»

Это обстоятельство вносит новый прилив энергии, чувство усталости уступает место приливу бодрости... Даже поступь лошадей становится более энергичной в предчувствии отдыха...

Обед, кормление лошадей, водопой... 1,5–2 часовый отдых...

И опять степь...

И опять ритмичная смена рыси и шага...

Приятны украинские вечера, дышащие прохладой... Особенно приятны своей тишиной украинские ночи, воспетые Н. В. Гоголем, освещаемые миллиардами звёзд Млечного пути, яркой луной.

Тишина нарушается хрустящим звуком сёдел, изредка глубокими вздохами лошадей, как бы после критического раздумья, выражающего сожаление: «И зачем всё это?»

Изредка слышится шёпот двух соседей, обменявшихся краткими мыслями. Кто-то тихо, про себя, мурлычет грустную песенку, которая также внезапно обрывается: «От ямщика до первого поэта мы все поём уныло!»

У большинства, по-видимому, мысли витают где-то далеко, у родных насиженных мест.

Ночное безмолвие степи, грандиозность мироздания, поражающего своими масштабами пространства и времени, почти бесшумное передвижение группы всадников, причудливые их тени — создают обстановку фантастичности, таинственности.

«Какая потрясающая гармония в природе? Мы, мне представляемся, такими маленькими, ничтожными!»

«И ещё дерзаем изменить ход существующих событий? Ты, тёзка, воруеть мои мысли!..»

Мир держится законами взаимозависимости, иначе он не мог бы существовать... На днях я был удивлён, когда мне представили такую взаимосвязь между совой и надоями молока...

Кстати, такого количества сов и филинов мне не приходилось наблюдать нигде, как в этих местах — степях и населённых пунктах.

А ведь верно, здесь их действительно очень много! Их стоны и смех как-то очень внезапны, неприятны, невольно поддаёшься суеверному страху!

И тут же над дорогой раздаётся смех филина... Лошадь невольно вздрагивает...

«Ну что, ты, успокойся!»

Так вот... Ну какая, казалось бы, здесь связь?

А это действительно так! Сова питается мышами, уничтожая их, тем самым регулирует «нормальное» их количество в степи... Мыши, при их размножении, если бы отсутствовал предыдущий фактор, уничтожили бы гнезда шмелей, питаюсь их мёдом, или полностью, или в количестве большем, чем это нужно для их развития... А шмели, как известно, главным образом обеспечивают опыление клевера.

Их количество прямо пропорционально урожайности его... Клевер — лучший корм коров, способствующий усилению лактации.

Подобные примеры нетрудно привести из различных областей природы...

Взаимозависимость, взаимосвязь в природе — аксиома!

Мир — един, он в непрерывной смене причин и следствий!

Наступает пауза.

Собеседник что-то вспомнил, продолжал...

Мой отец, приезжая в город, испытывал чувство давления: «Тесно здесь мне... не могу жить, не видя горизонта!»

Я также люблю степь... Степь широкою, привольною...

Детство моё целиком прошло на вольных просторах хуторской степи... Отрочество протекало в тех же степных условиях, прерываясь, однако, девятимесячными перерывами — интервалами городской учебы, но оно уже было омрачено неудачной войной 1914–1917 г.

А вот юность протекает на фоне крушения сложившихся представлений, ломки, казалось бы, незыблемых истин,

на фоне ненужных, неоправдываемых жестокостей, резкого снижения морали, колоссальных недостатков, упростивших жизнь чуть ли не до первобытного состояния.

«А я рождён и живу в Ялте. Меня в натуре чаруют полотна Айвазовского...»

Стихия моя — море, горы!

Сейчас, в условиях степи, я чувствую себя как в пустоте... растворяюсь в ней.

В природе всё целесообразно, прекрасно! Единственно откуда исходит зло — это человек, самый страшный зверь!

А зло, к сожалению, рождает зло, образуя цепь преступлений!

«Эскадрон, рысью м а р ш ! »

При ярком электрическом свете, цокая подковами копыт по мощёным булыжником улицам, всадники, удивлённые видимым, въезжают в имение «Оксания Нова» Фальц-Фейна.

Странно здесь, в степи, видеть более яркое освещение, чем сейчас, в данное время, в городах, здания городского типа, чёткую их планировку.

Ещё более удивительным видеть впервые в жизни зоопарк в натуре, почти в естественных условиях, расположенный на нескольких стах гектарах.

Широко представлен здесь животный мир разных континентов планеты.

Довольно разнообразен класс птиц (водоплавающих, степных, лесных) с характерными условиями для каждого вида. Страусы свободно живут в степи, многие находятся в еле заметных громадных клетках — вольерах. Для них созданы ручейки, кустарники, заросли деревьев, скалы.

Бизоны, разнообразные олени, антилопы, жирафы, зебры и другие имеют полную свободу передвижения в степи.

Чрезвычайно интересны заводы: конный, овцеводческий, рогатого скота, свиноводческий.

В степи резвятся табуны лошадей разных пород и возраста в полудичавшем состоянии.

Отары мериносовых овец, стада кровных тёлочек, коров в степи под наблюдением опытных чабанов и охранных собак.

Говорят, количество собак исчисляется тысячами.

Сколько же овец?

Также говорят: «Вот уже более трёх лет эти овцы составляют бесплатную пищу проходящих здесь воинских частей и всевозможных отрядов».

Да и только ли их?

Породистые матки и производители — в специальных индивидуальных стойлах.

Размножение регулируется строгими законами наследственности.

Поучительная история зоопарка, хозяйства и заводов! На протяжении нескольких лет (1917–1921 гг.) хозяйство подвергалось грабежу разнообразных банд, немцев в период их оккупации (1918–1919 гг.)

На страусах катались, животных стреляли.

Хозяйство выдержало испытания, расцвело, как мировая научная животноводческая база.

Эскадрон здесь обновился обмундированием, пополнился конским составом из одичавшего гурта трёх-четырёхлеток, в основном кастрированных жеребчиков.

Кавалеристам, и так переутомлённым длительными переходами, без соответствующей закалки, непрерывными учениями на ходу, это обстоятельство доставило чрезвычайно много забот, стоило большой энергии.

Лошади — породистые, с этой точки зрения, возможно, перспективные, по мере возмужания чрез полтора-два года, в данное время представляли одичавших, южных, нежных, нетренированных ни к физическим напряжениям, ни к климатическим колебаниям, до настоящего времени не чувствовавших на себе ни недоуздка, ни подков.

Вот извольте, в семь-десять дней такую лошадь приучить к седлу, держать строй, повиноваться приказаниям, научить индивидуальному движению, движению туда, куда это нужно, невзирая на препятствия, когда со дня рождения она усво-

ила один рефлекс — рефлекс табуна, массы: куда табун — туда и она.

О каком развитии у лошади сообразительности в понимании обстановки можно мечтать в подобных условиях?

Извольте привить ей рефлекс не реагировать на разрывы снарядов, вой их полёта и другие шумовые эффекты, когда она с раннего детства на вспышки молнии, раскаты грома, а она эти шумы ассоциирует именно так, реагирует паническим, безудержным бегством в степи, не видя, не глядя куда.

Ночью — особенно страшное явление!

Вот теперь войдите в положение несчастного всадника, поставленного в необходимость быть с такой лошадьё в боевой обстановке!

Три-четыре дня работы с лошадьми приносят довольно плачевный результат.

Конечно, прежде всего, страдает методика. Вернее — её отсутствие... При правильном, постепенном втягивании, поощрительных мероприятиях можно было бы добиться от них удовлетворительных результатов.

При партизанском же подходе, а это диктовалось ограниченностью времени, результаты получались неутешительные.

Подавляющая часть лошадей и особенно те, к которым применялся водно-пищевой голодный режим, как-то обмякли, сразу резко похудели.

Всё это явилось необходимостью в последующем постепенного их обмена, за небольшим исключением. Это уже было делом индивидуальной инициативы. Решение было оправданным: оставшиеся лошади показали полную несостоятельность и особенно к холоду (ёжились, дрожали, были скованны, быстро утомлялись, теряли упитанность). Они — полная противоположность сибирским лошадям, выносливость которых к физическим нагрузкам и к холоду — исключительны!

Недельное здесь пребывание представило возможность некоторого приведения в порядок: санитарно-гигиенической обработки, относительного отдыха от полевых занятий, а главное — представило познавательный интерес знакомства

с зоопарком, хозяйством, оставивших навсегда глубокое впечатление.

Этот этап завершает мирный путь через Тамань — Керчь — Джанкой — Перекоп — Армянск...

А дальше... От Малого и Большого Такмака идут этапы длинного, печального пути, полного всяких неожиданностей, опасностей, этапы непрерывных боевых действий... Отсюда степные дороги переплетаются путями жестокой войны.

Так ожидаемая, но наступившая внезапно, началась военная служба.

*И свершилось событие,
противное человеческое разуму
и всей человеческой природе.*

(Л.Толстой)

Побратим

И так, тѣзка, не думано, не гадино!
Ни во сне, ни наяву!
Планировались университетские аудитории, рисовались первые, торжественно-впечатляющие обзорные лекции профессоров, стремящихся отдельными, общими мазками представить значимость предлагаемого предмета, его актуальность.

Лекции пестрят классическими цитатами, иностранными фразами подлинников, а иногда, по традиции, читаются в 50% на латинском языке, а остальная часть пропорционально на русском, немецком, английском языках.

Каждый профессор озабочен создать наиболее выгодное впечатление, лучшие условия, необходимую атмосферу для заинтересованности своим предметом.

Чрезвычайно интересно!

Неспроста, нередко студенты уже на этих лекциях определяют судьбу своей деятельности, будущую свою специальность!

«Дорогой тѣзка, если ты задался целью поиздеваться, чести тебе это не делает!»

Действительность наша не романтическая, к сожалению, покамест далеко не студенческая! Хочешь, не хочешь, друг мой, а мирись с солдатской долей!

Надолго ли?

Воля Аллаха!

Благовари ещё свою судьбу, что не загнали нас, как вольноопределяющихся, в военное училище!

Из двух зол, пожалуй, это лучшее!

А известно ли тебе конногвардеец: мы же непосредственные, ближайшие потомки когда-то знаменитого, овечьного славы истории, лейб-гвардии конногвардейского полка?

Да, до некоторой степени!

Но в какой степени это обстоятельство меняет существо дела, в частности, наше положение?

Не явимся ли мы историческим закатом, финалом этих, действительно прекрасных красавцев — полков?

То есть, как когда-то?

Не так давно! Три-четыре года как этот полк и родственные ему другие лейб-гвардейские кавалерийские полки дислоцировались в Петербурге... Вот они: кавалергардский, конногвардейский, жёлтых кирасир, синих кирасир, лейб-драгунский, лейб-уланский, лейб-гусарский, конно-гренадёрский.

Говорят, смотреть их на параде вместе с пехотными гвардейскими частями, представляло действительно впечатляющие зрелище!

Ну, ещё бы!

Продуманы были все детали для эффектного представления! На протяжении призывного года подбирались и люди, и лошади по росту, окраске, весу. Подгонялось обмундирование, вкладывалась чрезвычайная щепетильность в организационно-подготовительную работу. Если только брюнеты составляли кавалергардский полк (самые высокие из всех гвардейцев) на вороных лошадях, блондины отбирались для кирасир.

«Кавалергарды — дураки, подпирают потолки!»

Тёмные шатены также на вороных конях формировали конногвардейский полк и т.д.

Всё это в сочетании с гвардейской формой, действительно должно было выглядеть эффектно...

А вот как это определяло боевое качества? Тем более, что с японской войны, время резко изменило технику ведения боя!

Теперь уже шапками и эффектами врага не запугаешь!

Встреча, как известно, в 1916 году с Баварской кавалерией, с их гусарами смерти, которые представляли прямую противоположность нам (приземистые, коренастые кавалеристы на сильных — крепких лошадях), окончилась довольно неудачно для нас. Если с нашей стороны в атаке участвовала техника наполеоновских времён: пики, тяжёлые палаши, упитанные до жирности лошади (это обстоятельство считалось образцом ухода), следовательно, физически ослабленные немцы встретили нас на рыси, на расстоянии удобном для стрельбы из скорострельных карабинов, пистолетов, расстреливая в упор.

Царскому правительству нужна была внешняя эффектная мишура, страна за это расплачивалась кровью и жизнями своих сыновей. Техника с незапамятных времён не совершенствовалась, об этом забыли, она застыла на одном уровне в течение столетия.

И всё-таки, несмотря на явное превосходство вооружения и организации, наши кавалеристы проявили чудеса храбрости, стремились вынудить врага на ближний бой, умирали, не пригибая голову, не уклоняясь от встречи. Представляя своими рослыми телами отличную мишень, зная это, они старались сократить расстояние для боя пиками. Нелегко обошлась атака и немцам.

«Безумству храбрых поём мы песню!»

Но к чему это безумство?

Храбрость должна подчиняться разуму, а не быть следствием каких-то романтических эмоций!

Смерть по крайней мере должна быть оправданной, достойной компенсацией... Возьмём японских самураев. Они проявляют безумство храбрости, бросаясь с миной под дно дредноута или подрывая какое-то другое важное военное сооружение... Но... эта храбрость вынужденная... Её проявляют обычно смертники, лица, приговорённые к смерти за какие-то преступления.

Нередко, правда, добровольцы ...

Терять им нечего!

Наоборот, совершая этот подвиг, они не лишены какого-то процента удачи, когда остаются живы, они не только полностью амнистируются, но и представляются к наградам. Если же наступает смерть, она оправдывается уничтожением неприятельской важной военной единицы, не говоря о моральной стороне дела: герой навечно зачисляется в список самураев (народно-национальных героев), причисляется к лику святых.

Забота о боеспособности армии — это святая святых руководителей!

Правительства, проявившие в этом вопросе наивность, близорукость или невежество заслуживают не только позора, но и уголовной ответственности, как прямой пособник врага!

Ты, тёзка, прав, конечно!

Всё это так... мы говорим о истории... Знать её, понятно, нужно. Меня больше интересует наше положение...

Судьба нашего года рождения нам уже принесла достаточно неприятностей, будущее мне представляется омрачённым рядом страданий... Наш год — это единственный год двадцатого века — участник этих исторических событий!

Нам нужно проявлять особую осторожность! Неровён час! Бережёного и Бог бережёт!

Я давно хотел предложить тебе обменяться крестами... Условимся не разлучаться: я тебя защищаю слева, ты — меня справа. Я — твой левый глаз, ты — мой правый!

Хочется надеяться, тёзка, буря успокоится... Мы ещё ходим по университетским апартаментам... И на нашей улице, возможно, будет праздник! Главное, сохранить жизнь и здоровье!

Сейчас нашим ближайшим желанием является Нежин. Говорят, чрез два-три дня мы будем в нём... Следовательно, это время нужно использовать, прежде всего для приведения себя в порядок... Бесперывное движение вперёд, на север, постоянные заботы о хорошем состоянии лошади, основное её внимание... И кое-какое себе... Бессонные ночи... Время бук-

вально мчится, для себя его не хватает. А ведь приближается осень... Природа уже заметно увядает... Деревья начинают терять свой покров, листья окрашиваются в желтовато-золотистый цвет... Это же не юг!

Вот пройдёт дождь, северный ветер и принесёт ночные заморозки, листья прикроют землю... Зори и ночи и сейчас довольно бодрящие... Спать тянет в клуню... Как приятно на душистом сене или даже соломе зарыться, прикрыться шинелью... И сон — крепкий, и сны снятся приятные... А вот скоро поневоле придётся идти в тёплую, но душную, завшивленную избу... Осень подходит: дни становятся короче... Всё чаще по утрам туман и обильные росы... Старики говорят о лихой зиме...

Но... дни!

Чудеснейшие дни!

Степи покрыты пожелтевшей стернёй и шаровидными кустами бурьяна — «перекати-поле». Изредка встречаются клочки земли, вспаханной заботливым крестьянином то ли под зябь, то ли засеянной озимой пшеницей...

Не слышно птичьих голосов...

Замолкла оголённая степь, кажется, заблаговременно убранная встревоженными людьми...

По дороге бегают, в поисках каких-то зёрен, озабоченные парочки жаворонков... В стерне суетятся стайки степных воробьёв...

Дни солнечные, тихие!

Как приятно на восходе солнца — под его согревающими лучами!

В этот памятный день утро рождалось особенно туманным, седым... Горизонт скрыт... Предвиделось наступление прекрасного дня...

Три всадника-разведчика, по команде вырвались из строя эскадрона и крупной рысью устремляются вперёд... Скоро растворились в тумане... Туман то сгущался, то уменьшался, рассеиваясь... Казалось, он, как живое существо, дышал: то глубоко, то поверхностно...

«Друзья, давайте остановимся! Вы что-нибудь слышите? Как будто гудит?»

«Тёзка, я давно прислушиваюсь... Это церковный, колокольный звон! Он — разной громкости... По-видимому, звуки из разных мест... Мы недалеко от города!»

Решили рассредоточиться...

Один из нас метров на 500–700 выдвинулся вперёд... В дальнейшем двигались с осторожностью, меняясь местами... Туман рассеивался. При въезде в город почти исчез.

Въезжали мы в Нежин с юго-восточной стороны... Город гудел от колокольного звона и человеческих голосов.

На окраине довольно безлюдно: из одних дворов нас осматривали украдкой, боязливо. Кое-где у заборов стояли старики...

«Здравствуйте, старики!»

«Здоровы булы! А видкиля ви, хлопци, и хто вы таки, шо вы за люды?»

«Мы — русские, православные... Ищем порядка в жизни... А путь наш — далёкий!»

По мере продвижения к центру, количество людей всё больше и больше: не только тротуары, но и улицы заполнены ими... Люди празднично одеты, с цветами... Со всех сторон раздаются крики приветствий, предлагаются цветы, осыпают нас цветами... Люди выражали свои искренние чувства, надеясь, действительно, увидеть порядок...

С западной стороны по улицам двигаются другие воинские части... Предлагаются пища, спиртные напитки. Многие лезут целоваться...

Город встречал незнакомую ему воинскую часть, надеясь на социальную справедливость и порядок.

Принесла ли она их?

Въезд совпал с большим религиозным праздником.

Свой эскадрон мы встретили и расположили в юго-восточной части города, с открытыми дорогами во все стороны.

Примерно чрез час, т.е. часов в одиннадцать, въехали обозы 1-го разряда и расположились на улицах, в некоторых местах почти их перекрыли. Никто этого не заметил,

да и до этого ли было? Разошлась, разгулялась русская душа! Молодёжь воспользовалась причиной, предавалась веселью: пели, танцевали, играли. Многие разошлись в парки, другие пошли с девушками по домам. Кругом раздавались песни, смех, пляски.

Некоторые занимались собой: брились, купались, стирали бельё.

Лошади расседланные, обозы — распряжены...

Празднует Нежин.

Старики старались использовать повод, проявляя нетерпение, искали возможность скорее получить политическую информацию...

«Порядок!»

«Ну шо казать? Це добре!»

Бачите, як распустилась молодёжь: не признае ни батькив, ни матерей! Едина, неделима! Чего ж там? Добре! Це як хозяйство, як начав его дробить, ото ему кинец!

А скажи, будь ласка, як буде с земелькой, с заводами да нашими промыслами, с рабочим днём?»

Гудят колокола!

Тёзка и я неторопливо шли к центру, хотели ознакомиться с городом, его достопримечательностями, а главное — с лицом имени Н. В. Гоголя, в котором он учился.

Картина везде была одна и та же: продолжался праздник...

Были ли выставлены боевые охранения?

Мы видели опознавательные знаки, по крайней мере, не меньше пяти-шести других воинских частей... Медленно возвращались мы к себе, в расположение. В двух-трёх кварталах от него (это было около 14 часов) с резким воем, прорезая воздух, неожиданно над центром разорвался шрапнелевый снаряд...

Минуты чрез две-три в западной части разорвалось не менее трёх снарядов... Немедленно смолкли песни, смех, звон... Артиллерийский обстрел усилился... Он носил хаотичный характер... Взрывы происходили в разных сторонах, но больше в западной...

Как оказалось, основные воинские части располагались именно в западной части города...

В своё время нам разведчикам-квартирьерам было сделано замечание: «Нужно было бы расположить эскадрон ближе к центру!»

В основном же снаряды перелетали через город, наводя своим воем страх на людей и животных.

Поднялась невообразимая беготня...

Бежали женщины, дети, мужчины, солдаты из мест развлечений. Бегали, искали своих командиров... Обозные подводы, кто успел запрячь лошадей, запрудили улицы, не зная куда, по какой дороге ехать. Вахмистр нашего эскадрона, выражаясь нецензурно, полупьяный, бегал по расположению, собирал людей, пытаясь построить эскадрон.

Удалось ему собрать не более 12–15 человек, в 50% — пьяных...

Да, порядок!

Обозные в состоянии паники, совершенно загородили дорогу, по которой даже пешему отделению трудно пробираться.

Невообразимый шум, крики, ругань, стрельба.

С вахмистром во главе, с большими затруднениями, мы — команда в 15 человек, выскочили за город у юго-восточной его оконечности. Счастье наше, что не забрались мы к центру!

Здесь ясно стало: артиллерийский огонь ведётся по выскакивающим из города воинским соединениям... Непосредственно против нас из окраины леса, который заканчиваясь, несколько огибал город с северо-востока, периодически вёлсь отдельными короткими очередями пулемётный огонь, что заставляло нас отойти в улицу, под прикрытия построек.

Создавалась впечатление: огонь ведётся с целью воспрепятствовать выходу из города.

На западе и севере лес находился в непосредственной близости к городу.

Кто-то прокричал следовать нам в юго-западном направлении, где километрах в 3-х виднелась маневрирующая ка-

валерийская часть. Небольшие, размеров взвода, кавалерийские команды стали появляться справа, сзади нас. Вахмистр командовал передать лошадей коноводам и рассыпным строем, перебежками наступать в направлении леса, откуда продолжалась пулемётная стрельба. Ему последовали соседние с нами команды.

Одновременно кто-то прокричал «ура», его подхватила выскочившая кавалерийская команда и на полном карьере помчалась также в направлении леса, несколько левее и севернее. Ясно, команда преследовала цель отрезать этот участок леса вместе с пулемётчиком.

Действительно, по-видимому, поняв замысел, скоро пулемётная стрельба прекратилась, оттуда теперь раздавались отдельные винтовочные выстрелы...

Всё это настолько нервно, быстро происходило, я, передавая Ветерка коноводам, упустил момент, когда мой побратим и ещё один всадник при криках «ура», считая, что это исходит от всех, вырвались и вместе с отмеченной командой на карьере шли на север. Фигура тёзки маячила на правом фланге. Он со своим могучим Ваххом представляли наиболее близкую и удобную мишень... А он любил украшать себя всякими побрякушками и, конечно, будет принят за офицера.

Сжалось моё сердце!

Боже мой, как часто мы говорили: эмоции тогда хороши, когда они управляются разумом!

События продолжали развиваться с молниеносной быстротой. Панике и шоковому состоянию пришел конец. Повторно пришло приказание немедленно явиться нашему взводу и другим, находящимся здесь соединениям, на юго-запад, где, оказывается, уже была остальная часть эскадрона. Здесь сосредотачивалась группа войск... В этом же направлении, вне огня, драпали обозы, постепенно освобождая себе дорогу...

Отсюда началось наступление... основной части на северо-запад, меньшей — в восточном направлении с переходом через три-четыре километра на север.

Откуда-то распространилась весть, правда, не лишённая вероятности, это наступал Щорс.

Если это так, чести ему от этого мало:

- 1) разведка его сработала отлично,
- 2) час наступления был выбран наиболее эффективный, с отличной перспективой,
- 3) фактор внезапности не был использован,
- 4) наступление в действительности представляло демонстрацию, довольно неудачно-вялую,
- 5) вместо вполне возможного, реального разгрома автор из-за нерешительности получил поражение.

По получении данных разведки следовало бы тихо, без этой артиллерийской канонады, кстати — бестолковой, которая скорее сыграла на руку противнику: отрезвила его от пьяного угара и дала время привести себя в порядок, захлопнуть капкан и спокойно разделяться повзводно... Это не произошло... Но... как мне казалось, у населения сложилось мнение не в пользу армии. Здесь она получила политическое и моральное поражение... Кстати, не связанное с неудачной демонстрацией Щорса.

Эскадрон возвращался в своё расположение в темноте, поздно ночью.

В его составе не было романтика — оптимиста Соболевского.

Мы подъехали к его трагическому месту. Улыбаясь, лежал труп Соболевского, раздетый, изрубленный посмертными сабельными ударами — «гримаса классовой ненависти».

При осмотре, нашли у него два огнестрельных ранения:

- а) винтовочное — в живот, с рваным выходным отверстием в левом боку,
- б) маленькое слепое pistolетное в правом виске.

Из его случайной команды передавали очевидцы: он застрелился на их глазах, чувствуя свою беспомощность, обречённость...

Да, в тех условиях, едва ли было возможно сохранить ему жизнь, при таком характере ранения.

Здесь же, на этом месте, вырыли ему могилу, похоронили. Насыпали холмик земли, поставили грубовато сделанный крест. Здесь же рядом лежал могучий Вакх.

Вместо желанного, с таким нетерпением ожидаемого отдыха, рано утром, без сна, мы выступили в направлении Бахмач, Конотоп, Кролевец, Глухов. На всём протяжении этого пути боевые действия выражались изредка кратковременной перестрелкой: под действием флангового охвата противная сторона откатывалась на север, другая, не отдавая отчёта в возможностях своей боеспособности, в условиях приближающихся холодов, двигалась вперёд, не имея в тылу людских, материальных, морально-политических резервов.

Сиротливое было чувство... Потеря друга выбила меня из своего обычного состояния.

Тяжело видеть смерть человека вообще, особенно тяжело, когда ей в жертву приносится молодая жизнь, полная радужных надежд, планов, перспектив, неиспользованной энергии.

Друг познаётся в несчастье.

Война сплошное несчастье!

Поразительно: человек сам себя уничтожает! Сегодня его могучий гений создаёт машины, орудия, станки... Завтра он является их рабом, подпадает под их зависимость. Он жалко стоит у обочины дороги, на тротуаре, ожидая проезда бесконечного потока созданных им машин. Они его мнут, уродуют, терзают, убивают...

Погиб тёзка... молодой, умный, жизнерадостный, девятнадцатилетний питомец Ялтинской гимназии, с аттестатом зрелости, с широкими перспективными планами...

Погиб преждевременно, вынуждено, неразумно!

Вместе с ним погибла могучая сила братства, служившая отрадой в тяжелые дни мучительных испытаний.

Вечный тебе покой!

*Глазами вдовца не бери жену,
Глазами пехотинца не приобретай лошадь.
(Туркменская пословица)*

Ветерок

ошади, как люди... У них — разные характеры, разная внешность, разные типы конституции, разные жизненные реакции...

Положим, определение это не ново. Оно в одинаковой степени справедливо и для собак, и для других видов животных.

В один период своей жизни, уже в годы врачебной деятельности, в условиях глубокой тогда периферии, чтобы заполнить некоторый вакуум (жил я один), много внимания уделял охоте с подружейными собаками.

Прекрасное время!

Рано, чуть начинает сереть на востоке, выхожу в степь...

Какая благодать находиться в этой «первозданной» обстановке: воздух чистый, ароматный, дышится легко... Любуюсь «работой» моих пойнтеров: Боя и Дюренга.

Два родных брата, одного помёта, неоднократно награждавшихся родителей, воспитывающихся в одних условиях, одним и тем же методом — два совершенно разных характера, с разными повадками и манерой.

Дюренг — это артист: горячий, темпераментный, стильный, с поиском — «на карьере», с классической восьмёркой, вытянувшийся, как струна... Припадении на след вздрагивает, похрапывает, физиономия приобретает крайне беспо-

койное состояние. А вот, быстро устаёт, стойку часто не выдерживает — срывается и тогда, как одержимый, не реагируя на окрики приказаний, может гнаться за улетающей перепёлкой несколько километров. Будучи наказан, теряет активность, «плетётся» за ногами.

Бой неутомим в работе, он не спеша «семенит». Стойка у него вялая, но чрезвычайно крепкая, хвост полуопущен, морда выражает сосредоточенность.

За брошенным в бурьян ключом, либо другим предметом устремляются оба. Через некоторое время Дюренг, начавший энергично, поиск прекращает, теряет к нему полный интерес. Бой ищет упорно, пронюхивает площадь метр за метром, покамест не найдет. Поднося находку, скромно помахивает хвостом.

Дюренг — бродяга, космополит, принимает пищу от всех и пойдёт за ней и на охоту с удовольствием с любым претендентом. Бой домовит, меланхоличен, трудолюбив. По характеру, стилю поиска он похож на сеттера.

Наиболее домовиты, работоспособны — это самки. Если ты, читатель, решишь приобрести друга — подружейную собаку, следуй моему совету — приобретай самочку. В ней ты найдешь наиболее верного, преданного тебе друга, верного сторожа, домоседа, труженика на охоте. Ты выиграешь в производительности труда, проиграешь в стиле.

В Оскания-Нова вручили мне по списку необъезженного мерина, рекомендовали обучить, любить и жаловать. В виде исключения он принадлежал к числу того небольшого пополнения, которое быстро поняло необходимость подчинения человеку.

После ряда неудачных попыток заседлать его сразу, он был припряжён к обозной упряжке и чрез четыре перехода как-то обмяк, и от дальнейших сопротивлений отказался. Это был молодой, не более 4-х лет, хорошего телосложения, с отличной, кровной наследственностью, мерин, с белым пятном на лбу, нормальной упитанности. Его, пожалуй, можно было бы назвать красивым, если бы не одна особенность: ка-

кое-то безразличное выражение глаз, физиономии. Он похож на человека — приверженца Толстовской философии непротivления злу. Ударьте его по щеке — он подставит другую. Его физические качества были в общем удовлетворительными, наследственность определённо — и прогрессивная, психика его — настораживает: инертен, безынициативен, с плохим аппетитом. Если ему не предложить воду или пищу, он не проявит попыток активности как-то добыть их. Ест медленно, вяло. Редко когда уши его направляются в интересующее его место.

Да и интересуется ли что его?

В строю ведёт себя удовлетворительно, из строя выходит неохотно, с затруднениями, под действием шенкелей, плети, т.е. цыганским методом.

«Лентяй, твой Ветер», — говорит тёзка.

Все лошади этого эскадрона носили кички на букву «В». Кличка моего мерина «Ветер». Автор клички, по-видимому, не был лишен юмора.

Нет, конечно, лентяем он не был!

Это типичный астеник, возможно глухой или травматически чокнутый кастрацией.

Несмотря на особое к нему внимание, хорошее питание, хорошие санитарно-гигиенические условия, он не проявлял тенденции же только понравиться, но наоборот, медленно таял. Компенсаторные его способности были определенно несостоятельны. Говоря откровенно, я боялся получить какое-либо ответственное задание, всячески уклонялся от него, не веря Ветру, не надеясь на него. Так, слава Аллаху, обстоятельства выручали меня. Но... неровён час!

Часто этот вопрос являлся темой беседы с тёзкой, да и с другими сослуживцами...

Вбегая, тёзка кричит: «Скорей... Я привёл тебе!»

Преодо мной на прекрасной кобылице сидел кавалерист неизвестной части. Физиономия этого кавалериста говорила о многом...

Такие типы существуют и долго ещё будут существовать...

«Четверть первача — украинского — Терещенко, одну неделимую в придачу к своему дурашливому Ветру, и получай Каравеллу!»

Стояла с пятнами испарины на корпусе, нервно перебирая передними ногами, игриво посматривая на окружающих своими искрящимися карими глазами, высокая, тёмно-гнедой масти, с белым пятном на лбу и белыми чулками передних голеней, кобылица.

Это было мобильное, стройное, мышечное тело красавицы, готовое немедленно выполнить любое приказание.

Как-то в 1915 или 1916 годах в журнале «Мир красоты» были зарисовки головок девушек в профильном и фасном изображениях:

Вера, Надежда, Любовь, Фантазия, Мечта, Грёзы и ещё ряд...

Главное же — их позы, выражения, причёски, одежда ассоциировались, гармонировали с названиями зарисовок. Сейчас, глядя на небольшую умную головку кобылицы, горделивую сознанием своего очарования, невольно я воскликнул: «Да это же сама Мечта, посланная мне Аллахом!»

«Тёзка, будь реальнее, пред тобой сама Венера, в своём великолепии любви и красоты!»

«Друзья, во-первых, Венера уже есть у нас — богиня любви и красоты, во-вторых, хотя Венера — богиня любви и красоты, но всё-таки с развратцем!»

«Правильно!» — со всех сторон стали раздаваться реплики, привлечённых к этому событию сослуживцев...

«Что, не видишь, это же сама невинность, девственница!»

Разглядывали, окружив нас, сослуживцы... каждый что-то говорил, советовал, спорил, хвалил, находил недостатки, поздравлял.

«Не иначе — ворованная!»

«Ну, брат, подцепил!»

Кобыла, как бы понимая сложившуюся ситуацию, уздечка которой была в моих руках, мягко, губами теребила гимнастёрку моего плеча. Как потом оказалось, это её привычка, выражающая нежные её чувства и хорошее настроение...

Положим, дурного настроения я у неё никогда не видел: в здоровом теле — здоровый дух!

Тёзка, перебивая чьё-то предложение: «Конечно, более напоминает она другую — глубокомысленную богиню любви и красоты — Афродиту!»

«Не пойдёт!», — раздался голос.

«Давайте Весной назовём!»

«Уже есть Весна, Веселье, Веста, Весталка, Вахта, Вена!»

«Что тут ещё мудрить! — подошел вахмистр. — Значится за тобой Ветер, так ей и быть!»

«Да это же мужская кличка!»

«А кто же виноват, что на кобылу ты своего Ветра променял? Мало ли у вас капризов, а мне только и дел, что ходить в штаб переделывать списки!»

Своё замечание он подкрепил крепким — сочным словом и этим исчерпал интересный эпизод.

Так вот и стала Каравелла Ветерком!

Лихая судьба моего года рождения послала мне тяжёлый удел военной службы... Революция совершалась людьми девятнадцатого века, и только 1900-й год представлял людей двадцатого века.

Ветерку я обязан не только смягчением целого ряда обстоятельств, когда было «некому руку подать в минуту тяжёлой невзгоды», но и своим спасением.

Ветерок прошла отличную у кого-то школу, и мне не представляло особого труда найти с ней общий язык, в самый короткий срок... Плеть была выброшена, в употреблении шенкелей не было необходимости. Ветерок отлично разбиралась в интонациях голоса. Если, несколько пригнувшись к луке, шепотом со страхом произнести: «Ветерок, выручай!» — она, прижав уши, с места сначала делала скачок, а затем переходила на широкую рысь...

Теперь в строю «по два» Ветерок шла рядом с Вакхом. Это — рысак! Костлявая фигура этого могучего мерина, его широкая поступь, несколько добродушно-флегматичное выра-

жение, как обычно у здоровых — сильных натур, в сравнении с Ветерком выглядели внушительно.

Однако взглянем в окружающий нас мир...

Вот мускулистый, пышащий здоровьем, спортсмен после двух-трёхдневной фебрильной температуры, вызванной банальным гриппом, осунулся, побледнел, адинамичен.

Осложнившее же воспаление лёгких явилось для него трагичным, роковым.

При тех же условиях, невзрачная, худенькая, далеко не спортсменка, женщина чуть ли не «на ногах» переносит свободно эту патологию. Женщина часто теряет колоссальные количества крови и выдерживает эти жуткие кровотечения. Превращается в бескровное, с бледно-желтушным цветом кожи, почти бездыханное тело...

Крепкий, здоровый мужчина при этих условиях отдаёт душу Аллаху.

Таков великий закон природы! Она щадит и бережёт самок, как носителей жизни. Она же, правда, жестоко их наказывает при попытках к сопротивлению их жизненных функций.

На соревновании в бегах рысью, Вакх, на расстояния пяти километров, обходит Ветерка на пять-шесть корпусов. С этой дистанции он обнаруживает явления одышки, свою сердечную несостоятельность — «запал».

Ветерок способна покрыть куда большие расстояния, и только глаза, теряя свой блеск, и глядя с укором, как бы говорят: «Зачем такое напряжение!»

Если ты, читатель, будешь когда-либо поставлен в условия моего положения (да избавит от этого тебя Аллах!)... Положим, не беспокойся, подобные условия и обстоятельства не повторяются!

Но, допустим, тебе необходимо будет стать на время кавалеристом, приобрети кобылицу. Не ленись её кормить, поить, ухаживать, в ней ты найдёшь наиболее тебе преданную, верную, понимающую тебя помощницу и друга.

Разве тебе не будет приятно, когда, подходя к ней, особенно утром, ты видишь её ищущие взгляды и вдруг, заметя тебя,

свою радость проявляет она ржанием, потом осторожно теребит губами рукав твоей шинели? Это, положим, чисто морально-лирическая сторона, характеризующая степень её привязанности... Конечно, это важно само по себе, но гораздо важнее, как предпосылка к деловой стороне дела. Более ответственную сторону определяет её поведение и отношение к боевой обстановке... К Ветерку предъявить большие требования я бы не мог. По требованию она ложилась и, следовательно, могла бы своим телом создать укрытие... Практически подобные случаи мне неизвестны... При необходимости спешиться лошади передавались коноводам, находящимся в укрытии (балки, лес, строения и т.д.).

Мне неизвестны люди, которые не боялись бы смерти в боевой обстановке... Но мне известны те, которые умеют прятать свою боязнь, а иногда даже бравировать опасностью, хотя часто трагически платятся за это. Таков, к сожалению, был мой побратим. Подобных типов — носителей этого вида нервной системы, немного, единицы, называют их храбрыми. Известны мне и те — противоположные типы — люди с совершенно неустойчивой нервной системой, известные под кличкой — «труссы». Их также немного — единицы. Они постоянно ищут мотивы для госпитализации, под разными предложениями отстают в лучшем случае, в худшем — симулируют глухонемоту в результате контузий — разные болезни, до психоза включительно.

Подавляющая масса людей всячески старается не проявлять боязни, но не может скрыть полностью свои эмоции: как-то уклоняются, пригибаются от с воем пролетающих снарядов, пуль, хотя знают: слышимые снаряды, осколки, пули летят мимо.

У лошадей мне известны два типа реакций и, как мне кажется, эти реакции во многом зависят от поведения, состояния всадника. У одних чувствуется лёгкая дрожь, пробегающая по телу, но требования ими безукоризненно выполняются, другие — жмутся друг к другу, сопротивляются движению навстречу огня, становятся на дыбы или, даже закусив удила, неудержимо куда-то рвутся.

Ветерок принадлежала к первому типу — основного большинства.

Могуч фактор времени!

Смотришь, человек или даже государство попадают в жестокую беду, переживают острейшее горе, критический период своей истории. Гибнут духовные ценности, рушится экономика, материальные блага, уничтожаются национальная культура, исторические памятники, разрушается семья, исчезают её отдельные члены... Кажется, буквально всё потеряно, совершенно опустошается душа... Проходит какое-то время, стирается горечь пережитого, ослабевает острота пережитых событий, прекращается страдание...

Шли ломка, каверканье, порча, уничтожение...

Вихрь затих, взошло солнце, обогрело, обласкало, и вновь потекла нормальная жизнь...

Целесообразен организм!

Такова жизнь!

Может быть, в этом её прелесть!

На фоне мрачной обстановки особенно ярко воскресали воспоминания о теплоте, искренности родительского дома.

В нём — лучший период жизни!

Живы ли они?

Никакой связи, никакой информации... И только Ветерок... на реплики тоски глубоким взглядом своих карих задумчивых глаз выражал сочувствие...

«Бывали ли у нас дни весёлые?»

Правда, редко... Да и по характеру особые... Русь богата прекрасными людьми...

Кролевец...

Теперь, по-видимому, город, тогда довольно большая, богатая деревня...

Встретил нас неожиданно радушно, гостеприимно, открывая ворота, могучий седовласый старик, типа русских богатырей... Обширный, безукоризненно опрятный, наполовину крытый двор. Много разнообразных, нужных хозяйственных служб, двор огорожен высоким забором-крепостью.

Жена-старушка, три сына, две дочери, куча разноцветных детей — большая семья!

Хозяйство патриархальное, крепкое — «Единое — Неделимое!» Недельное, приблизительно, здесь пребывание казалось раем. Мужчины опекали Ветерка. В тёплой конюшне, на соломенной ночью подстилке, хорошем режиме кормления, в обществе себе подобных, после полной перековки всех копыт, чувствовала она себя превосходно.

«Нам бы для развода она пригодилась. Поменяемся что ли?»

Бабушка шефствовала надо мной. Началось с бани, стирки белья, дезинсекции одежды в предварительно вытопленной русской печи. Доброе, подобное материнскому отношению, отличное питание, хорошие бытовые условия...

Что же нужно ещё человеку того времени, чтобы считать себя счастливым?

«Закончится война, приезжай к нам!»

Если бы даже состоялся мой к ним приезд, нашел бы я их?

Нет!

Судьба этого двора обречена, как кулацкое хозяйство на ликвидацию.

В действительности, если его разложить между членами, частное явится менее чем середняцкое хозяйство.

Суть в неделимости!..

За обильно-разнообразным крестьянским столом и особенно завтраком, ежедневно последним блюдом подавались или блины со сливочным маслом и сметаной, или гречаники с мёдом...

«Чудеснейшее кушанье», — сказал бы Н. В. Гоголь.

С этим замечанием невозможно не согласиться: сочные, румяные, тёплые! Гречаники таят во рту!

«Ел ли ты их, читатель? Отведай, непременно! Равного гречаникам с душистым мёдом — нет ничего!»

Вот так и коротали... Судьба, хотя изредка, но посылала и нам утешения.

«Эх, этой бы кобылице не по дорогам войны бегать, а стоять в тёплой конюшне, радовать людей приплодом породистого потомства!» — любясь Ветерком, задумчиво, с тоской хозяина, говорил старик, провожая нас...

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день!*

(А.С. Пушкин)

Осень

нылая осенняя пора!

Оголённая степь...

Умытая дождём стерня и потемневшие кусты «перекати-поле».

Блёклые краски осеннего пейзажа!

И только лес: то приближающийся к дороге, то удаляющийся от неё, таинственный, задумчивый, кажущийся совсем тёмным на горизонте...

Беспрерывный дождь: с ветром, мелкий, морозящий, пронизывающий...

Потом... скоро... снег, метель, пурга, мороз, опять дождь... То раскисшие дороги и по колени грязь, снежная каша, то гололёд... Неблагоприятные, часто меняющиеся погодные условия...

80% жизни протекают в пути, дорогах...

«Эх, дороги!

Пыль да туман,

Холода, невзгоды...

Да степной бурьян!»

(Л.Ошанин)

Продвижение к северу наталкивается на всё увеличивающиеся затруднения... Сравнительно лёгонькое обмундиро-

вание, усталость, бессменность, промерзание, поиски тепла в хатах встречных хуторов, деревень, возможный контакт с больными, пренебрежение часто санитарно-гигиеническими требованиями — всё это создаёт мрачные перспективы.

Затруднения нарастают: приблизительно 10–15% лошадей расковались. Запаса подков нет! Пришла беда, открывай ворота! Лошади скользят, иногда падают, мучительно переносят свою беспомощность, быстро устают. Всадники испытывают большое нервно-физическое напряжение. Начальство, да и сами всадники своевременно не проявили в этом отношении забот... У 20% лошадей кованы только передние копыта. Возрастает сопротивляемость неприятеля.

На меня легла чуть ли не штатная обязанность квартирьера, в связи с чем Ветерку предстояло выдерживать основательный темп движения, не говоря о возросшей опасности... из-под каждого куста. Зима по всем признакам готовилась быть ранней и лютой...

Главное же — вшивость! Вши господствуют... Завшивленная страна лежала в тифе: брюшном, возвратном и особенно — сыпном!

Колоссальная смертность!

В своё время отмечалось, наша семья принесла ему в жертву, в течение одного месяца, три жизни: двух братьев и семнадцатилетней сестры.

Потери семьи от тифа на 50% превзошли потери, понесённые ею в двух последних мировых войнах.

Проводилась ли какая-либо борьба, массовые профилактические мероприятия?

В нашей части — нет, не проводились. Каждый был предоставлен самому себе. Борьбу вёл каждый самостоятельно, в соответствии с уровнем своих знаний, развития.

Часть бессменно была на передовых позициях!

О степени тяжести положения в стране можно было судить по плакатам, лозунгам, газетным статьям, воззваниям, печатным листкам, развешанным на заборах, стенах, в вокзалах, школах, административных учреждениях, общественных местах...

Наиболее частой формой плаката был рисунок кисти с направленным указательным пальцем на громадную вошь... «Все на борьбу!» Плакат сильный, яркий, цветной, впечатляющий!

На больших, узловых железных станциях, где особенно велико движение и скопление людских масс, круглосуточно работают санитарно-эпидемиологические пункты, представляющие комбинат из парикмахерской, бани, дезинфекционной и дезинсекционной камер.

Пассажир мог войти в вагон (вернее с боем пробиться) только с пропуском санэпидпункта с отметкой произведенной обработки. Работа была поставлена довольно чётко: покамест человек стрижётся, моется, его бельё подвергается дезинсекции. Все эти мероприятия немедленно и сразу не могли обеспечить санитарное благополучие в стране, так как уровень санитарной культуры у населения был довольно низок, но проводимые мероприятия упорно, энергично достигали неплохих результатов.

Санобработка была бесплатной и обязательной для всех. Кажется, это единственная забота — общая воюющих сторон.

Каждая из сторон была заинтересована в сохранении своих кадров, следовательно, в здоровых резервах.

В деревнях, особенно фронтовой полосы, темп этой деятельности был, понятно, неудовлетворительный.

Вскоре после Кролевца, на одном из хуторов, ценой часового отдыха между нарядами, в душной, но тёплой хате, битком набитой военнослужащими, мне «посчастливилось» получить солидную дозу небывало злых паразитов. Я сел на скамью, под которой находилось кем-то незадолго сброшенное бельё, заполненное тысячами вшей. Последующий период явился для меня сплошным мучением. Единственной мечтой являлась встреча с санэпидпунктом, которые обычно базировались на узловых станциях. Других возможностей не было... Пункты не встречались, и воспользоваться ими не представлялось возможным. По мере усиления непогоды и холодов, активность на фронтах возрастала, усиливалась. Наконец, когда напряжение достигло максимума ни днём, ни ночью не было

покоя, рискуя, с одной стороны, простудиться, а с другой, очутиться в худшем, чем губернаторское положение, в клуне, при десятиградусном морозе, были сброшены бельё и шерстяная одежда, удалось обмыться двумя вёдрами тёплой воды. Фронт проходил сразу же за деревней, в двух-трёх километрах от клуни.

Лошади стояли засёдланные... Вместо сброшенной одежды шерстяной были одеты ватно-стёганные брюки и тужурка. С ними я не расставался до тёплого времени. Они принесли мне подлинное блаженство.

Если ты, читатель, когда-либо будешь повторять моё положение или что-то родственное ему, не забудь приготовить себе для холодного периода ватно-стёганный костюм. С одной стороны, он принесёт тебе тепло, а с другой, избавит тебя ещё от одного страдания войны — вшей. Лишит возможности вшей в массовых количествах гнездиться в швах — здесь трудно им удерживаться! Не посмей смеяться! Если ты был на фронте, ты не засмеёшься: ты это удовольствие войны познал! Если судьба оберегала тебя от него, знай: вши — горе людское, а над горем не смеются.

А, вообще, полезно, чрезвычайно полезно, в целях профилактики эгоизма, человеку испытать это состояние на себе практически: в теории трудно учесть все нюансы удовольствия!

Я, понятно, шучу... сквозь слёзы!

Была ли вшивость особенностью времени?

Да, по-видимому, в общем масштабе страны она была выражена в большей степени, чем когда-либо в другой период истории.

Это обстоятельство объясняется, с одной стороны, экономическими трудностями: отсутствием необходимого количества мыла, одежды, а с другой — массовым передвижением людей.

Особенностью самой вшивости являлась их инфицированность возбудителями сыпного тифа.

Но было бы совершенно неправильным утверждать, что вшивость характерна только для данного отрезка времени.

К сожалению, ни одна война, в её особенно холодном периоде, не была свободна от вшей.

Вшивость — удел военных передовых частей!

Это их бич!

Бич страшный, изнуряющий! Вшивость — спутник всякой войны!

Я не ставлю своей целью написание какого-то трактата о войне и связанных с нею лишениях. Литература по данному вопросу обширна, исчерпывает различные точки зрения.

Война — страшное зло человечества, с какой бы точки зрения она не рассматривалась: моральной, культурной, экономической и т.д.

Она — аморальна по своей природе!

Хотят ли народы разрешать возникающие противоречия войной, воевать между собой?

Нет, ни один народ, ни одна нация войны не хочет!

Во-первых, потому что любая война, кроме трагедий, разрушений, массовой гибели людей, страшных моральных страданий, культурных и экономических лишений никогда ничего другого не приносила.

Во-вторых, потому что все войны ведутся народом, за счёт его жизни и экономики. Вся тяжесть войны ложится исключительно на народ.

Почему же всё-таки он воюет?

По принуждению, в силу существующего законодательства.

Ему вручается оружие и указывается цель. Расстреливать эту цель — его обязанность, священная обязанность.

С раннего детства его психика отравляется. Мозг растлевается пропагандой в школах, кинокартинах, лекциях, печати, ему рисуют картины героизма, приучают к различным военным играм, наводняют рынок военными игрушками.

Наибольших почестей и славы достаиваются не люди науки, искусства, направляющие жизнь по пути прогресса, а военачальники и именно те из них, на совести которых наибольшее количество погубленных человеческих жизней, материальных ценностей, разрушений.

Их славят, ставят им памятники, преподносят разнообразные награды, почести. Пишутся посвящённые им романы, мемуары, трактаты и пр. Сознание людей изо дня в день специально отравляется национальной ненавистью, теориями национального превосходства. Воюющих освящают крестом, законом. Им обещают материальные земные блага после победоносной войны, царство небесное.

Малейшее отклонение от войны рассматривается как самое тяжкое преступление, карающееся самым тяжким наказанием.

Странная логика!

Вопреки здравому смыслу народ воюет, убивает друг друга, жертвует своими жизнями, своими последними материальными ценностями, нажитыми кровавым трудом.

Ради чего?

Ради удовлетворения интересов кучки аферистов, шарлатанов, авантюристов, просто жуликов.

Если бы их самих заставить принять непосредственное участие в войне, они бы были против неё!

Вопрос войны, как метод разрешения противоречий между народами в том состоянии, в каком он находится в данное время, дальше не может оставаться.

Огневая мощь неудержимо растёт, угрожая похоронить большую часть населения планеты, её культуру, ценности.

В своей ненависти друг к другу искусственно попеваемой, воюющие стороны не пренебрегают никакими средствами ведения войны. Лозунг: «Цель оправдывает средства» находит здесь широкое поле.

Сдавшиеся в плен, именно те, кто своим поступком демонстрирует отрицательное отношение к войне, расстреливаются, избиваются, подвергаются жестоким страданиям.

Человечество не может допустить свою гибель, к которой его ведут. Война должна быть запрещена окончательно и навсегда! Такова воля народа! Эта воля должна быть, наконец, реализована. Возможность такой акции вполне реальна даже сейчас, при наличии антагонистических государств, т.е. вернее — правительств.

Патологическая логика!

Человечество достигло колоссального уровня науки, техники. От фантазий оно перешло к решению практических задач освоения космоса, океанов.

Всё увеличивающееся народонаселение планеты толкает человечество искать новые продовольственные базы. Оно считает возможным в недалёкой перспективе оставление своей колыбели, Земли, и переселения на другие планеты, в глубины океанов.

У человечества много забот! Как предпосылка успеха необходимо тесное единство наций!

Международные научные совещания постоянно находят положительное решение в духе взаимного понимания и уважения. Как только на повестку ставятся чисто земные — политические вопросы, вопросы разоружения, разрешение которых диктуется реальными практическими соображениями, они наталкиваются на непреодолимые препятствия: алчность, близорукость, национальный эгоизм.

Абсурдное положение!

Народ хочет мира. Хочет так, как те, кто был непосредственным участником войны, кто на себе познал её страдания.

Казалось бы, и правовое, и моральное положение — на его стороне... Практически? Дело не продвигается! Его мнение просто игнорируется, с ним никто не считается.

Война ему навязывается, его заставляют убивать друг друга...

Гражданская война!

Условия здесь особые... Но война есть война!

Как всякая другая война, она несёт с собой не меньшие разрушения, страдания, ужасы, насилия, убийства... В ней, как ни в какой другой, воюющие стороны вооружены самым страшным оружием человека — крайней степенью ненависти. Ну, допустим, к руководителям, вдохновителям такое отношение оправдывается; при чём здесь мобилизованные солдаты? А ведь именно удар наносится по ним!

Эмоции, к сожалению, плохой советчик человека!

Порождая зло, они ведут к катастрофе бесконечной цепи зла. Это обстоятельство накладывает особый отпечаток, обуславливает чрезвычайную её жестокость, жертвами которой, как правило, являются редко ответственные лица, в основном же неповинные люди. Виновны они разве в том, что насильно призваны воевать.

Если война не должна решать противоречий между государствами, почему она должна решать вопросы социального порядка?

Почему война, а не мирные средства большинства?

Меньшинство, занимающее отрицательные позиции, обязано подчиниться большинству — инициатору революционных изменений! При таком умонастроении населения страны победа обеспечивается большинству, т.е. так как это и должно быть.

К сожалению, иногда меньшинство не только не подчиняется большинству, а наоборот, оказывает активное вооруженное сопротивление со всеми видами агрессии, террора, насилия. Несмотря на создавшуюся ситуацию, любое решение вопроса, в том числе и вооруженными средствами, обеспечивает победу большинству. Трагизм заключается в том, что каждая из сторон ищет средства своего усиления, превосходства над другой стороной за счёт мобилизации населения. Вовлекается в конфликт всё население страны.

Принцип добровольности заменяется насилем — мобилизацией.

Вопрос, который при условии надлежащего гражданского долга, самосознания, уважения прав большинства, не представил бы трудностей в решении его, выливается в высшую степень ненависти, взаимное издевательство, совершенно ненужную войну со всеми видами разрушений.

«Лес рубят, щепки летят!»

Наиболее неудачного, циничного, жестокого способа оправдания совершенно ненужной гибели людей, политических преступлений, трудно придумать!

В конце концов, страна может обойтись без тебя, меня, Ивана, Фёдора, сотен тысяч подобных им, однако же нужно

знать: человек не щепка, а сложнейший организм, возможно, неповторимый. Как можно оправдать садистические насилия над людьми каким-то сравнением со щепками, не имеющими никакого отношения к человеческим головам. Тем не менее, это так!

Война есть война!

Хотим ли мы её (есть любители ловить рыбку в мутной водичке) или не хотим, она — явление ненормальное, омерзительное, но реальное. Войны — разные! Война, вынужденная агрессией, оборонительная, вызывает сочувствие, созвучна законам, покамест оправдывается. К сожалению, существуют другие причины: массовая гибель людей по произволу, на основании разных лжетеорий, в агрессивных войнах, в связи с психопатологией так называемых вождей, ставящих себя над законами, возводящих беззаконие в закон, гибель от голода, гибель пленных, заложников и т.д.

Преступление есть преступление, трудно его спрятать — оправдать! Суд истории неумолим, суров!

Почему всё-таки так происходит?

Беда в том, что прав человек почти не имеет!

Он обременён целым рядом обязанностей... гражданского, военного, уголовного кодексов, морального, семейного, религиозного права и т.д. Личные минимальные права человека на каждом шагу ущемляются, подавляются.

Дайте эти права человеку!

Он быстро прекратит развращающую психику — военную подготовку, раскроет границы государств, уничтожит все виды оружия, распустит армии, ликвидирует штабы, всю военную промышленность, отменит всякое военное законодательство и т.д.

Да, человек зазвучит действительно гордо!

Трудности?

Отрицать нельзя, нельзя их считать непреодолимыми!

Бросьте клич, искренний, настойчивый, каждодневный! Вас услышат! Согласитесь на любой взаимный контроль!

Шпионаж?

А что, собственно, шпионить, когда отсутствуют секреты?
Мечты, утопия?

При отрицательном направлении воли, при продолжающейся мировой разобщённости, попирании прав человека — да, утопия!

Утопия, ведущая человека к гибели!

Примечание 1

«Лес рубят, щепки летят!» — выражение совершенно точно определяет положение лесоразработок в условиях технического уровня до XX века. Это обстоятельство в своё время придало ему значение пословицы. В наше время могучего технического прогресса XX века оно уже не отражает действительного положения: лес не рубят, а пилят, и щепок при этом не бывает. А если не щепки, а стружки при определённых процессах производятся — специально их прессуют, утилизируют, им находят 100% полезное применение.

Короче, выражение это устарело, нереально, утратило своё значение. Употребление его как в прямом значении, так и переносном, аллегорических целях теперь нецелесообразно, так как оно мертво, больше не отвечает требованиям пословицы.

Возьмите любую пословицу... Допустим, «утро вечера мудренее». Смысл её базируется на твёрдой, научной основе, никаких сомнений не вызывает, воспринимается как истина, не требующая доказательств. С позиций современных представлений, выражение «лес рубят, щепки летят» — нереально.

Примечание 2

Моей судьбе была уготована участь участника всех последующих войн, правда, теперь уже на ролях хирурга.

Особого внимания, понятно, заслуживает Великая Отечественная война 1941–1945 г.

Конец 1942 г. застал меня в госпитале № 1606 сначала по ту сторону Волги, против Сталинграда (теперь Волгограда), в сте-

пях Казахстана, а в январе — феврале, после знаменитой Сталинградской битвы на правом берегу, в непосредственной близости к нему, в г. Красноармейске. Жизнь солдата в боевых Сталинградских условиях определялась часами: либо смерть, либо желанное ранение. Здесь я имел возможность наблюдать военнослужащих обеих сторон — и своих, и немцев.

Завшивленность и тех и других была колоссальна: она, конечно, превосходила такую былых времён (но не инфицированную сыпным тифом), испытанную мною двумя десятками лет ранее.

*Слава в вышних Богу,
И на земле — мир,
В человецех — благоволение.*

(Лк.2:14)

Закат

Октябрь месяц белым армиям приносит неудачи: сначала теряют они Воронеж, потом Орёл, а позже, приблизительно через месяц, Курск. Начался закат.

На воронежском направлении, куда направляется основной удар Красной армии, казахи, главным образом донские части постепенно откатываются к югу, в направлении Ростов-Новочеркасск. На Украине белые части, теснимые с флангов, отходят на юг, по направлению — к Одессе, в незначительном количестве в Крым и в большей части на юго-восток, к Ростову.

Роли враждующих сторон меняются.

Вначале, задерживаясь на рубежах, части отходят неохотно, медленно, обдуманно, по-видимому, надеясь сюда возвратиться. С наступлением зимы темп отхода возрастает.

Морозным, снежным днём 7/20 ноября эскадрон метался из стороны в сторону, прикрывая отходящие части.

К ночи мороз трещал.

Судя по скрипу снега, инея, который покрывал лица и одежду всадников, морды и тела лошадей, ясного, звёздного неба и луны, окружённой светлым ободком, мороз, надо полагать, был не менее -20 градусов. Уже в сумерках, с бредом, высокой температурой, я принуждён был, с помощью, привязать

Ветерка к обозной упряжке (их было всего только три) и сесть в повозку.

Беспокоили дрожь, в сознании плыли бессвязные воспоминания родного дома, школьные события. Хотелось теплее одеться, укрыться с головой. Постепенно это состояние сменилось успокоением, безразличием, одеревенением. Вдруг показалось, что меня пробудили от какого-то страшного сна.

Предо мной был высокий забор, большие раскрываемые узорчатые ворота, окрашенные в зелёный цвет, освещаемые «летучей мышью». Старик вёл в конюшню настороженную Ветерка, разговаривая с ней успокаивающим тоном, обещая попоить и покормить.

Едва расправив одеревеневшие ноги, вошёл я в домик, чарующе-тёплый, о двух комнатах, впечатляющих своим уютом и чистотой. В «святом» углу было несколько икон, теплилась лампада. Старушка засуетилась готовить пищу. Мне было не до неё... Это был период полного безразличия к своей судьбе. Насколько возможно скоро я разделся и в состоянии опять наступающего озноба упал на перину белоснежной постели, согреваемый каким-то питьём старушки, немедленно уснул.

В пятом часу, разбуженный, седлал Ветерка, шёл на построение. Старик, насыпая овёс в торбы, какие-то давал советы. Бабушка, благословляя, совала во все карманы разнообразные пирожки, сало, расспрашивая на ходу о родных, родных местах. Старики проявили много доброты и искреннего участия ко мне. Свет ночью в домике не был погашен, старики неоднократно подходили ко мне, прислуживались. Человек, не испытывавший горечи страданий, неспособен к подобным актам сочувствия и помощи в беде.

Я не ошибся в своих предположениях. Старики в моём лице видели признаки скорого возвращения их сына, возможнодвигающегося по моим пятам.

Это был Рыльск... Как мне казалось, расположенный в котловине. Я видел его ограниченно и ночью.

Наступал Михайлин день!

День погожий, солнечный, с бодрящим морозцем... Бабушкины молитвы на этот раз оградили меня от страшного тифа. Ряд бессонных ночей, проведенных на морозе, сравнительно легко обошлись мне.

Отдохнувшая в утепленной конюшне Ветерок, сытая, напоенная тёплой водой, несла меня легко и грациозно.

Наступала пора почти безостановочного движения, с раннего утра и часто ночью.

Из одного угрожаемого участка бросались в другой и потом отходили. Питались на ходу кое-чем и как-нибудь.

Для кормления лошадей использовалась всякая возможность. Торбы постоянно были готовы предложить Ветерку овса или ячменя.

Путивль...

Этот деревянный, резной, какой-то игрушечный городок, когда-то случайно вспыхнувший, как звезда первой величины и оставивший исторический след стенаниями и горьким плачем Ярославны (жена князя Игоря) на своих стенах, встретил полной тишиной: ни людей, ни признаков вообще жизни. Так и оставил этот городок у меня впечатление исторически погребённого.

Движемся всё дальше и дальше к югу.

Юг — этот «надёжный», обжитый, мирный район! Покая, однако, не приносил. Наоборот, здесь бушевали страсти и просто бандитизм. Продолжалось сведение счетов по классовым, политическим мотивам, шла борьба между претендентами на власть, продолжались убийства просто в целях грабежа. Царил закон джунглей!

Леса, камыши плавней, глубокие балки, горы, всё, что может в какой-то степени замаскировать, кишело партизанами, зелёными, дезертирами, просто бандитами.

В украинских сёлах прятались, маскируясь под крестьян, анархические, националистические отряды разнообразных батек — Махно, Маруси, Тютюнника, Петлюры (нет им числа): чуть ли не каждый хутор имел своего батьку, готового в любую минуту на хороших упряжках-тройках вихрем вступить

в бой, конечно, при условии превосходства сил, по крайней мере, в пять раз.

Разговариваешь с миролюбивым, любезным, словоохотливым крестьянином... мгновенно он нагнулся, винтовка в руках, превратился он в зверя... Нужно было колоссальное напряжение бдительности, осторожности: каждый кустик мог стать могилой.

Квартирьеры, а их было три человека, находились буквально на пороховой бочке... А ведь впереди (вернее назад) лежал вот такой путь, по крайней мере, в 1200 километров.

А дальше?

24 декабря эскадрон находился в 12–15 километрах от Таганрога.

Таял снег, дороги совершенно «развезло».

Деревни бедные, местность унылая, почти лишённая растительности. Несколько часов «отдыхали», не расседывая лошадей, в какой-то глинистой балке. С наступлением темноты тронулись переменным аллюром, предупреждённые соблюдать максимальную осторожность и тишину, не курить. Двигаемся в направлении Ростова по дороге, несколько севернее Таганрога.

Тёмная, длинная, жуткая ночь...

В двух-трёх километрах находится какой-то таинственный, враждебный, совершенно затемнённый Таганрог.

Двигаемся ускоренным аллюром, соблюдая насколько возможно тишину. Два-три раза по команде, передаваемой кой-то, спешивались, ведя лошадей в поводу.

Так мне и осталась непонятной проявленная осторожность!

А впереди непроглядной ночи, тёмного, покрытого тучами неба, слышатся винтовочные выстрелы. По мере продвижения, стрельба усиливается, периодами залпами, создавая впечатление происходящего боя. Останавливаемся... Что-то ожидаем... Нервы напряжены до крайности! Чрезвычайно нервно ведёт себя Ветерок... Её ушные раковины в непрерывном движении. Возможно, передаётся от меня?

Мучительный фактор — неизвестность!

А ночь — зимняя, длинная!

И только когда на востоке слегка бледнеет, постепенно определяется картина...

Впереди маячат силуэты больших построек Ростова... Стрельба в городе заметно затихает... Кругом, в поле зрения, на громадной поляне, превращённой в сплошное месиво, располагаются в разных видах кавалерийские части, на расстоянии трёх-пяти километров от Ростова.

Раздаётся команда явиться квартирьерам (в их числе и мне). Приказано быстро двигаться и по дороге, опускающейся к Дону, в направлении Батайска, найти место для расположения.

Движение рысью по улицам Ростова, в предутренних сумерках, сопровождалось аккомпанементом выстрелов.

Ясно, стреляют во дворах, по-видимому, в целях создания паники. Вслед, на расстоянии полутора-двух километров, двигался эскадрон.

Так был встречен великий христианский праздник «Рождества Христова».

Праздник мира!

«На земле мир и в человецех благоволение!»

Да, действительно, между людьми мир и благая воля!

А ночью, по скользкой, совершенно разбитой, раскисшей, очень крутой дороге, с лошадьми в поводу, спускались к Дону и дальше по мосту чрез Дон — в Батайск... Навстречу 1920 году.

ЧАСТЬ VI

1920-й год

*Ой, что же ты, наш батюшка, мутнёхонек течёшь?
Ой, как же ты, наш родненький; так много слёз несёшь?
Откель наш, тихий Донушка, крови людской набрал?
Куда ж ты, наш родименький, тела людей прибрал?*

И тихо молвит Дон в ответ:

*Несу я ношу трудную, тяжёлую, кровавую,
Несу печаль, тоску... коварство, ненависть, злобу
Все виды горя, бед, войну...
Чего не видел только свет?!
И всё во мне, на тыщи лет!*

*(Переработка автором донской песни.
См. «Тихий Дон» М.Шолохова)*

Буря

А Т А Й С К ...

«Как много в этом слове для сердца...» солдата Гражданской войны!

В её истории два незабываемых пункта: Батайск и Каховка. Оба пункта близки друг другу и географически: оба расположены на южных берегах двух больших рек — Дона и Днепра. Оба находятся в низинах. Противостоящие им Ростов и Борислав расположены на противоположных — северных, возвышенных берегах и вообще на возвышенностях.

Посмотрите: Ростов расположен на правом, северном, наиболее высоком берегу Дона, отсюда открывается широкая панорама Задонья...

Батайск находится на левом — южном, пологом берегу... Со стороны каждого из населённых пунктов (и Ростова и Батайска) обозревается движение людей, транспорта по улицам их. Понятно, со стороны Ростова поле зрения ярче, шире, лучше обозреваемо.

И жизнь потекла... мрачная, безрадостная, бесперспективная...

Утро рождается, как принято в нормальных домах взаимными поздравлениями друг друга «с добрым утром!» Поздравления подкрепляются десятком-двумя артиллерийских вы-

стрелов... Ростов начинает по видимой цели, Батайск любезно отвечает. Этикет поддерживается «с добрым днём», «с добрым вечером», не всегда «покойной ночи».

И так каждый день...

Неприятно... Вначале реагировали... Потом свыклись!

Поприветствовали, позавтракали чем Бог послал и...
Опять тихо.

В тихом болоте черти водятся!

Не к добру!

Человек — удивительное животное... Равного ему нет!

Он приспособливается, привыкает к самым примитивным условиям.

Батайск — это трагедия! Это — агония!

В нём — всё, что в какой-то степени может его характеризовать как призрак или символ смерти, как что-то законченное, безнадежное, необратимое, обречённое...

Позади?

Путь, тысяча пятисоткилометровый! Путь — нечеловеческих лишений, страданий, непрерывной растраты материальных ценностей и людских кадров... Часть их в земле, часть раненых-больных, часть дезертиров, часть — пленённых... Оставшиеся морально и физически устали, ищут случая «выйти из этой истории». Они уже имеют опыт. Не видят ни личных, ни социальных перспектив!

Часть — безразличны, двигаются по течению, по инерции, считая службу своим долгом-обязанностью. Часть — фанатики, надеются «авось фортуна улыбнётся!»

Противная сторона наоборот окрепла, закалилась, уверовала в победоносный конец, резко пополнила технику и людские кадры, имеет верную, прочную базу резервов.

Фронтальная линия очень сократилась... Она теперь идёт по Дону и затем по Маньчу. 20 декабря сдан Царицын (Волгоград). Короче, контролируемая белыми армиями территория ограничена Крымом, защищаемым очень небольшим гарнизоном и собственно Кубанской областью с остатками Донской области и Ставропольской губернии. Правительство и население

Кубани настроено самостийно и даже оппозиционно, планирует возможность договора с Советской властью об образовании автономной Северо-Кавказской республики.

Положение? Отчаянное!

Середина января... Трещат морозы... Скован льдом могучий Дон...

Сколько на своём веку видел он горя, слёз, страданий?

Глубокая тёмная ночь...

Северо-восточный ветер здесь, в степи, не встречает сопротивления, бушует, гуляет на воле. Он гудит, свистит, рвёт, метёт, ревёт, хлещет мелкими льдинками по лицу, рукам, забирается за воротник лёгонькой шинели...

Завертелись, закружились снежинки, не видно зги...

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя!

Вот откуда Александр Сергеевич, вдохновлённый величием суровой, разозлившейся на людей, стихии, подобной этой ночи, лепил свои бессмертные стихи...

Эта ночь — торжество сатаны!

Только зверь, подобный изголодавшемуся волку, гонимому отчаянием, периодами — воющему в своём бессилии, изнеможении, да ведьмы, летящие на свой аморальный шабаш, способны в такую ночь находиться в движении. Всё остальное живое на земле, потрясённое сокрушительной силой природы, притихло, укрылось, прижалось к земле, предаётся, под завывающие звуки разыгравшейся метели-непогоды, глубокому, сладостному сну.

Тихо движутся эскадроны друг за другом по льду Дона... перерезаны телефонные провода. В такую погоду не только провода рвутся, столбы опрокидываются!

Сняты дозоры, разоружено охранение... Вот спящая Гниловская... без выстрела, без звука разоружён гарнизон...

Один за одним эскадроны разворачиваются, позабыв об аде непогоды, насколько возможно быстро мчатся... Всё отработано! Одни в западном направлении... За станцию Гниловскую, другие на север, третьи на восток, в Ростов... десять-двадцать километров севернее Ростова...

Ещё более ветер неистовствует, пронизывая до костей! Двигутся поезда вне подозрения, во всех направлениях. Останавливаются... Заглохли котлы... Ветер проникает во все щели вагонов... Холодно! Пассажиры жмутся друг к другу...

Ночь... Темно... «Что, в чём дело, что случилось, почему стоим?!»

Ещё пуще воет ветер... Оцеплены вагоны... Контроль.

Наконец... доходит! Убегают... бегут навстречу!

Лязг, треск, шум...

Пустынны в кромешной тьме улицы Ростова. Административные учреждения заняты... без выстрела... Разоружён гарнизон. На улицах постепенно появляются одиночные люди... Мало ли какие дела заставляют рано вставать?

Не с добра!

Закутанные, замотанные чем только можно, кроме ещё сонных глаз, бредут люди, погружённые в свои невесёлые думы...

«Послал же Господь Бог такую погодку вдобавок ко всем страданиям!»

Что, за грехи людей?

«Стой, кто, куда? Вернись!»

Всматриваются: Боже, что за наваждение!

На лицах страх, недоумение, радость!

Ускоряется шаг...

Пред утром... Мороз крепчает... Улицы всё более заполняются...

Крики, шум, выстрелы... Царит паника...

Всё живое в движении: фигуры в окнах...

Где, когда, кто?!

Бегут... в белье... Кто прячется, кто, наоборот, обнимается. Не могут найти что нужно, кого, что?..

Всё расстроено, дезорганизовано... Чума бы не смогла сделать больше...

Проклятый мир, презренный мир, ненавистный мне мир!
Торжествует сатана!

Любви между людьми противопоставлена звериная ненависть! Сплочённости людей — его разобщённость!

Миру между людьми — война на уничтожение!

Процветанию и развитию наций — кабала, их угнетение!

Свободе личности — её закабаление!

Вот когда, наконец, удалось по-настоящему заставить людей задыхаться атмосферой ненависти! Бей, кроши, ломай!

Сумерки...

Кончается короткий, зимний день...

Наконец!.. Неуверенно рвутся снаряды по Батайску... по Дону! Взрывается полуметровый лёд... Отрезать?

Поздно, не выйдет... Всё, все на месте! Небольшой крестьянский домик с сенцами, откуда ход в конюшню, коровник. Единственная комната с земляным полом, одна четверть которой занята русской печью и плитой.

Жарко!

Плита раскалена разгоревшимся углём — единственно чем богат Батайск. На полу трое детей в возрасте от двух до пяти лет, заняты какой-то незатейливой своей игрой. Хозяйка хлопчет у плиты: готовит завтрак.

Три солдата только вошли из конюшни, разделись, заняли места за столом, в ожидании завтрака — варёной в мундирах картошки, худые, с озабоченными, замучено-утомлёнными, обожжёнными морозным ветром лицами.

«Очередная авантюра, не больше!»

«Да, прогулялись неизвестно зачем?»

В сатанинскую погоду! Порядочный хозяин, пожалуй, пожалеет даже собаку выгнать со двора в такую погоду!

Пообморозились, замучили лошадей... Кости, по-видимому, не перестанут ныть всю жизнь! Заняли громадную территорию и здесь же, её бросили... Какой же практический смысл такого рейда?

Пауза... Каждый думает свою тяжёлую думу...

«А думал ли кто из нас, что жизни нам остаётся не более двух недель? Нет? А ведь это так! Посмотрите... Приготовлена петля... Осталось — затянуть!

Пехота сосредоточена вдоль Дона... А кавалерия? Собрана в кулак на Маныче. На фланге и даже в тылу у нас?! Случайно?

Нет! Планировалось всё отличнейшим образом: фланговый массивнейший удар, заход в тыл, окружение! Вот и пойдешь, узнаешь, откуда нагрянет беда...

Рассредоточиться?

Разгромят по частям! Рейд? Он смешал карты, опрокинул планы! И едва ли, по крайней мере, до весны, можно их восстановить, во-первых, во-вторых, сбита победоносная уверенность, в-третьих, нанесены потери, в частности, пленными, в-четвёртых, созданы условия моральной депрессии.

От этого, прежде всего, нужно вылечиться и потом призадуматься: а чёрт его знает, какие у этой сатаны думы на уме и наступательные возможности? Сегодня нанесён удар по северу, а завтра ему вздумается его направить на восток? Конечно, не лишены значения и ваши замечания!

И... опять потекла та же жизнь, с тем же ритмом взаимных поздравлений... Жизнь унылая, безрадостная, полная тревог, лишений.

Жизнь ли?

Но раз живы, думаем — жизнь, конечно!

Начало февраля оживилось артиллерийской дуэлью... Часто и в ночное время... Нащупывались слабые места, изматывалась нервная система... Бесперывные ночные тревоги, бессонные ночи...

Что-то назревало!

1920-й год к неисчислимым лишениям, бедствиям, страданиям людей, принёс суровую зиму... Наступал голод... Морозы, не утихая, удерживались в среднем, в пределах до 20–25 градусов. Не утихал северо-восточный ветер.

Февраль по-украински — «лютый», себя оправдал полностью. Воробьи нахотлились, забились в утеплённые места, падали, замерзая на лету.

Ночь на 17 февраля можно было назвать сатанинской, но полнолуние и ясное звёздное небо исключают её из этой группы. В эту ночь, по всей линии фронта, вдоль Дона, артиллерийская стрельба, как обычно, начатая с вечера, не прекращалась, наоборот, всё более усиливалась.

Странно, ответный огонь был довольно вялым на протяжении ночи, ранним же утром, пред рассветом, достиг колоссальной мощи, сосредотачиваясь главным образом на востоке от Ростова. Эскадроны по тревоге крупным аллюром из Батайска устремились на северо-восток. Здесь, на расстоянии 16–20 километров от него, форсировала по льду Дона кавалерия в составе не менее дивизии, устремилась, не встречая сопротивления, в юго-западном направлении, в тыл Батайской группе. Итак, решение, следовательно, принято разгромить по частям.

Пропущенная на восемь-десять километров, встреченная пехотой, остановилась.

Видя отсутствие поддержки дополнительными десантами, принуждена отходить, повернуть обратно от наседающей пехоты. Горе идущему на север, навстречу ледящему ветру, на уже утомившихся лошадях, обжигаемому лютым ветром, захватывающим дыхание морозом. Неумолимо бьёт артиллерия. Неумолимо с обеих сторон сжимаются фланги, ожидавшей и расставленной здесь кавалерии.

Наконец... Дон... Спасение!

Боже мой, лёд превращён в кашу, подёрнутую по поверхности обманной плёнкой!..

Крики, проклятья, шум, стрельба...

Пленные...

«Человек человеку — друг, брат, товарищ!»

Где же это братство, когда два соседа не могут ужиться между собой? Когда они радуются взаимному несчастью!

*Фрагмент памятника воинам Первой мировой войны
в г. Батайске.*

Где оно, если нет гарантии, идя по улице, не получить ножевой удар в живот?

Где оно, если человек боится выйти из своего дома с наступлением темноты?

Где же оно, если во взаимоотношениях людей царствуют зависть, насилие, подхалимство, предательство?

Это гомо сапиенс?

Нет, покамест ещё — зверь, лютей зверь — волк!

Только он из всех зверей не знает меры своей злобе... Убивает не столько, чтобы насытиться, а в порыве озлобленности, всё стадо...

Когда девизом человека станет настоящая любовь ко всему живому и прежде всего к себе подобным, а не лицемерие, он, да, будет гомо сапиенс... В противном случае, со своей злобой он станет могильщиком для самого себя.

Из всех дисгармоний человеческой природы самая главная, принимающая особенно яркие, драматические формы во время войн, это несоответствие между краткостью жизни человека и его потребностью жить дольше.

(И.Мечников)

К морю

Весна 1920 года на Северный Кавказ пришла рано. В первые дни марта, наконец, северо-восточный ветер, так надоевший людям, внезапно стих. В одну ночь погода совершенно изменилась: подул тёплый, юго-западный ветер, по небу поползли тучи.

Более суток лил проливной дождь. Слежавшийся, заледевший снег темнел и таял. На полях обнажились проталины земли. В балках образовались озёрца.

Потянулись на север разнообразной геометрической формой косяк за косяком, стая за стаей, перелётная дичь, гомоном своего озабоченного разговора, доносившегося на землю, призывая людей к труду, миру, дружной жизни.

Гармонируя дичи, во дворах оживилась жизнь: зачирикали, засутились исхудавшие воробьи, мычат коровы, выйдя, наконец, из своих стойл во двор, разминая затёкшие ноги, горланят обезумевшие петухи, подбирая то одну, то другую свои обмороженные ноги.

Полевые водоёмы буквально кишат утками, гусями, оседающими здесь для кратковременного отдыха.

Затрещал, загремел, взломался на Дону лёд, понёс свои замутившиеся воды с глыбами льда, трупами людей и лошадей в Азовское море.

Клубится пар над землёй!

Северо-Кавказский чернозём оттаял, вдоволь напился, взбух, как на дрожжах. Вязкая, непролазная, по колени грязь!

Станицы, хутора обезлюдели: кто в красных, кто в белых. Домоседают бабы с детьми, старики.

Старики с бледными лицами, выйдя на завалинки из душных хат, в поизносившихся, неизменных для трёх времён года колушках и вытертых валенках, озабоченно поглядывают то на небо, то на степь.

«Вясна! Давненька такой бурливой не выдали... Вятирок висёлый... Зямелька быстренька протряхнуть...

Тимоха Иваныч! Мотри. Чириз няделькю запригать, на степь потребуться... Спригатси ноне будим?»

А земля... весенняя, бескрайняя, гордая сознанием своей необходимости людям, покорная, ждёт семян, чтобы рожать хлеб.

Хлеб!..

В нём жизнь людей, их кровь. Пред ним золото склоняется... Нет хлеба, золото тускнеет, теряет силу, власть...

Небо хмурится, недовольное людскими делами.

Низко по небу плывут тучи, готовые ежеминутно опорожниться на безумные людские головы... А люди обеих враждующих сторон не имеют склонности к миру, не унимаются, готовятся к окончательной схватке. Одна сторона восстановила своё состояние, сосредотачивая на линии Мечетинская-Егорлыцкая всю свою испытанную кавалерию в составе полутора армий...

Подумать: шесть дивизий — двадцать четыре кавалерийских полка! Это не считая пехоты...

Во главе с 1-й Конной армией Будённого армада представляет грозную силу, морально крепкую, спаянную, теперь опять уверовавшую в неизбежность разгрома противника...

Другая сторона, отдавая отчёт нависшей опасности, противопоставляет измотанную, но достаточно опытную, технически сильную, свою кавалерию, готовую к самопожертвованию, вооружённую принципиальностью и отчаянием. А каких только бед не может наделать человек в критические минуты

отчаяния, теряя надежды жизни? Эту армию составляют рождённые конники Дона, отчасти Кубани и «бешеная» бригада Павлова-Барбовича.

История войн знает единицы случаев такого многотысячного скопления враждебных кавалерийских масс.

Готовились сразиться в последний раз!

Каждый нацелился уцепиться в горло другого... Как два взбесившихся волка, смотрят друг на друга кровавыми глазами, полными злобы, враги.

Бог, наказывая людей, лишает их разума.

Бог, предупреждая преступления, лишает их движения.

Непролазная грязь!

Под копытами «чавкает» грязная каша... Лошади по колени в ней, способны в большинстве только на движение шагом...

Молчит артиллерия, куда же с ней таскаться? Далеко в грязи застряла пехота...

Враги, готовые растерзать друг друга, зорко всматриваются, ищут слабые места, чтобы затем безжалостно, всей своей мощью, обрушиться на них...

Ищет эти места разведка боем...

Схватываются отдельные разъезды, отдельные небольшие части...

Вот первые жертвы, потери... Возвращаются лошади мокрые, покрыты мылом, едва передвигают ноги, с раздувающимися боками, не могут отдышаться...

А горизонт всё более и более заволакивается серой дымкой... Поле зрения с каждой секундой суживается...

Тёмные тучи клубятся, ураганно мчатся на север... Пронзительный холодный северный ветер с срывающимся снегом, с воем, со свистом рвётся навстречу тучам, на юг.

Загудело, завывло, застонало...

Деревья ломаются, вырываются с корнем, гнутся до предела из стороны в сторону...

В наступившей темноте раскалывается молнией небо на несколько частей, землю потрясают чередующиеся периоды грозы, раскаты грома...

Затуманилась видимость, хлынул проливной дождь со снегом, рвущим ветром...

Природа столкнула здесь две стихии циклонов!..

Наполеон как-то сетовал: «Если идёт дождь на голову неприятеля, к сожалению, он идёт и на нашу голову».

Природа в данном случае свои дары распределила между врагами строго равномерно...

Враги в плохой видимости теряют ориентацию, проявляют крайнюю степень осторожности, боясь попасть в западню, допустить могущую стать роковой ошибку, медленно пятятся назад...

Пятясь, белые части по инерции, уже не в состоянии обернуться на 180 градусов, они продолжают медленно двигаться на юг. Теперь уже ничто не может задержать их движения... к портам Чёрного моря... Двигаются медленно... То ли не желая терять престиж, то ли, возможно, распутица вынуждает их к этому...

По-видимому, диктуют и тактические соображения: пропускаются остатки пехотных Марковских, Дроздовских, Корниловских полков, пропускаются обозы, беженцы.

Части Красной армии медленно продвигаются за ними.

Вот медленно, на быках движутся... кибитки калмыков...

Им нет конца... Сто, пятьсот, тысяча, тысячи... с детьми, с домашним скарбом...

Создаётся впечатление: вся Калмыкия села в кибитки!

Куда, зачем?

Поток беженцев, белых частей неудержимо, безостановочно катится по грязным ухабинным дорогам к морю...

На лицах беженцев озабоченность, беспокойство, страх...

Блуждающие взгляды ищут помощи, участия, наконец, простого успокоения: не волнуйтесь, успеете!

Притихли дети...

Губы матерей шевелятся, произносят слова молитвы: «Чем острее горе, тем ближе Бог!»

Чудо, только чудо!

Вот и арьбергартные эскадроны белых с подвязанными хвостами лошадей, обляпанные грязью с ног до головы, их обгоняют.

Скрипят телеги, выбились из сил лошади, быки по кошмарным дорогам...

Позади... мертвое поле: ни белых, ни красных...

А ещё немного... разъезды тех, кого боятся, от кого убегают...

Что гонит этих несчастных с родных, насиженных мест?

«Что день грядущий им готовит?»

Пропаганда, паника, страх, неизвестность?

Уже завтра некоторые из них принуждены будут повернуть обратно... Пройдёт время... Сотрётся острота переживаний, возможно восстановятся материальные потери... Но... от психической травмы, даже при условии отсутствия какого-либо насилия, им не оправиться никогда!

Какой же страшный продукт войны — беженцы, гонимые голодом и страхом, порождающих ненависть!

Мечетка — Егорлык!

Лебединая песня Деникина... Старик здесь, по-видимому, понял всю бесцельность, вредность, преступность сопротивления большинству. С его именем связана одна из мрачных страниц истории России...

Если бы даже Мечетка-Егорлык стали свидетелями его победы, а такая возможность при существующем составе боевых сил и нервно-психической настроенности не могла быть исключенной...

Посудите!

Кому интересно рисковать жизнью, когда он приблизился к своей цели, когда он уже дома, когда время работает на него, а в руках осязается победа?

Напомню: село Мартыновское, расположенное здесь рядом, за Доном — родина Будённого и место организации его первых кавалерийских соединений...

С другой стороны, что остаётся делать людям, теряющим право на жизнь, кроме безумной борьбы за неё... С удесятерённой силой?

Но...

Если бы даже была получена теперь, сегодня победа... всё равно, следующий, ближайший рубеж завтра стал бы его

страшным поражением: есть предел человеческому самопожертвованию, терпению, выносливости, есть граница возможностей меньшинства!

Провидению было угодно поступить по-своему...

Новороссийск!

Новороссийск — символ ада, этап новых страданий!

Улицы, дома, порт, садики, скверы, школы, клубы, пришкольные, прицерковные дворы, площадки — всё забито: люди, вещи, скот, вооружение, обозы, всё смешалось... Душераздирающие крики, шум, лязг, тревожные гудки, стрельба — потрясающий порт!

Ссоры с администрацией, ссоры между собой, грязь, антисанитария. Родители теряют детей, дети — родителей...

Вещи грузятся на один пароход, люди — на другой.

Капитан кричит: «Перегружен, потонем!»

Пропадают вещи... то ли из-за хаоса, свалки, неорганизованности, то ли хищений...

Бродят исхудавшие, с запавшими боками, голодные, непоеные лошади... Лошадей выводят на мол, стреляют, опрокидывают в море... Вход на пароходы захватывается с боя...

Царит полная анархия...

Лезут, опрокидывают друг друга, топчут, падают с трапов в море, шумят, кричат, кланут...

Царствует паника...

Она усиливается до психоза при возникновении слухов о появлении частей Красной армии на окраинах города.

Люди, потеряв надежду на выезд, ищут хотя бы какое-либо пристанище, чтобы не очутиться на улице «один на один», с глазу на глаз с неприятелем, стоя на коленях (особенно женщины) предлагают деньги, ценности — продукты своего труда.

И только калмыки, разделившиеся ещё у Тихорецкой по нескольким направлениям (на Владикавказ, Новороссийск, Грозный, Махачкалу), не слезая с кибиток, флегматично, посасывая трубки, презрительно всматриваются чрез узкие щели своих век, остаются верные своему стоицизму:

море они не знают, едут туда, куда ведут их дороги земные, откуда они есть.

Принимая поздравления в день своей коронации и, к удивлению, от калмыков, которые одновременно привели в дар серой масти в яблоках донского рысака-жеребца, взлелеянного в диких — вольных, ковыльных — задонских степях, в уздечке с тройными серебряно-позолоченными мундштуками и седлом, отделанным теснённым серебром, Николай 2-й, делая свой первый монарший жест: даруя им потомственное казачество, оставил за ними громадную область девственной земли (от станицы Великокняжеской, ныне Пролетарской, до г. Астрахани, от Царицына, ныне Волгоград, до Ногайской степи). Калмыки стали наиболее зажиточными казаками Донской области.

Кажется, это единственный случай широкого жеста в его деятельности.

Положение же в Новороссийске усложняется: ограниченность транспорта, нежелание покидать родные места, вынуждает принимать непредвиденные решения:

а) одни уходят в горы, в лес, на положение «зелёных». Так поступают в основном кубанцы (те из них, кто не ушёл домой ранее).

б) Основная группа донцов отправляется вдоль побережья, голодной дорогой, в сторону Грузии — Турции. С ними калмыки.

в) Погрузившиеся на пароходы организованно, с вооружением, конским составом, холодные, голодные, без одежды, средств направляются за границу через Босфор — Дарданеллы.

г) Часть пароходов направляется в Болгарию.

д) Несколько тысяч военнослужащих разных положений и званий, деморализованных, окончательно потерявших веру в ценность лозунгов, которым служили, больных, раненых остались в Новороссийске на положении добровольно сдающихся победителю.

Под аккомпанемент артиллерийских взрывов к востоку и северо-востоку от города, артиллерийских залпов, стоящих

на рейде двух миноносцев и других судов в 23 часа 25 марта, под усиленной охраной, началась спешная погрузка одного из последних пароходов — «Виолетта». Нервничавший капитан, неоднократно подходя к трапу, призывает к благоразумию, не перегружать.

Наконец, после ссор, крика, пароход отшвартовывается, выходит на рейд, набирает пары, продолжая утрясать людей и грузы. Основная масса людей сосредотачивается на палубе. О сне вообще перестали думать: сон стоя, сидя в течение 15–20 минут, это уже отлично!

На рассвете пароход разворачивается, даёт прощальные гудки, медленно, постепенно, нехотя, берёт курс на юг, оставляя след пенящейся воды, клубы чёрного дыма.

Стихают разговоры... Взоры всех, полные печали и раздумья, приковываются всё более и более к удаляющимся родным берегам.

О чём думают эти люди?

Суждено ли им когда-либо возвратиться к родным местам?
Бог ведает!

Неподалеку стоящий унтер-офицер с красными воспалёнными глазами, не обращая ни к кому, в раздумье, как он, убеждая себя, тихо говорит: «А оно, пожалуй, умирать на родной земле легче, да и удобнее!» В трюме, в обществе лошадей, просторней... Многие из них грызут доски бортов.

На палубе, где негде приткнуться, идут оживлённые беседы: проектируются расселения в Африке, Франции, Болгарии, Чехословакии, составляются компании, намечаются планы занятости и т. д.

На голубом, безоблачном небе сияет ласковое солнце...

Море отвечает ему полным очарования штилем.

Утром, на горизонте, в дымке юга, показывается мраморно-белый Константинополь — мечта России! Группа пароходов, на расстоянии 2-х — 3-х километров и крутившихся нескольких катеров мягко покачиваются, что-то ожидая.

Новороссийск... живёт новой жизнью... в лихорадке, в состоянии нервно-психического напряжения...

Неизвестность угнетает, раздражает, беспокоит, настораживает...

Пленные... с блуждающе-беспокойными лицами... Их строят, сортируют, распределяют по группам, куда-то отводят...

Пленные... одно из уродливых явлений войны...

У них можно отобрать «ценности», снять лучшие предметы одежды, можно расстрелять по выбору: то ли потому, что он красив, как Аполлон, или, наоборот, безобразен, потому ли, что носит очки на интеллигентной физиономии или имеет просто выступающий живот...

Пленные — тихи, смирны, голодны, покорны, безличны, морально депрессированы, душевно опустошены, дрожат нервной дрожью. Морально, физически доведены до крайности, до крайней степени безличности... Униженных, оскорблённых, доведённых до отчаяния, некоторую из них группу спрашивают...

«Служить?»

«Ну, конечно! Какой разговор! Будем... все... добровольно! К этому стремились, давно хотели!»

Пленные...

В межгосударственных войнах ограждены правовыми положениями Женевской конвенции, которые, к несчастью, некоторыми государствами плохо выполняются... Но всё же! Пленные гражданской войны — обречены на милость победителя: законы для них не писаны... Им же предъявляется, прежде всего, уголовная и политическая ответственность!

За что же?

За то, что они мобилизованы, за то, что под угрозой насилия они принуждены проходить военную службу?

Теперь они являются политическими фигурами, козлами отпущения, предметами ненависти и мести.

Чем же люди двадцатого века отличаются от своих праотцов каменного века? Те убивали пленных в ритуально-культовом экстазе. Гомо сапиенс убивает хладнокровно, эгоистично, трусливо, злобно, ненавистно, предварительно опустошив свою жертву морально и физически.

«Кто не с нами, тот против нас!»

Формула оправдания найдена!

Согласны?

Но согласитесь же и вы: в основу формулы должен быть положен принцип добровольности, а не мобилизации!

На одном из миноносцев идёт затянувшееся бурное обсуждение судебных «белого движения».

Наконец, Деникин сдаёт, Врангель принимает «полномочия правителя России»: запоздавший приказ телеграфно оповещает мир: «Всем, всем!» Он же возвращает часть пароходов, ещё не успевших войти в горло Босфора и... направляет их в Крым...

Весть о возвращении в Крым встречается криками: «УРА».

Что это: выражение действительно искренней радости, что «удобней умирать на своей земле» или формальная дань приказу, или реальной надежде на успешный кровавый реванш?

Забыты Африка, Франция, мгновенно распались компании...

Оживлённый разговор принимает русскую тональность.

Под длительные гудки, все пароходы разворачиваются на 180 градусов, направляются на север...

Внимание мира опять приковывается к России, к этому маленькому клочку её земли — Крыму... у одних с надеждой на возможность спекуляции, обогащения на людском горе, у других — с сожалением напрасной гибели людей... Культ насилия начинает ещё одну кровавую — Крымскую авантюру... с перспективой гибели ещё нескольких тысяч молодых жизней... Их судьба, трагедия последних дней их жизни будут здесь похоронены... Суждено ли стать им когда-нибудь достоянием истории близких им людей?

Крошечный Крым противопоставляется громадине России?! 20–30 тысяч солдат, наскоро скроенных в десяток некомплектных дивизий, нарочито, для психического воздействия, названных Русской армией... противопоставляются многомиллионной Красной армии?

Где политическая, экономическая основа?

Где база резервов?

Где здравый смысл?

Авось?

Фортуна?

Эмоции, к сожалению, плохой помощник в делах, тем более — плохой в политике.

ЧАСТЬ VII

К Р Ы М

Нютая зима 1920 года медленно, со злобой, не желая, по-видимому, сразу, по календарным людским расчетам, уступать свои права весне, продолжала усложнять и без того тяжелые испытания людей.

Весна, казалось бы, наступившая рано, никак не могла утвердиться, прочно занять своё место. Продолжали чередоваться периоды потепления, сменяющиеся резкими неожиданными похолоданиями.

Вот, наконец, солнце согревает своими лучами землю... ясное голубое небо... Энергично раздаётся весеннее пение зяблика... Скворцы, сидя высоко на деревьях, изредка посвистывают, навещают свои домики...

Кажется, наконец, зима побеждена!

И... вдруг, резко меняется погода: подул холодный ветер, дождь сменяется снегом, поползли по небу тучи... Хмуро! Часто в течение суток несколько раз, до странности, невероятности, меняется погода.

Люди, особенно городов, утомлённые, истерзанные непрерывно наслаивающимися событиями ряда лет, начиная с 1914 года, с начала 1-й мировой войны, с нетерпением ждут какой-то нормализации положения, ну хотя бы временного покоя — передышки от непрерывной, всё усложняющейся гражданской войны, непрерывной смены властей, часто неизвестно что несущей, кого, что представляющей...

Жизнь всё более изобилует политическими, полными коварства, интригами, аферами, шарлатанством, реквизициями, контрибуциями. Практикуются часто случаи засылки в населённые пункты группы лиц, переодетых в форму неприятеля, в порядке, конечно, разведки, с целью получения информации.

Жители, нравятся им прибывшие или нет (по их политическим планам, учитывая их форму, как носительницу определённых идей), встречают их насколько возможно гостеприимно... по принципу: «отойди от зла, сотвори благо».

Другого выхода у них нет...

Расквартировываются... Предлагается пища... Начинается обмен мнениями, провоцируется диалог...

Не подозревая каверзы, высказываются иногда недостаточно осторожные выражения, мысли и даже проявляются симпатии в их адрес... Часто это делается в порядке подхалимажа, неискренне, вместо того, чтобы изображать из себя дурачка в роде «непомнящего Ивана», не разбирающегося в политических вопросах идиота — кстати, самой выгодной в таких вопросах тактики...

«Аудиенция» заканчивается... «Гости» уезжают... В ближайшие дни они вновь появляются — занимают этот пункт теперь уже в своей настоящей форме.

Кое-кто из любезных жителей, позабывших простую — старую истину «держать язык за зубами», памятуя, что «молчание — золото», бесследно, навсегда исчезают.

Доказывай, что ты не верблюд!

Вот почему смена власти встречается с крайней степенью осторожности, выработанной горьким опытом...

Люди буквально во всём нуждаются... Нет промтоваров, одежды, обуви, отсутствуют мыло, уголь, дрова, бумага, гвозди, строительный материал, медикаменты, большие ограничения в продуктах питания, особенно в хлебе... Ничего нет! Государственная торговля отсутствует, частная — прекратила существование...

Царствует спекуляция...

Так хочется мира, хлеба, тепла! На большее покамест человек не претендует...

Вот и март на исходе, а зима продолжает огрызаться... Пронизывающий холодный ветер... Солнце выскочит из-за облаков, осветит тёплыми лучами землю, вдохнёт импульс жизни и опять спрячется за облаками...

Море до этого ласковое, покойное, напевающее какой-то рокочущий мотив, темнеет, покрывается барашками... Усиливается шум прибоя... Штиль сменяется нарастающим штормом...

Феодосийский порт выглядит мрачным, нелюдимым. Его вокзал, расположенный фронтом к морю, построенный из местного белого камня — известняка, давно утратил белизну своих стен, по-видимому, несколько лет не чувствовал на себе кисть маляра.

Грязно, уныло, безлюдно!

По всей территории разбросаны охапки соломы, сена, кучки конского навоза, окурки, отбросы пищи, предметы разнообразной утвари.

Вокзал заполнен военными служащими какого-то воинского соединения, нашедшего себе в нём временный приют, в ожидании своего назначения. Здесь царит сон — великий компенсаторный фактор!

Заняты все столы, скамьи, пол... Все спят... устал народ... Да и что радостное их ожидает завтра?

У причала порта разгружается прибывший на рассвете пароход «Виолетта»... По трапу торопливо сходят солдаты с немывыми, утомлёнными физиономиями... Среди пассажиров немало гражданских лиц — детей, женщин, мужчин, навьюченных чемоданами, коробками, мешками...

Из трюмов краном в клетках выгружают имущество, лошадей. Они осунулись, по-видимому, также переболели морской болезнью, отоцали от голодных суток. Боязливо озираясь на морскую под ними бездну, некоторые из них дрожат, приседают на задние ноги, переживают состояние нервного напряжения.

Несколько солдат успели почистить, напоить жёсткой, плохого качества, водой своих лошадей, к которой они жадно тянулись, быстро потом отворачивались от неё. Лошадей призывали к коновязи, искали для них каких-нибудь объедков сена.

Часть солдат расположилась на порожках у входа в вокзал, под защиту его стен от холодного ветра.

«Слава Аллаху, успели своевременно пришвартоваться!»

Да, заштормило! Невесёлую историю смог бы он с нами сыграть при таком перегрузе! Всё-таки везёт!

«Эх, братцы, а у меня что-то заиграло в животе... Не мешало бы что-то бросить туда!»

Конногвардейцы вели беседу о погоде, перспективах, кормлении лошадей, предстоящей дислокации. «А что с тобой? Потемнел, кутаешься, замёрз что ли?»

«Что-то сегодня познабливает... Не могу сосредоточиться... Мысли летят... Голова раскалывается, как будто бы свинцом налита... От бессонницы, что ли? Не пойму, что такое! Места эти мне знакомы... Вызывают они какое-то тоскливое чувство... Может быть для степной части Крыма, бедной растительностью, такое состояние оправдывается... Но даже красоты побережья, эти горделивые кипарисы, вызывающие справедливо чувство восхищения, воспринимаются с какими-то наслоениями... Всё это, действительно, красиво, но на фоне какой-то тоски... Это состояние меня не покидает... Почему, в чём дело? То ли этот белый камень строений, сейчас напоминающий загнившую брынзу или обилие сычей, наводящих тоску своим заунывным мяуканьем, внезапно сменяющимся хохотом?

А может — предчувствие какой-то беды?

Жил я здесь в русских селениях, степных татарских аулах, наиболее зажиточных немецких колониях, освободиться от угнетённости не мог».

Днём эскадрон расположился в немецко-русском селении, вблизи Феодосии...

В сумерках, с угнетённым состоянием, при наличии сильнейшего озноба, температуры выше 40 градусов, а главное —

внезапно сильного носового кровотечения, я был госпитализирован в доме Айвазовского, временно занятом под госпиталь.

Сыпной тиф... или, как его наиболее удачно называют в народе — головной тиф... Бич 1918–1920 годов.

Вот когда, наконец, он поймал меня...

Если заболевание им было неизбежно, а я предчувствовал это, для этого были все основания, то, собственно, здесь это было наиболее удачно как по месту, так и по времени... Случись это ранее, судьба бы уготовила мне где-то на обширных просторах страны в лучшем случае барак без элементарной медицинской помощи, с мрачной, перспективой, безвестной, беспризорной смертью.

Страшное заболевание — сыпной тиф!

Самое страшное из группы тифов! Потеря сознания, утрата памяти событий, высокий процент смертности, осложнений, длительные психические отклонения, медленное восстановление сил, памяти — таков краткий комплекс трёх-четырёхнедельной горячки...

Страна лежала в тифе...

Массовость заболеваний, чрезвычайно бедный коечный фонд инфекционных больниц, бедность страны медицинскими кадрами — всё это создавало тяжелейшую обстановку, тем более на фоне гражданской войны и хозяйственной разрухи...

В средних числах апреля температура у меня нормализовалась, возвратилось сознание, начала восстанавливаться память, начал учиться ходить... Короче, наступила пора выздоровления.

А ещё через неделю, вынужденный обстоятельствами, заседлал и сел (правда, с подставки) на Ветерка. Ноги плохо удерживали, но тренировка была нужна...

Изменилась и Ветерок: похудела, отвыкла от хозяина, утратила свою жизнерадостность, частично привычки... Не от доброй конечно, жизни!

Вместо того, чтобы находиться «в заводе», как это полагается, она эксплуатировалась, возможно, в большей степени и, конечно, разными лицами... Её задёржали, переутоми-

ли! Ближайшей моей задачей было: вернуть ей её оптимизм и работоспособность... В распоряжении были 7–10 дней.

Наконец, весна вступила в свои права!

Тёплый и сухой апрель, пришедший на смену коварному марту, своим непостоянством портившему настроение людям, вдохнул стимул жизни...

Одной бедой стало меньше!

С другой стороны, интенсивные занятия, реорганизация, передислокация, приближение воинских соединений к Перекопу — всё это настораживало... Хотелось покоя, мира, но развязывания военных действий нужно было ожидать. По логике обстоятельств оно было неизбежным: перспектива запереться навечно в Крыму, не вязалась ни с каким здравым смыслом.

Командование, анализируя положение, внешнеполитическую и внутреннюю обстановку, отдавало отчёт в необходимости скорейшего изменения своего состояния, скорейшего выхода из состояния застоя, изоляции.

Подобная тактика диктовалась рядом обстоятельств:

а) Крым не может обеспечить не только условий войны отсутствием резерва кадров (людских, конских), отсутствием необходимой промышленности, но прежде всего отсутствием необходимого количества питания, продуктов первой необходимости.

б) Пребывание в Крыму не может продолжаться длительно. Такая тенденция равносильна прежде всего политической смерти, а затем, как следствие, физической гибели.

в) Надежда на снабжение, в порядке «бескорыстной» помощи — проблематична. Франция и Англия в ограниченных количествах её ещё продолжают оказывать, дают кое-что из оружия, оказавшегося непригодным для собственных нужд, но час её полного прекращения близок.

Каждая страна после изнурительной 1-й Мировой войны 1914–1916 гг., а тем более её участница, занималась своими делами и заботами, а их накопилось — полный рот. Кому интересно идти на риск расходов, не видя гарантий не только прибыли, но их возвращения?

Четвёртый год русской революции, четвёртый год разнообразной помощи!

В конце концов, сколько же можно?

Где гарантия, что в дальнейшем эта помощь снаряжением, обмундированием, боевой техникой и т.д. не окажется опять в руках противника, не станет его боевым трофеем?

«Каждый народ заслуживает своей участи!» (Пуанкаре). Наконец, какое мне дело до русской гражданской войны? Им хочется драться между собой? Мы омываем руки, приступим к своим делам!

Крым — это только кратковременный плацдарм для реорганизации, для подготовки к военным действиям! Акция выхода из Крыма, расширение плацдарма — это жизненная необходимость, задача бытия: быть или не быть?!

Обстановка к этому времени складывалась довольно благоприятно:

а) Активные военные действия со стороны Красной армии — стихли. На фронте наступило затишье.

б) Внимание командования Красной армии, её основные силы прикованы к войне с Польшей. Здесь создалось щекотливое положение после ряда поражений. Перспектива всё большего вовлечения в войну, при условиях, что на стороне Польши Франция, не предвещала хорошего, а тем более, когда на хвосте висит Крым.

Не воспользоваться сложившейся ситуацией, промедлить — равносильно, с точки зрения Врангеля, преступлению.

5 мая Белой армией осуществляется наступление, вошедшее в историю под наименованием — «Львиный прыжок».

Кавалерия вырвалась из Крыма, не вступая с противником в бой, обходя его, полным аллюром движется к Днепру. Выйдя к нему, опираясь флангом на него, оставляя слабые заслоны, продолжает стремительное движение к северу, в направлении Каховки и выше. Пехота движется в центре, к Мелитополю. Донская кавалерия ломает сопротивление, двигаясь вдоль Азовского моря, имеет те же задачи. Окружённые,

деморализованные внезапностью части противника, дошедшие до изнеможения, сдаются.

В несколько дней Белая армия захватывает громадную территорию, превышающую исходную в 2,5–3 раза.

Внезапный наступательный порыв с незначительными потерями, прорывы обороны противника достигают больших успехов:

а) захватываются основные районы, наиболее урожайных Запорожья, Херсонщины, Таврии;

б) захватываются большие трофеи продовольствия, оружия, фуража, боевой техники, боепитания, подвижного железнодорожного состава, несколько тысяч пленных, которыми немедленно укомплектовываются пехотные части.

Да, конечно, определённый успех!

Но... Тактический успех! Разве разрешает в какой-то степени он поставленную цель?

Нужны сотни подобных акций!

Но... да, для 80–90-тысячной, наскоро скроенной армии, по существу 5-ти дивизий?

Конечно, чудо!

Командование отдаёт отчёт ряду обстоятельств, понимает свою слабость для наступательных операций, но не менее ясно понимает: промедление смерти подобно!

В подобном состоянии оно не может строить расчеты на пассивности и даже на логических выкладках. Нужно спешить!

Так что же, расчеты на авось, везение, авантюры?

Авось и на этот раз удастся?

Положим, смелость города берёт!

А фронт ещё более ослаб его расширением, снятием с него некоторых частей. Спешно готовятся две морские десантные операции и одна... в форме кавалерийского рейда в тыл:

а) на Таманский полуостров с целью молниеносного его захвата. Операция поручается юнкерскому, военному училищу (по существу — детям) с его командованием.

б) в Приморско-Ахтарскую станицу. Поручается Кубанской дивизии во главе с генералом Улагай. *Смотри примечание 1.*

Пред обеими группировками ставится задача: захватить и укрепить плацдармы и маршем, навстречу друг другу, двигаться на Екатеринодар, пополняя на ходу свои ряды добровольцами и мобилизованными кадрами, замкнуть здесь мешок. Донскому полку поручается рейд на Дон: поднять там восстание.

Смелые, полные отчаяния, задачи!

Безумству храбрых поём мы песню!

Ценой нечеловеческих усилий, голодные, обливаясь от августовской жары потом, при полной боевой укладке, без сна, без смены, непрерывно под огнём, преодолевая всё усиливающееся сопротивление, истекая кровью, обе группировки, но особенно первая, жертвуя своими жизнями, молниеносным ударом развивают колоссальный, наступательный порыв. Захватывается почти весь Таманский полуостров... Виднеется Темрюк — основной узел сопротивления, командный пункт... Ещё бы чуть-чуть... немного продвинуться к реке Кубани... к плавням... Немного усилий, чтобы сухопутный путь входа в полуостров закрыть...

Кубанские части, преодолевая сопротивление, спешно продвигались вперёд, в соответствии с планом... Тимашевская... Почти у цели... Чувствуется близость Екатеринодара... Но... Расчёты на пополнение не оправдываются... Народ от мобилизации уклоняется, прячется, не хочет подвергать риску себя, членов своих семей, хозяйство... Боится конфискации, репрессий...

Количество добровольцев неподвижно мало, далеко не покрывает растущие потери...

А в тоже время, звучит набат по населённым пунктам Кубани, Дона, Ставрополя, Кавказа... Митинги зовут к сопротивлению...

Срочно стягиваются силы, растёт сопротивление, перерастает в контрудар...

Порывы юго-западного ветра обнажают Голубицкий перешеек, сушат плавни, уничтожая камыши, бушует огонь.

Превосходящие во много раз силы преграждают путь, заставляют части десантников отступать, а затем — бежать. Покрылись поля полуострова трупами...

Казачи Кубанского полка частично бесславно погибают на своих землях, частично вынужденные обстоятельствами и по собственному желанию, отчаявшись, укрываются в плавнях, ставя себя в положение зверей, подвергающихся непрерывной охоте. Нашли здесь свою смерть многие 16–17-летние юнкера. Умирали как самураи, с мыслями выполненного высокого своего долга перед Богом, Родиной, честью. Умирали безропотно, принося без сожаления в жертву свои жизни, искренно веря найти награду за гробом.

«Не многие вернулись с поля,
не будь на то Господня воля!»...

А эта воля стала отрицательной, отвернулась...

Десантные операции закончились...

Закончились бесславно, никому не принеся пользы, подорвав и без того ограниченные собственные силы, символизируя катастрофический финал.

С другой стороны, кто может гарантировать не повторение подобных десантных или каких-либо других безумных операций?

Укрепляется Кавказское побережье Азовского и Черного морей, усиливаются гарнизоны её населённых пунктов.

Мало ли ещё что вздумается этому барону?

Командование Красной армии, воодушевлённое победой над десантными частями, удовлетворённое развитием своих дел, укреплением положения, заключением мира с Польшей, строит планы полной ликвидации Врангелевской армии, названной им — Русской. Задача ликвидации поручается Фрунзе.

Фронт пополняется одной из наиболее боеспособных — 6-й армией Блюхера.

Боевые действия по всему Крымскому фронту усиливаются, всё более и более интенсифицируются. Особую остроту они приобретают у Каховки.

После многодневных, с переменным успехом боёв, частям Красной армии удаётся осуществить бросок чрез Днепр и создать плацдарм у Каховки.

Замысел понятен: готовится операция выхода в тыл... Принимаются интенсивные меры к его уничтожению... Наступательные цепи, как волны, пытаются уничтожить плацдарм и, как у волнореза, разбиваются, стихают. Артиллерия, как кажется, стирает всё с лица земли... Танки, впервые применённые, дают живую силу...

Нет, безуспешно!

Напрасны всё новые незаменимые потери!

Врангель, наконец, решает одним ударом выполнить сразу — одновременно, три оперативные задачи: собрать всю кавалерию у Каменки, переправить её на правый берег Днепра, захватить Никополь, осуществить рейд к западу, имея целью:

а) выход к Киеву, соединение с Польской армией;

б) окружение группы войск, дислоцированных в южной Украине, в частности, у Борислава;

в) ликвидацию Каховского плацдарма.

Бодливой корове Бог рог не даёт!

План — не лишён смысла, но кто выполнять его будет? Рейдовая кавалерийская дивизия, издёрганная перебросками из одного угрожаемого участка в другой?

И только?

Но... Жребий брошен!

Переправа удаётся безукоризненно. Прикрываясь октябрьским туманом, разворачиваются части по своим плановым направлениям... Наступление в первые сутки успешно развивается... Пехота противника бежит, оставляя боевую технику, снаряды и другие трофеи...

Ко второму дню наступление захлёбывается: жиденькие разъезды останавливают массивные кавалерийские группы противника, во много раз превосходящие... Основной удар

противника направляется по переправам, явно ставя целью отрезать от переправы, захватить её.

Откуда?

Не сработала разведка или ею пренебрегли?

В чём дело?

Война с Польшей, оказывается, закончилась... Оформляется мир... 1-я Конная армия спешно переброшена на Крымский фронт...

Давление на фланги усиливается... Избегая окружения, темп отступления ускоряется, приобретает характер бегства.

Ой, Днипро, Днипро!

Потери... И опять потери... Снижение морального состояния, крайняя степень переутомления...

Упорные, не ослабевающие, по всему фронту бои, принявшие тотальный характер... Повсюду оказывается давление... Ни днём, ни ночью не прекращаются бои... И только в южной части Днепра, у Каховского плацдарма зловещая перестрелка... Инициатива целиком на стороне противника. Кажется, на этот раз не думает он предоставить передышку.

Фронт? Наше сознание представляет его как расположение солдат по горизонтальной линии и друг против друга... Нет, такого фронта не существовало! Он выражался в скоплении большей или меньшей группы войск у населённых пунктов или железнодорожных станций. Вот и беда: во время боевых действий — маневров они страдали прежде всего.

Вторая послерейдовая половина октября принесла раннее похолодание — непрерывный дождь. Ещё прибавилась неприятность. На окружающих, за небольшим исключением, чувствовалась угнетённость, настороженность, напряжённость. То ли дождливая холодная погода, чуть ли не сразу поблёкшая природа, возможно просачивающиеся невесёлые новости неудачных операций других участков, наконец, сама осенняя пора, уже давшая о себе знать — всё это являлось причиной невесёлых дум.

Северный фронт отступил на позиции: Каховка-Такмак, а затем — Мелитополь, сократив его протяжённость не столь-

ко под давлением действительно во много раз превосходящих сил, сколько посматривая в сторону Каховки: неспроста выдвинутого вперед, укрепленного плацдарма, нацелившегося на тылы.

И опять потери, как вообще при всяком отступлении... И всё-таки, противной стороне была бы желательна стабильность северного фронта... Её расчёты базировались на Каховке: здесь был сосредоточен мощный кавалерийский кулак, готовый немедленно, по приказу командования, ринуться на тылы врага.

Понимая свои просчёты при таком — явном превосходстве в соотношении сил сторон в свою пользу, отдавая отчёт о своём промедлении, видя ускользающую армию к югу, возможность ухода её за Перекоп, командование решается предупредить такую операцию немедленным прорывом фронтов и здесь, на широких степных просторах, окружить и уничтожить её, на виду, можно сказать, у Перекопа и Сивашей.

Велико желание, но ведь этого ещё мало?!

Отдельным кавалерийским соединениям удалось прорвать и расстроить порядки противника некоторых частей, основная же часть армии (вернее, остатки её) ушла, отбиваясь, в Крым. По Арбатской стрелке, после выполнения задачи прикрытия отступающей пехоты, по ухабинам и рытвинам, невидимой никогда мною — подобной «дороги», покрытой лозняком, проследовали кавалерийские части в Крым.

Теперь опять фронт сосредоточился вдоль Перекопа и Сивашей. Неоднократные попытки лобовыми атаками сразу, сходу захватить Турецкий вал, прорваться чрез Перекоп, заканчивались тяжёлыми потерями...

Крепкий орешек!

Пожалуй, за этим орешком можно и перезимовать?!

А там уж — что Бог даст!?

И тем не менее обстановка за Перекопом — мрачная, «тяжёлую думу наводит она».

Турецкий вал, высотой в 5–6 метров земли, с оборудованными в нём бойницами, гнёздами, блиндажами, отделяет Крым

от граничащей с ним Херсонской земли (ранее называвшейся Таврией, т.к. Херсонская губерния не переходила за Днепр). Кпереди от вала — ров, заполненный морской водой, шириной и глубиной до 4-х метров. А ещё кпереди — трёхрядные проволочные заграждения.

У дороги, при переезде из Крыма по одну сторону располагается Армянск — «город», состоящий из 3-х разбитых нежилых домиков, по другую сторону — Перекоп — «город», состоящий из 4-х разбитых домиков. В них также никто не проживает: они мёртвые! Возможно, сотни лет назад они были нужны: здесь, по-видимому, шла бойкая торговля между скифами и крымчаками, чаще шли здесь бои: земля обильно поливалась кровью!

Кругом равнинная степь!

Безоблачное, бледно-голубое небо, с изредка парящими копчиками, зорко высматривающими осторожных сусликов-мышей...

Вот два немых свидетеля истории человеческих отношений, наглядная их иллюстрация!

Здесь они убивали друг друга за веру — чья лучше, за землю, за право на жизнь...

Современники повторяют старую историю...

«Коля, так что, на зимние квартиры?»

«Дни, как видишь, поубавились, холодновато, дал бы Бог!»

А, действительно, в первых числах ноября резко похолодало: поползли по небу тёмные — свинцовые тучи, разрешившиеся нудным дождём... Западный ветер крепчал, переходил в шторм... Подмораживало, в воздухе замелькали белые мушки...

Командование Крыма продолжало укреплять оборону Перекопа, ещё раз проверяя неприступность своих позиций, лелея надежду покойно зимовать. *Смотри Примечание 2.*

Командование Красной армии знает цену Турецкому валу, оно пристально присматривается к Сивашам: воды его угрожаются штормовым ветром в Азовское море... Сам Бог им указывает путь!

Разведка доносит всё большее обмеление Сивашей, его проходимость... Глубина озера не превышает в среднем 50 см. Надежда на его замерзание, несмотря на усиливающуюся отрицательную температуру, исключается: воды озера — типа рапных, солонее морской...

8 ноября в час ночи ветер стал затихать... Возможно обратное движение воды?..

Надо спешить! Или сейчас, или никогда!

Это ли не чудо?!

Приказываю...

Под прикрытием внезапно севшего тумана части Красной армии немедленно приступили к форсированию озера, положение чрезвычайно тяжёлое, но... Наступление было обнаружено только при занятии литовского полуострова...

Поздно!

Смотри примечание 3.

Волна за волной, не считаясь с потерями, шли войсковые соединения... Рукопашные бои развернулись сначала на Юшуньских позициях, потом — Карповой балке, в тылу Турецкого вала... Впереди открывались равнинные степи Крыма... Теперь уже ничто не могло остановить лавину Красной армии!

В соответствии с приказом, части Белой армии, вернее, её всё более тающие остатки, не спеша отходили к своим портам назначения, под охраной арьергардов.

Части Красной армии вместе с армией Махно, заключившим незадолго перед этим договор о совместных боевых действиях, медленно её преследовали, с осторожностью прощупывая впереди разведкой обстановку, ещё не веря в потерю её боеспособности, одновременно подозрительно присматриваясь друг к другу... Каждый про себя думал тяжёлую думу: как бы это здесь, пользуясь Крымским капканом, незаметно захлопнуть Перекопские выходы и прикончить раз и навсегда «товарища по оружию». Капкан готовился обдуманно, расчётливо, расстановкой боевых частей на окружение...

Эх, Махно, прожжённая шельма!.. Разгадал!

Недаром говорит о себе: «Вижу семь метров под землёй!» Его конница и знаменитые пулемётные тачанки, запряжённые тройкой звероподобных лошадей, опрокинули части, находящиеся у Перекопской щели, вырвались на широкие родные земли Гуляйполя, громя встречающиеся мелкие войсковые части, особенно обозы.

Гоп, кума, не журысь,
В Махна трофеи завельсь!

Белые части рассредоточенные, распределённые по разным портам без особой спешки, в противоположность Новороссийской эпопеи, производят загрузку морского транспорта...

Но... Беды — отступающим!

Горе — побеждённым!

Нарушаются организация в отступающей армии, связь и взаимодействие её частей, контакт с неприятелем. Прекращается осведомлённость о движении его, его ближайших планах или замыслах. Кажется, что он наседает на пятки, тогда как он озабочен собственными делами и в не меньшей степени дезориентирован, компенсируя своё незнание-неосведомлённость осторожностью-осмотрительностью действий.

Всё это порождает ложную информацию, влекущую какой-то элемент панической настроенности... Отстают больные, раненые, вообще теряются люди, транспорт, техника...

Окружающие горы, леса теперь буквально кишат зелёными разных оттенков...

Арьергардная часть, прикрывающая отступление, находится в особо щекотливом положении, ориентируясь на основе собственных интуиций, соображений.

«Крымские долины, увижу ль я вас вновь?»

Заканчиваются равнинные крымские степи... Надвигаются горы... Величественная природа!

Дорога винтообразно движется вниз... Вдали, с высоты гор, открывается тёмно-голубое, сейчас тихое — покойное Чёрное море...

Шагом подвигается кавалерийский взвод, т.е. его остатки из одиннадцати человек...

«Есть такая песенка, не знаешь ли ты её, Коля? Её первые слова: я жду накануне чего-то, что жизнь мою изменит опять!»

«Что это пришла тебе в голову лирика?»

«Под впечатлением... Не могу отделаться... Видел вчера сон... Яркий, впечатляющий... Место действия удивительно напоминает вот эту территорию — предместье Алушты».

«Нервы... Поспать бы!»

«Действительно, не помню, когда спал по-настоящему... В лучшем случае сон ограничивается дремотой, сидя на седле или земле!»

Облачная, холодная, тревожная ноябрьская ночь. В горах по щелям особенно продувает... Взвод охранения располагается в полукилометре на северо-востоке от Алушты, вблизи шоссеиной дороги, у сарая, в углу которого лежали насыпом килограмм 100 яблок... Сменились дозоры... Освободившиеся как-то устроились у заседланных лошадей, «прикорнули»...

Безрадостные, тяжёлые физически и морально дни, бесперспективно будущее, полное неопределённости — неизвестности...

Удивительно тянется время...

Пройдут годы, утихнут страсти, успокоятся эмоции, и обстоятельства наших дней предстанут в ином свете... Многие покажется диким... Потомкам будет в чём нас и упрекнуть, и оправдать...

Что руководит поступками основной массы — 90% лиц, думающих покинуть Родину?

Страх, только страх!

Страх пред моральными, физическими издевательствами?

За что, за какие преступления?

А что может заменить Родину-мать? Кто заменит родную семью — отца, мать, братьев, сестёр, готовых в любую минуту прийти на помощь?

Какая страшная трагедия!

Четыре часа... Длинная ночь... Далеко ещё до рассвета!.. Внезапный, оглушающий вблизи взрыв, по-видимому, нескольких ручных гранат, беспорядочная ружейная стрельба со всех сторон...

Крики... Шум...

Молниеносно проносится мысль: окружение, отрезаны от дороги и юга, значительное превосходство сил...

По команде: «За мной!» ... Вскочил на Ветерка, отпустил повод... А что делать?.. Как во сне... Ветерок взяла путь по тропе на юго-запад...

В этот же момент почувствовал особого характера боль в левом колене... Как будто бы наскочил на острый сук...

Чувствую, кто-то за мной следует...

«Ты, Ваня?»

Горы, лес...

Через 20–30 минут остановились... Выявилось моё слепое пулевое ранение. С трудностями слез с седла... Но уже сесть не смог ни тогда и никогда вообще позже ...

Очутившегося возле меня Ваню попросить пойти разведать обстановку, из-за боязни потерять его не смог... К вечеру такая необходимость вообще исключалась появившейся раневой лихорадкой, высокой температурой, ознобом, бредом, сильнейшими болями и изменившимся за 12–15 часов фронтовым положением...

А время — величайший фактор жизни!

Утро следующего дня, казалось бы, не изменило положения, но морально стало лучше... Утро недаром мудренее вечера, оно во всех отношениях лучше!..

А когда Иван разведаль, нашел татарина и пришел с ним... появилась надежда...

За лошадей, снаряжение, вооружение, одежду он переделал и устроил у себя, в сакле, обещая чрез два-три дня отвезти в больницу...

С высоты гор, на третий день, Иван видел выстроившиеся на рейде Ялты пароходы, под прощальные гудки, в кильватерном строю отплывающие от Родины в неизвестность...

И в этот же день, чуть позже, по дороге к Ялте, двигалась группа кавалеристов — разведка Красной армии. Несколько часов позже шла пехота, как сообщил Ваня, это был 453-й Красногвардейский полк 151-й бригады 51-й Московской дивизии 6-й армии.

«Ну, я теперь пойду!»

«Иди, Ваня, не поминай лихом!»

Он решительно по тропе направился в горы... Фигура его некоторое время то терялась из виду в лесу, то вновь появлялась на возвышенностях гор... И потом исчезла навсегда...

Закончилась Крымская эпопея, принёсшая и оставившая ещё на долгие годы людям горе, страдания и мучительную смерть.

Примечание 1

Десантная группа под командованием Улагая состояла из «3-х дивизий»: Сводной — Казановича, 1-й Кубанской — Бабиева и 2-й Кубанской — Шифнер-Маркевича.

Но какие это «дивизии»?

Их укомплектованность с натяжкой равнялась 1/3 нормального состава.

Такое положение было результатом ряда соображений:

а) предоставить должность определённым лицам, довести укомплектование при первой представившейся возможности;

б) неожиданное появление десанта, стремительное наступление создало панику в рядах противника.

17 августа шёл бой за Тимашевскую. Вокзал захвачен так внезапно, что противник не знал это.

18 августа Бабиев занял Брюховецкую.

Николай Бабиев — генерал, командовал Заднепровской операцией, убит у мельницы — южнее хутора Шолохово, житель станицы Михайловской. Награждён орденом Николая Чудотворца, герой Русской армии.

Примечание 2

Нужно быть справедливым, Врангель с поразительной настойчивостью, целеустремлённостью, исключительной быстротой привёл остатки войсковых соединений, полученных от Деникина, в полную боеспособность, развил большую деятельность, вышел из Крыма и расширил оперативный плацдарм на север. Укрепил оборону Перекопа настолько, что казалось: Крымский полуостров надолго закреплён как стратегическая база.

Примечание 3

Ходила легенда: у Перекопа не холмы, а горы трупов лежали с обеих сторон, да так густо, что убитые не лежали, а стояли сплошной стеной. Издали трудно разобрать: идут ли это в бой живые или продолжают драться мёртвые.

Примечание 4

Также передавалось: один из кавалерийских взводов тяжело переживал, колебался, эмигрировать или остаться на земле Родины? Зачем, куда, к кому, о Боже, несём мы русскую печаль?

ЧАСТЬ VIII

ИСПЫТАНИЕ

Хочется завывать собакой.

(Народная поговорка)

Медленно, с осторожностью, огибая острые повороты, лавируя между ухабинами горной дороги — по существу тропы, поскрипывая, движется арба на двух высоких колёсах, почти доверху загруженная сеном.

Арба запряжена коренником — меринком Вахлаком, скорее похожим на крепкую хозяйственную лошадь, как будто бы со дня своего рождения работавшего на этих ролях, чем на вчерашнюю — кавалерийскую и на пристяжке, покамест идущую за арбой, небольшую молодую лошадку доморощенного татарского рода.

Упряжкой управляет татарин — человек средних лет, хромой, с значительно укороченной одной ногой, после когда-то неправильно сросшегося перелома бедра.

Напевая свой, как кажется, неизменяемый один и тот же жалобный мотив, он, в зависимости от характера дороги, или идёт рядом с упряжкой, или сидит на арбе, изредка поглядывая на свернувшегося в клубочек, лежащего на сене, вернее в образовавшемся углублении сена, одетого в хорошо поношенную шинель, человека, производящего впечатление подростка.

Достаточно поверхностного взгляда, чтобы не ошибиться, распознать тяжёлое септическое состояние у лежащего молодого человека. Бросаются: бледность кожных покровов с лёгким желтушным оттенком, заметная худоба, круги под лихора-

дочно блестящими глазами, сухие потрескавшиеся губы, сухой с налётом язык. Небольшие колебания арбы, несмотря на то, что они в значительной степени амортизируются кипой сена, вызывают страдальческую мину на его лице. Спросите, он скажет о невероятно интенсивных болях в колене, припухлости и колоссальном его распирании, невозможности из-за болей никаких в нём движений. Ему совершенно безразличны какие бы то ни было интересы жизни, мысли его сосредоточены только на болях, хотя бы небольшом их угасании.

Попытайтесь пристрелить его, он не проявит защиты или других явлений протеста. Ранения в сустав относятся к группе тяжёлых травм хотя бы потому, что влекут, как правило, в лучшем случае нарушение его функции — инвалидность.

Коленный сустав человека заслуживает особого внимания:

а) он выполняет сложную функцию движений вперед, назад, в стороны, вращательные;

б) в мире животных он является самым большим — сложным суставом, идентичного ему нет: его поверхность при развёртывании всех заворотов равна поверхности лёгких.

Это обстоятельство делает понятным чрезвычайную тяжесть течения проникающих травм сустава.

Являясь явно инфицированными, они вызывают выпот, припухлость, отёчность, септическое состояние. Нужно немедленно создать суставу условия покоя наложением гипсовой повязки с фиксацией непременно трёх суставов. К сожалению, в нашем случае это отсутствовало.

Из наиболее частых, грозных осложнений проникающих ранений коленного сустава нужно отметить: нагноение, шок, сепсис, т.е. такие формы осложнений, которые либо инвалидизируют человека, либо приводят к смерти.

Таково вкратце состояние современных представлений. Иначе выглядели они 30–50 лет назад... Человека, перенёсшего такой вид травмы без нарушения функции, можно было назвать действительно счастливецом, а процесс, так благополучно закончившийся без анкилозирования или ампутации конечности — чудом.

В настоящее время, понятно, процент счастливых увеличился. Такому обстоятельству человечество обязано антибиотикам, усовершенствованной технике, своевременным мероприятиям.

Во время Крымской войны Пирогов, теряя тысячи раненых от шока, сетовал на ужаснейшие условия бездорожья, как на одну из многих, но важную причину отягощённости. Гарантом могла бы быть иммобилизирующая повязка, которая обеспечила бы достаточно надёжно необходимые условия покоя и, следовательно, служила бы профилактикой шока. К сожалению, правительство не могло удовлетворить далее эту необходимость, не было подготовлено и к этому.

На немного лучше были дороги в настоящее время!

Это в равной степени относится к Ялта-Симферопольскому шоссе. Оно не только далеко от совершенства дорожного строительства, оно не может претендовать на своё название, не может его оправдать, так как не вяжется с современными представлениями о шоссе, как дороге с гладким — твёрдым асфальтированным покрытием. И тем не менее это одна из лучших того времени Российских дорог! Когда-то её строили среди девственных гор, в соответствии с техникой времени, покрыли мелким гравием, знали, что ею будут пользоваться, наезжая в Ливадийский дворец, члены царствующего дома Романовых.

Положим, следует сделать скидку: многие годы, т.е. с 1914 года было не до шоссе, ремонт не производился, его разбили, поухабилы, превратили в просёлочную дорогу...

Лежавший в арбе молодой человек, терявший до этого сознание, имел неприятную перспективу дальнейшего своего путешествия. Впереди в лучшем случае два дня пути по этой тряской дороге. И какой бы эта дорога не была, ею нужно пользоваться со стоической настойчивостью... Другого выхода нет! Нет слов, дорога плохая, опасная со многих точек зрения!

У края шоссе Абдул остановился, припряг пристяжную и, казалось, что-то выжидает, обдумывает...

Жизнь бурлила здесь, на шоссе...

Движение не утихало ни днём, ни ночью... Двигались вперемжку, спешили, старались опережать друг друга строевые соединения, обозы, части пехоты, гражданские, в основном мобилизованные, обывательские подводы, группы конницы, артиллерии... Поток — на юг, к морю, в Ялту, в один из фокусов людской, только что происшедшей трагедии, поток — на север... В нём несколько колонн пленных...

Этот поток строго контролируется, регулируется пропусками комендантов населённых пунктов. Особенно строг выезд из Крыма на конечных пунктах.

Я не знаю ни одной страницы людской истории без войны, мне неизвестна ни одна война без неперменных её спутников — голода, холода, вшивости, болезней, беженцев, пленных... Вот и сейчас, грустную думу наводят они!

Взгляните в лица их... Голодные, грязные. Отрёпанные, одеты в разную рвань — в то, что им дано взамен снятого хорошего обмундирования, истерзанные физически, морально, бесправные, безвольные... Они плетутся под конвоем по этой кручёной дороге, не зная: куда, навстречу чему?

Так было в каменном веке, так и в нашем цивилизованном!

Хотя бы на одном лице отразились бодрость, человеческое достоинство! Нет, безнадежность, неизвестность, обречённость!

Наконец, Абдул находит возможность: вливается в северный поток позади обозной повозки, где возницей был красноармеец казах, а седоком — ротный писарь — семипалатинский казак. Сзади двигались обывательские подводы, мобилизованные белыми, сейчас отпущенные домой, с пропусками.

«Салям алейкум!»

«Алейкум салям!»

«Чиво твоя визёт, по какими делами твоя едишь?»

«Наши, шибка, шибка балная, шибка балниц, резить наша!»

Молодой человек не сходил с арбы... Да, собственно, и не смог бы он самостоятельно сойти даже по нужде... Это

обстоятельство в какой-то степени совпадало с его личным интересом...

Думал ли он в данный момент о нём или о чём-нибудь кроме своего страдания?

Аллах ведаёт!

Его поведение было совершенно пассивно... Он хотел только физического покоя любыми средствами.

А тем не менее его дела складывались вполне целесообразно, развивались в его пользу, как будто бы кто-то извне руководил ими.

Подул очень свежий северный, с гор, ветер, особенно по щелям... Хотя никогда мне не приходилось наблюдать обратный ветер в горы... Существует ли он?

Пошёл мелкий снег типа метели... Ночью температура опустилась до отрицательной... Зима входит в свои права...

Опасения в отношении дороги оправдались не в полной мере: она имела менее острую наклонность, а частичное сохранение твёрдого покрытия булыжником-гравием создавало мелкие тряску-вибрации, что в какой-то степени снималось кипой сена. Сено служило вообще добрую службу, оно выполняло и другую роль — утепляло...

Двигались без особых происшествий.

Попросите раненого нарисовать путь движения, остановки, задержки, разговоры, которые вёл Абдул, движение почти без остановки и ночью. Нет, он не сумеет ответить, так как находится как будто в дремоте, под наркозом... Так для него и осталось непонятным: когда, почему Абдул свернул с Симферопольского тракта на Бахчисарайский?

С волнением подъезжали к больнице Бахчисарая...

После небольшого ожидания, в госпитализации было отказано под предлогом обслуживания только местного гражданского населения... Было рекомендовано обратиться в военный госпиталь... Можно было бы оспаривать отказ в приёме в данном случае красно-зелёному партизану, но не протестуя, покамест последовали рекомендации... Поступили целесообразно!

Наоборот, фельдшер госпиталя, ещё молодой человек, лет 25–26, единственный квалифицированный работник, после осмотра ранения, которое на него произвело серьёзное впечатление, объяснил: госпиталь свернулся, перебазировался в Одессу, по месту передислокации армии к Румынской границе... Сейчас больными загружается летучка, надо спешить на вокзал... Дал записку Абдулу... Так и не пришлось её прочесть...

Медсестры немедленно выполнили распоряжение: раненого поместили в вагон, доставили носилками, головной конец которых нёс Абдул.

Он превзошел все надежды: выполнил честно не только пассивную роль извозчика, но взял на себя руководство ответственной опасной задачей!

Простились по-братски. Он решил отвести Вахлака домой в аул — в 50 километрах от Бахчисарая и сразу же возвратиться к Алуште, в горы...

Раненый с радостью покидал Крым...

Поезд шёл медленно, с остановками, как тогда вообще, заготавливая на ходу, в пути, топливо...

90% больных составляли тифозники... Две-три медсестры за две недели пути нерегулярно измеряли только температуру...

Передали: путь на Херсон — Николаев закрыт, так как сорван мост. Поезд будет двигаться в обход чрез Пятихатку, Знаменку, Первомайск.

По пути следования поезд разгружается, передавая больных инфекционным больницам населённых пунктов...

Раненый был предупреждён: его сдадут в Одессе... В Вознесенске стало известным: Одесса перегружена, госпитали в основном заполнены сыпнотифозными, принять раненых не может.

По пути следования началась разгрузка оставшихся по Земским больницам... В одну из них, в селе Берёзовке, в единственном числе, был помещен наш раненый, оказавшийся к этому времени единственным раненым.

Берёзовка — село большое, украинское, зажиточное, заснеженное... Аккуратные, побеленные мелом будынки, с раскрашенными в разные цвета ставнями и оконными переплёта-

ми, хорошие изгороди, широкие улицы, обширные усадьбы полные добра: коров, свиней, овец, разной птицы...

Наступил сезон подготовки к наступающим Рождественским — Новогодним праздникам... Кричат свиньи... Режут их! Встречаются жители в добротных, приталенных — дублёных кожухах-поддёвках, высоких смушковых шапках, добротных юхтовых сапогах...

Дымят трубы будынок. Поскрипывает снежок... Зима сегодня выдалась лютая... Вот уже близок конец декабря, а морозы без колебаний держатся с середины ноября...

Видано ли когда: замёрзло Азовское море и Керченский пролив настолько, что войсковые соединения переходят его на Кубанскую сторону?

В будынках тепло и на душе как-то теплее...

Встречаются сытые, в хорошей кожаной сбруе, запряжённые в сани, застывшие в конюшнях, лошади ...

Богатое село!

Больница представляет собой одноэтажное, специально построенное Земством, а не переоборудованное, здание с удобствами...

Это уже роскошь!

Обслуживает больницу один врач — высокий старик, еврей... Меня он принимает, тщательно осматривает, диктует медсестре назначения... Помещает в восьмикоечную палату на койку, расположенную на южной стороне, в углу, у стены.

«Да... Работать, работать суставом, преодолевая боли, если не хочешь быть инвалидом, а может и хуже!»

«Невозможно, невероятные боли!»

«Знаю, а ты не обращай на них внимание!»

Состояние вначале, при поступлении, было тяжёлым: высокая температура, бред, жестокие боли... Но... Странно!

Никакой иммобилизации... Лечение по Виру: застоём... Ежедневно, два раза в день накладывается выше колена резиновый жгут... Голень всё более и более отекает, приобретает синюшную окраску. Жгут снимается тогда, когда боли достигают степени непереносимости, предшокового состояния...

После следует занятие лечебной гимнастикой, сначала пассивной, а потом активно делаются попытки движения в суставе. Или от этого лечения, или так было угодно Аллаху, я к ним привык, к ним меня тянуло по несколько раз в сутки, и я поправлялся, поправлялся физически и морально ...

Постепенно уменьшались припухлость, боли, оставались резко ограниченными движения, нога похудела... Голень к суставу находилась под прямым углом...

Теперь уже я ходил с помощью костылей.

В больнице было чисто, уютно... Но, к сожалению, связи я ни с кем не имел и не мог иметь... Возможно к лучшему! Питание больничное было очень скромным, явно недостаточным... Приходилось терпеть... Оно меня преследовало с давних пор, хронически...

Изредка больные, местные жители, кое-чем из своих продуктов угощали меня... Но особой доброты в этом отношении не проявляли... Такое же отношение было и со стороны медперсонала... Возможно какие-то причины (предвзятость) мешали им относиться несколько теплее... Да и разговоры они вели между собой, редко обращаясь ко мне...

Денег не было... т.е. они были, но менять их я не мог...

Часто я ловил на себе пристальный взгляд одного, недели две поступившего молодого человека, лет 27–28.

Как-то во время завтрака он предложил мне стакан ряженки... Был он на диете...

«Ты что, не знаешь, не видишь, чем объясняется довольно сдержанное отношение к нам местных больных?»

«Затрудняюсь сказать!»

«Каждое явление должно иметь свою причину, объяснение. Эту истину ты должен бы знать! Критическое отношение... Метод Гегеля!

Мало, оказывается, тебя жизнь учила!

А с наивностью своей пора бы тебе и расстаться! Пользы-то тебе она не принесёт!

30% местного населения — Махновцы, а 60% — самостийники Петлюровцы. В тебе, как в кацапе, они видят своего по-

тенциального врага... Так ведётся со времён Алексея Романова... Надеюсь, знаешь его? А при Петре прорвалось! Помнишь Мазепу? Полтавский бой? Эти места: районы Балты, Львова, Винницы... Чем ближе к западным границам, тем гуще эта зараза — это гнёзда Махно, а особенно Петлюры!»

Действительно... Мне казалось, что у них принято обмениваться продуктами, а так как у меня их нет, нечего предложить для обмена, мне они и не предлагают их...

Меня чрезвычайно заинтересовал этот, разговаривавший со мной довольно откровенно, человек. Поступил он в больницу по поводу язвы желудка... Он тогда обратил на себя внимание... Наши койки находились в противоположных углах.

Бледный, с матовым цветом кожи лица, высокий, с красивой головой, видно, с мягкими, волнистыми тёмно-каштанового цвета волосами, стройный, с постоянно сдвинутыми бровями, как будто бы о чём-то всё время думает, то ли с болезненным, то ли с презрительным выражением лица. Несмотря на красивое лицо, фигуру, в нём чувствовалось что-то жестокое, властное...

«Я хочу продолжить наш вчерашний разговор... Предлагаю, сделай эксперимент: заговори на украинской мове, шепни кому-нибудь на ухо что-нибудь в пользу Петлюры... Тебе сразу посыпятся передачи курочек, яиц, сала и даже вареники со сметаной...

Знаешь, что это такое?

У украинцев лучшего кулинарного продукта, как вареники, кроме, конечно, галушек, нет!

Да ты мову українську розумиєш? Ни?

Ничего ни кумекаете?

Тоди, куме, ни барахтайтесь в воде, скоріше сидайте на дно! Вись смак, куме, в мови, в націоналізму!

У вас, добродію куме, надія плоха... Нема іи!

Добрість, жалість, кажете?

Зараз пишлы воны особы!

Ты шо, по-євангельски: кохай ближено як себе?

Ни... Цего нема, сгинуло!
Кохая того, хто мене пиддержує, а я его!
Шевченка... Тараса... розумиєшь?
Вин казав: кохайтесь чёрнобривы та не з москалями... Про
яке таке коханье вин каже?

Дивок?

Ни!

Шевченка треба розумить аллегорычно!
Кохайтесь хозяины-украинцы: я сусида, вин мене. Буде
хозяйство у мене гарно, буде и у ёго...

И теж, крайни буде гарно!

Ну шо це? Пролетарии всех краин еднайтесь!

Ну шо взять с того незамижника крайни?

Из ничего не буде чего!

Батько наш каже: еднайтесь украинци — хозяины, кохайтесь!

Геть москалив!

Оце повидомляю тобі, пане добродию, украинську діяль-
ность...

Закинчинье роботы сам!»

Вот тебе местная философия!

Закончились Рождественские праздники... Вступил в свои
права 1921-й год!

Зима продолжала удерживаться на своём, характерном для
этого года, морозном уровне...

В селе раздавались задорные песни, весёлые звуки скрип-
ки, бубна и гармошки...

Наступил период свадеб...

В больнице жизнь протекала в том же ритме...

Состояние моего здоровья медленно улучшалось: темпера-
тура снизилась до субфебрильных цифр, в пределах 3-х —
5 градусов стали возможны активные движения в суставе,
пассивные — до десяти. Понятно, похудел я: тоска, болезнь
и проголодь — не красят человека!

Скромны покамест достижения!

Личные перспективы оставались в лучшем случае в тумане...
Одно обстоятельство произвело на меня чрезвычайное

впечатление. Оно всколыхнуло, взволновало, озадачило, насторожило...

Мой новый больничный знакомый воспользовался освободившейся койкой возле меня, а его интересовала как раз южная сторона, да ещё у окна, занял её.

Валерий Прага...

Много он читал, оставался угрюмым, замкнутым, нелюдимым. Беседы между нами велись лаконично...

Как-то он, как будто что-то припоминая, но неожиданно:

«Твоя фамилия, да и ты, кажется, мне знакомы...

Откуда ты?»

Я сказал... Обычно в дороге, с неизвестными мне лицами, я стараюсь избегать разговоров на эту тему или же говорю неправду... На этот раз, из-за неожиданности, я сказал правду...

Он мгновенно сел на кровать, устремил на меня взгляд своих чёрных глаз... Такая быстрая реакция для него не характерна ...

«Из С...?»

История!

Моя фамилия тебе знакома?

Нет?

Это, конечно, понятно... Наши отцы встретились в твоё отсутствие... Подумать!

Мне теперь всё понятно!»

Не разыгрывает ли он меня?

Начинаю зондировать почву на счет членов семьи...

По-видимому, угадывая мои мысли, улыбаясь (редкое явление для него), перечислил он мне всех по прорядку даже с рядом характерных признаков...

Надо было бы уверовать, но...

Стало заметно его внимание ко мне...

«Здесь тоже гражданская, война... Особый вид... Тихой сапой! Из-за угла горла перегрызаются...

Принято обрезаем...

Националисты-гайдамаки предпочитают пилу... Перепиливать живого пополам и для острастки современников, на-

зидания потомству выбрасывать части в реку... Особенно в Днестр...

Уничтожаются идеологические противники?

Для этого достаточно неосторожного намёка на несогласие... А убийство одной стороны вызывает ответную реакцию другой...

Гуляют страсти!

Не убий!

Наоборот, убивай!

Убийство оправдывается законом, берётся под защиту... Вот и пример для подражания, вот и основа бандитизма...

Жестокое время!

Старайся не выделяться из окружающей среды, не козыряй интеллектом, знаниями, не проявляй элементов неравенства. Короче, избегай быть орудием зависти... Помни, ты окружён людьми с более низким уровнем развития, недоучками, но себялюбивых, с повышенной чувствительностью, они не простят твоего превосходства... Ты поставишь себя в противоречие с действительностью и дорого заплатишься...

Дурак, недоучка всегда будет видеть в интеллигенте — врага. Поставь себя в уровень с ним — будет всё в порядке.

Что рождает жестокость?

Зависть!

Сгладиться ли когда-либо это противоречие?

В обозримом времени — нет!

Вот так... Будь осторожен!»

А ещё недели через две, т.е. приблизительно в средних числах февраля, Валерий выписался... Простились по-дружески. Одет он был хорошо, в командирскую форму... Так он и уехал, оставив много неясного, неизвестного: образование, специальность, место жительства, место работы.

Как стало мне известным: весть родителям о моём состоянии, т.е. вернее, что я жив, передал он...

Многим я ему обязан, много для меня он сделал.

А ещё недели через три, в первых числах марта, был выписан я... Вышел из дверей больницы, зашатался, остановился

на крыльце, постоял, посмотрел по сторонам... Движения в суставе оставались ещё долго болезненными и ограниченными... Хождение с помощью костылей в коридоре больницы здесь — положения разные... С ними я ещё долго не расстанусь...

Беда, физически я ослаб...

Весна в этом году, как и нужно было ожидать, после суровой зимы, наступила сравнительно рано. В последние дни февраля днём таял снег, а в начале марта ярко светило солнце... Ночью продолжались заморозки, днём — оттепель...

Комендант, к которому я явился, направил меня на Комиссию — в Одессу, по месту расположения штаба армии.

Через два-три часа распоряжение было отменено: Одесса заменена Вознесенском... Не везло мне, к счастью, на Одессу.

Поездка в Вознесенск заняла не менее семи дней: ожидание на пересыльных пунктах, очереди к продбазам, хождение от гарнизонного коменданта к транспортному... Десятки всяких справок... Санобработки на право посадки в поезд и т.д., и т.д.

С вокзала Вознесенска комендатурой немедленно я был доставлен в инфекционный барак в тяжёлом состоянии: температура опять выше 40 градусов, сильнейший озноб типа малярийного...

Возвратный тиф...

Барак...

Боже мой!

Вижу его и сейчас... Вспоминаю... Содрагаюсь... Это мрачное, тёмное, длинное здание на краю города, вдали от человеческих глаз, по-видимому, срочно переоборудованное из сарая или скорее какого-то склада.

Сразу же после входа чрез небольшой деревянный тамбур, с полутораметровой площадью, попадаешь в длинную комнату, где вдоль стены, по одну сторону, на протяжении 20–25 метров устроены сплошные нары, покрытые слежавшейся, измятой, загаженной соломой... Вдоль другой — северной стороны — узкий проход... У восточного края, освещённый коптилкой, за столом сидит санитар или санинструктор с грозно-важным видом...

Другого ночью освещения нет. Днём помещение освещается одним маленьким оконцем: темно, сыро, грязно, холодно! Утепляется помещение железной печкой: полчаса тепло, двадцать три часа — холодно... Дров нет, топить нечем... Разве «раздобудут» выздоравливающие больные!

«Занимай любое место!»

Ни осмотра, ни назначений, ни обходов...

Документация — на обрывках газетной бумаги, где зафиксированы в лучшем случае фамилия, имя.

Грязь, вонь, плевки, окурки, рвотные массы — всё смешалось.

Никакой вентиляции. Царствует антисанитария ...

Свалка обречённых на смерть людей... На нарах — люди, укрытые собственными шинелями (у кого они есть!).

Рано утром повозка забирает трупы, отъезжает от барака...

Принцип барака: поправляются люди — хорошо, умирают — люди же не боги, не бессмертны, кому-то надо умирать!

Таков барак возвратного тифа. Другие, надо думать, не лучше!

Записки из мёртвого дома, чеховские рассказы, картинки с натуры Салтыкова-Щедрина, долговые тюрьмы Диккенса — всё это ни в какое сравнение не может идти с действительностью моего барака. Это тени — настоящего!

Вот здесь, теперь, видя окружающую обстановку, сквозь бред, сорокаградусную температуру, я упал духом, почувствовал возможность... впервые... безвестной смерти...

Хотелось завить собакой: тоскливо, заунывно, безнадёжно...

Температура утром следующего дня начала падать, возвратилось сознание действительности, появилась потребность защиты, мобилизации сил на борьбу за право жить... Одновременно надеялся на везение... Оно всегда выручало: оно придёт, не оставит меня!

Действительно, прошла неделя, приступ не повторился... Место шести-восьми приступов, он был — один, как у переболевшего сыпным тифом... Всё строго — в соответствии с наукой!

Поверхностно взглянув, члены комиссии, не входя в детали, рассматривая факт, как он есть, опытными глазами оценили состояние и вместо возможных двух месяцев отпуска, предоставили, в индивидуальном порядке, трёхмесячный...

И я ехал... Затруднения, остановки, проголодь меня не задержали... Ехал, куда?

Остановился в Т.

В эту же ночь произошла со мной неприятность... Крутили, вертели, справлялись... Документы — в порядке: факт — вещь упрямая. Чрез месяц благополучно всё закончилось...

«Почему избран Т.?»

«Да потому, что есть здесь условия для занятий. Надеюсь восстановить знания, сдать экзамены за реальное училище».

Странно! Мой ответ определил моё поведение и ближайшую цель, стремление к которой стало вопросом чести, жизни. Я сказал неправду, но стал её самым верным рабом — исполнителем. Мысли в этом плане неоднократно возникали, но не с тем, чтобы заниматься их реализацией сейчас...

Издали в Т. я видел и хотел найти базу отдыха, окрепнуть здесь и собраться с мыслями.

Обстановка изменила обстоятельства. Приступил к занятиям. Подобных наплыва энергии, целеустремленности ни до, ни после этого периода у меня никогда не было.

Здесь жил и работал в Особом отделе Валерий. С его помощью отпуск был продлён ещё на такой же срок.

В начале сентября я сдал экзамены за Р.У., получил документы... А ещё чрез две недели по наряду Военкомата с бодрым духом ехал в школу командиров 2-й Донской дивизии в Каменск — Новочеркасск.

Ещё немного, ещё небольшое усилие, чтобы выйти на большую дорогу ...

В стране усугублялся недостаток продуктов питания... Она жила надеждой на урожай... Но оправдаться ей было не суждено... С сентября начался голодный период...

Во мгле выступал голодный 1922-й год.

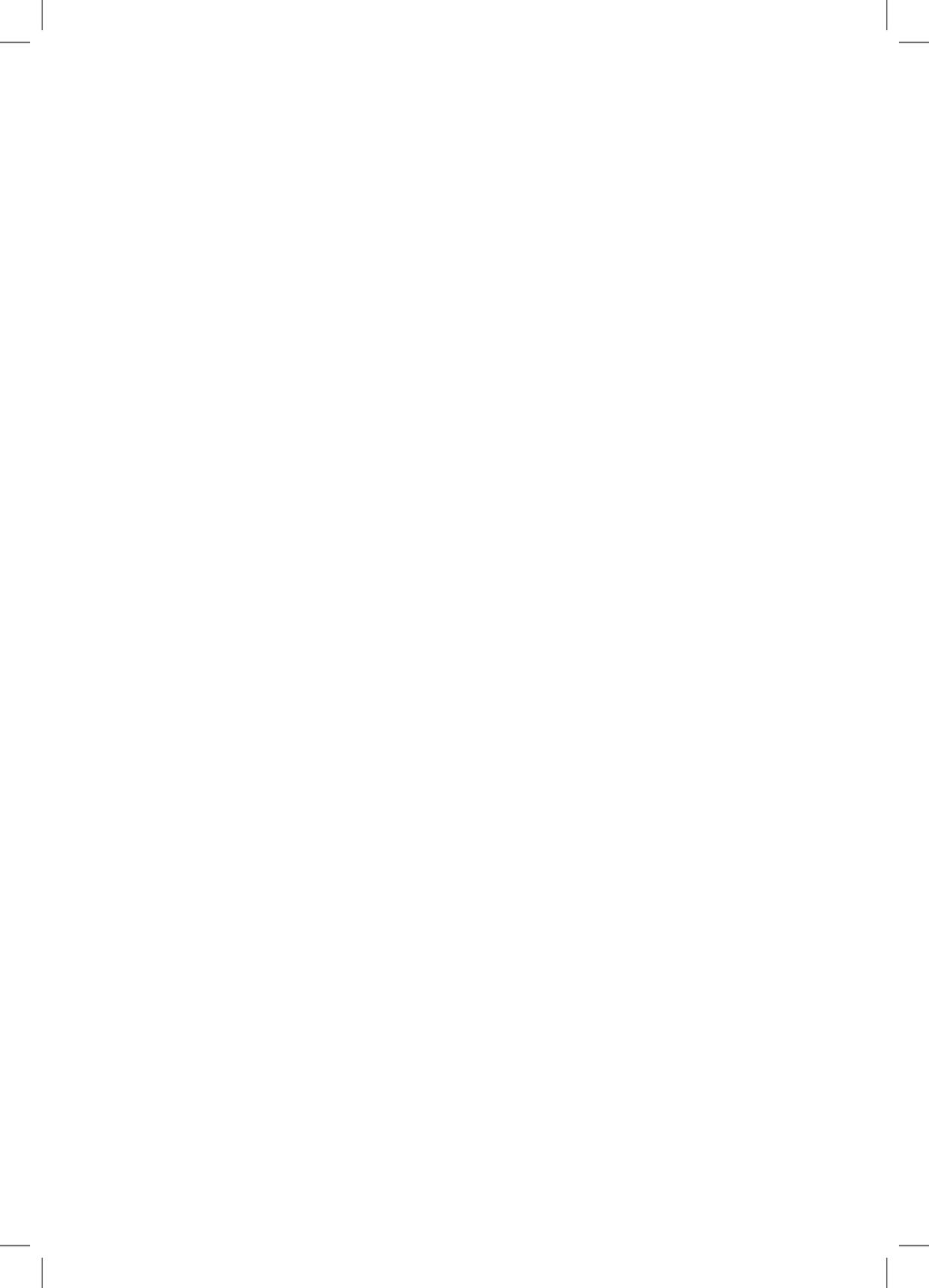

ЧАСТЬ IX

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В середине августа 1922 года, после произведённой мне операции — удаления пули из нижней трети левого бедра, я был выписан из гарнизонного госпиталя г. Новочеркаска с рекомендацией: «предоставить отпуск».

Последнее диктовалось прежде всего состоянием послеоперационной раны: швы разошлись, существовала угроза инфицирования верхнего заворота коленного сустава и самого коленного сустава с перспективой в лучшем случае анкилоза его, в худшем — сепсиса (заражения крови).

Рана приобрела синюшную окраску, не имела потенции к заживлению. Явно страдало питание, в организме развилась витаминная недостаточность.

Оперировал, к сожалению, недостаточно квалифицированный врач, молодой, по-видимому, хирург начинающий. Непонятно, почему нужно было предпочесть местной, безвредной анестезии общий хлороформный наркоз с почти трёхчасовой продолжительностью?

Поиски пули были затруднены... Операционная травма тканей, незаживающая рана, авитаминоз — всё это основательно ослабило и до того ослабленный организм.

При выписке я уже оставил костыли, хромал, опираясь на палку.

Настроение было мрачное, тоскливое. С одной стороны, оно было выражением нездоровья, с другой — моральных переживаний... Я всё ещё продолжал расплачиваться за прошлое! С третьей стороны, возможно, оно было созвучно времени года, навевалось уходящим летом, наступающей осенью.

Главной причиной была бесперспективность положения. Правда, неоднократно мне предлагалась возможность поступить в военное училище, но этот вид карьеры меня не устраивал, как отрицательный мне по духу. Военная служба так мне надоела, что её продолжать я бы не смог.

На протяжении нескольких лет наступление осени отражалось во мне тоской, тоской по школе, по знаниям. За многие годы жизнь выработала рефлекс озабоченности, подготовки к занятиям в связи с наступлением осени, наступлением нового учебного года. Теперь этот рефлекс приобрёл особое значение.

Прошло четыре года!

За это время некоторые из моих сверстников-казаков поступили в Педагогический институт. Так их гражданская война и обошла. Никто из них в армии не служил, можно было бы завидовать такой счастливой участи!

Потребность образования в этом году была особенно сильной...

Ожидая оформления отпуска, после операции, строил я разные планы. Каково же было моё удивление, когда в первых числах сентября получен был приказ о моей демобилизации (и не только моей).

Одновременно от Политотдела 2-й Донской дивизии мне было выдано ходатайство в Медицинский институт (предлагалась военно-медицинская академия) о допуске меня к экзаменам в несколько просроченное время, по ряду независящих от меня служебных обстоятельств. Не теряя ни одной секунды, насколько это было только возможно, по существу, совершенно без средств, полуголодный, хромой, с незаживающей раной, я прибыл в Краснодар и прямо с вокзала явился к ректору медицинского института академику Н. Ф. Мельникову-Разведёнкову.

Как-то было страшно непосредственно обращаться к человеку с мировым именем патологоанатома, так потом — в 1924 году блестяще оправданным бальзамированием В. И. Ленина по предложенному им методу и опубликованной в «рабочей гипотезе» развития его болезни.

По-видимому, в моих глазах отражалась такая просьба, такая жажда учения, такая целенаправленная решительность, да и вся моя хромающая худая фигура с «сидором», производила такое впечатление, что отказать мне он не только не нашёл возможным, но наоборот, после ряда заданных мне вопросов (сколько лет был на военной службе, какое среднее учебное заведение закончил, какие финансовые источники, перспективы и пр.), решил нужным — ускорить процесс зачисления.

Наш разговор, и в частности мои ответы, а я с ним был довольно откровенным, его не только удовлетворили, но вызвали ко мне внимание и озабоченность. На его лице я читал доброе, полное понимания и симпатии выражение. Как донской казак, он либо сам, либо его родственники удостоились пройти «подобную жизненную школу».

В дальнейшем, в студенческие годы, я неоднократно мог в этом убедиться.

«Да, я понимаю, как тяжело ещё потерять год!»

И продолжал, думая вслух: «Ну, что же мне делать? Экзаменационная сессия закончилась, утверждён список принятых... Но и вы правы! Зачем же мы существуем, называемся именем Красной армии, чтобы вам — её первому кандидату мы сразу же могли отказать!» Я делал какие-то гримасы, говорил слова благодарности...

«Да наоборот, вы наш актив, и мы должны отнестись к вам с полным вниманием! Голубчик, здесь где-то есть ещё один оставшийся абитуриент... Поищите, пожалуйста, его и подходите к моему кабинету, а я сейчас займусь мобилизацией членов комиссии. Кстати они здесь заканчивают оформление своей работы».

У меня душа ушла в пятки. Всё же я перезабыл!

Этого претендента я быстро нашёл. Дрожа, мы были свидетелями сбора четырёх членов комиссии. Ректор, идя последним, взял нас за талию и ввёл в кабинет (с моим «сидором»).

Латинский язык не представлял для меня затруднений, я его знал в большей степени, чем это требовалось. По литературе мне было предложено произвести разбор романа Чернышевского «Что делать?» Я его когда-то перелистывал, говоря откровенно, впечатления он на меня не произвёл. С такими данными оставалось мне только фантазировать, правда, неудачно! Члены комиссии засмеялись, когда я сказал: «Я надеялся, что вы меня спросите из объёма классической литературы».

«А разве Чернышевский не классик?»

«Да, возможно, теперь! В моё время он таким не числился и, следовательно, мы его не разбирали».

Один из членов меня поддержал: «Это верно, он же учился с 1914–1917 годах».

«Допустим, а каких же классиков вы разбирали?»

Я перечислил, начиная от Сильвестра «Домострой», кончая Достоевским.

«Помните ли вы "Рудина" Тургенева?»

Я немедленно распространился о «лишних людях», но в данном случае обладавших искусством «жечь сердца людей», энтузиазмом добра и знаний.

Математик-физик был полностью удовлетворён: эти предметы я готовил.

«А почему вы не избрали технический ВУЗ?»

Я указал на ногу, необходимость специальных знаний и лечения.

Последнее произвело впечатление...

Так через пару часов после моего обращения к ректору, состоялось моё зачисление в медицинский институт.

Дальнейшая судьба моего товарища осталась мне неизвестной: в составе студентов его не было.

Я вздохнул...

Наконец, после четырёх с лишним лет тяжёлых моральных и физических переживаний, я вышел на большую дорогу жизни.

Это был день возрождения!

Торжествовал я, хотелось обнять весь свет! А ещё приблизительно через час я энергично «шкандылял» вниз по улице Гимназической (сейчас — Коммунистической) к Кубанскому пароходству (тогда — Дицмана), гордый духом с молитвами в адрес ректора, худой, голодный, с землистым цветом лица, с впалыми щеками.

Начало занятий в институте планировалось на 20 сентября. У меня был небольшой резерв времени для устройства личных дел. Положение моё было действительно отчаянное! Экономя, я прожил скромный, выданный мне на дорогу красноармейский сухой паёк. Нужно было, как можно скоро, поставить в известность своих родных, связаться с ними. Лучшим способом я считал, в этих целях, опустить письмо непосредственно в почтовый ящик парохода, курсирующего в сторону Темрюка, в надежде, что оно в наиболее короткий срок достигнет адресата.

Положение осложнялось состоянием моей оперированной ноги: движения в коленном суставе оставались ограниченными, а попытки их форсировать при хождении и упражнениях вызывали отёки. К вечеру особенно усиливались отёки голени, тугоподвижность и голеностопного сустава: страдал отток крови — вследствие тромбоза вен. Понятно, нужна была благоразумная нагрузка ноги, в моём положении это не представлялось возможным.

Полгода упорных занятий принесли мне отличный результат, но покамест нога тормозила мои планы. Поступать на какую-либо временную работу, чтобы как-то перебиться до помощи родителей в моих обстоятельствах являлось нереальным.

Жил я покамест на пересыльном пункте военкомата. Здесь было непрерывное движение людей: одни проходили комиссию, другие отправлялись в части, третьи демобилизовывались. А в общем, кое-что из пищи мне выпадало: многие

отказывались от горячей пищи, пользуясь запасом домашних харчей...

Итак, шагая по улице, я напрягал мысли, перебирая возможности выхода из положения. На углу Кубанонабережной, в непосредственной близости от речного вокзала, я буквально остолбенел, остановленный скорее змееподобным шипением, чем шопотом человеческого голоса:

«А... Наконец-то, ты... б... здесь? Скорчился, симулируешь?»

Поток выражений, одно цветастее другого, нарастал... Предомной стоял К..., бывший в один из периодов мой однополчанин. По возрасту он старше меня, пожалуй, лет на 6–8, участник 1-й мировой войны 1914–1917 гг., служивший ещё тогда, в царское время, вахмистром гвардейского кавалерийского полка.

В меня буквально впились стеклянные, пронизательно сощуренные, полные ненависти глаза.

«Следуй за мной!»

Я иду, поражённый случившимся, в состоянии шока.

«Что такое, что я ему сделал, кто он?»

В памяти пролетают разные эпизоды... Да нет же, никогда у меня не было с ним никаких недоразумений, вообще никаких компрометирующих эпизодов... Наоборот, наши взаимоотношения отличались взаимным доброжелательством... Здесь что-то странное!

На улице — тихо, как нарочно — безлюдно... С ним я давно не виделся... Где, когда я потерял его из вида? А не отбывал ли он в лазарет?

Всё это молниеносно пролетает в сознании...

Реакция изменяется... Нарастает буря возмущения... Когда же это окончится? Крепче сжал я палку... Ещё бы момент!..

И вдруг... по-видимому... передалось... Он оборачивается, хватая за шею, со слезами на глазах, целует меня... «Прости, испытывал... И как же это так! Где тебя «угораздило»? Где, как, что? Ну, рассказывай!»

Подвёл меня к вокзальному буфету, купил три фунта сухой копчёной колбасы, фунт сливочного масла, буханку белейшего хлеба, передал мне... Был НЭП...

На другой день, с его помощью, по ул. Ленина, почти у самой Кубани, была найдена комната, в которой потом разместились ещё три моих однокурсника... Скоро получил я от родителей материальное подкрепление. А ещё приблизительно чрез месяц я и мой товарищ-сожитель (кстати — семинарист) заняли места председателя и секретаря домового комитета с оплатой трёх червонцев, что по тому времени равноценно было тридцати пяти рублям — золотом.

Так началось возрождение!

Правда, в дальнейшем не всё всегда было гладко... Для жизни, положим, это характерно!

Бывшие мои сверстники-казаки продолжали жить по своей старой формуле: «Дом мой — моя крепость!»

По-видимому, из чувства доброжелательности к моему положению, они очень им интересовались, по принципу: «Человек человеку брат, а не волк!»

Время беспокойное... Вдруг... «Чистка!»

«Дети за отцов не отвечают?» То ли в связи с поступающими письмами «доброжелателей», то ли в связи с социальным происхождением, при переходе со второго курса на третий, уже после сдачи всех полулекарских экзаменов, попал я под чистку... Совершенно неожиданно, я готовился выехать на каникулы... Исключение для меня представило жизненную опасность!

Беда в том, что в этих вопросах, при попытках «распутать клубок», выяснить обстоятельства дела, нельзя найти ни начала, ни конца — сплошные секреты! Возникли опять тревоги, беспокойства... Спас Валерий П. (мы с ним ещё встретимся!) Давно его нет на свете... Добрая память о нём никогда не помрёт! Больше меня не беспокоили...

Дружба с К. не прекращалась... На протяжении многих лет мы встречались: заходили обычно в винницу (тогда они были на каждом шагу) и за стаканом вина вспоминали «дела былых времён».

В 1956 году его дочь передала мне его просьбу — зайти к нему... Нашёл я его изменившимся до неузнаваемости... Ходить он уже не мог... Рак желудка!..

А ещё через несколько дней были его похороны... Смерть уносила «последнего из могикан» — прекрасного товарища и друга, скромного человека, большого патриота Родины. Он символизировал одну из трагичных страниц истории, неповторимой эпопеи...

Больше никогда никого из сослуживцев я не встречал...

Прошли годы...

1927-й год принёс мне, наконец, диплом и относительно тихую, покойную, так мне нужную работу в глухом — медвежьем уголке...

ЧАСТЬ X

1927—1967 гг.

*Он мудрецом не слыл
И храбростью не отличался,
Но поклонись ему:
Он человеком был!*

(Надгробная надпись)

Эпизоды моей деятельности

К 18 июня 1927 года, т.е. ко дню окончания института, получения дипломов, как-то совершенно незаметно, однокурсники успели пережениться, выйти замуж, и лишь считанные единицы, в том числе мой друг Коля П-ский и я, остались на положении холостяков.

Дело в том, что мы считали безусловную необходимость дальнейшего совершенствования и в этой связи, возможно, несколько преувеличивали личные ограничения семьёй, боялись отягощённости.

В этом отношении, пожалуй, мы были правы!

Был в разгаре НЭП.

Страна переживала период поворота от капитализма к социализму. Переходное время!

Студенческий коллектив этого времени по сравнению с настоящим положением имел много особенностей. Представляясь внешне единой спаянной организацией, подчинённой единым целям, стремлениям, правилам — законодательству, коллектив в действительности экономически, классово, идеологически был довольно разношёрстным. Не менее разнообразна была и степень подготовленности его абитуриентов: одни имели законченное классическое образование в объёме гимназии, реального училища, семинарии с аттестатом зрело-

сти, другие — в объёме единой трудовой школы, пришедшей на смену первым с 1920 года, значительно уступающей им, третьи — в объёме ускоренных школ рабочей молодёжи.

В социальном разрезе большинство поступающих составляли: дети зажиточных казаков-хлеборобов (к этому времени была ликвидирована только помещичья группа), дети НЭП-манов, понятно, в основном завуалированных в целях избежания чисток и, конечно, платы за правоучения, дети служащих, в меньшей степени — дети рабочих и других социальных групп.

Как видите, оснований для противоречий существовало немало!

Плата за обучение, существовавшая до 4-го курса была довольно внушительной — 250 червонцев в год, что равноценно 300 рублям в золоте.

Внесение этой суммы представляло, понятно, колоссальные затруднения, а для меня лично, при условии обложения, совершенно непреодолимые.

Это обстоятельство вызывало массовую реакцию подлогов. Родители как-то выпутывались, находили возможности представления дутых документов о своей материальной несостоятельности и пролетарской классовой принадлежности.

Я лично оперировал документами из Красной армии и справкой о сиротстве. При условии работы самого студента, его справка с места работы о получаемой зарплате укрепляла достоверность справки, представляемой родителями.

Подумайте: кому интересно работать при материальной обеспеченности родителей, зная, что это осложнит эффективность успеваемости, состояние здоровья и т.д.

В итоге складывалось: группа платящих за обучение колебалась как в количестве, так и величине платы. Эта группа не была стабильной: одни находили причины освобождения от уплаты, другие, наоборот, включались.

А в общем, в этом вопросе было много наивности: ректорат не наводил справок достоверности представляемой документации, да, собственно, он не был заинтересован в разоблачениях.

Наоборот, ему было выгоднее иметь студенческий коллектив бедных социальных классов, действительных или фиктивных, что являлось чрезвычайно важным фактором правовой устойчивости института.

Здесь, в Краснодаре, ВУЗы возникли стихийно, их положение было неустойчивым. В связи с отсутствием необходимых материальных средств на содержание вопрос закрытия возникал неоднократно. Эта тенденция могла стать реальной при условии дополнительного фактора.

Не менее озабочивающим моментом того периода были чистки. Исключению подвергались главным образом по социально-классовому признаку. Мотивировкой для исключения могла служить неуспеваемость студента, хотя фактически её не было.

Изволь: доказывай, что ты не верблюд!

Опровергнуть обвинение в чуждой классовой принадлежности — куда легче!

Более просто исключить — назначить 250 червонцев!

Масса трагедий на этой почве...

К сожалению, в среде студентов были лица, занимавшиеся в порядке подхалимажа, возможно, из любви к искусству, возможно, из-за тридцати сребренников, интригами, писанием анонимных записок или даже прямых ложных доносов.

Всё это создавало обстановку нервозности, настроенности во взаимоотношениях между студентами или даже — недоверия. Контакты строились по принципу: «Избави, Боже, меня от друзей, а от врагов я сам избавлюсь!» При таких условиях коллектива, проникнутого единством студенческого духа, не могло быть. Только постепенно, в процессе длительного контакта, составлялись отдельные студенческие группы, связанные доверием, общностью интересов и взглядов.

Государственные стипендии существовали в чрезвычайно ограниченных количествах: их получали несколько человек из верхушки актива. Мало кто интересовался ими, зная невозможность её получения. Это обстоятельство в свою очередь заставляло некоторую группу студентов работать.

А по характеру, специфике учения, работа была возможна или ночная, или сдельная, или же такая, которая могла регулироваться по своему усмотрению, чтобы не мешать учебному процессу. Отсюда, должности ночных сторожей, особенно в закрытых помещениях, в домоуправлениях были дефицитны.

Я работал за два червонца домкомом и периодически, для приобретения одежды, грузчиком на пристани.

Общегосударственных или даже общекурсовых студенческих развлекательных вечеров никогда не было, редко были официальные общие собрания, посвященные анализу успеваемости, учебных планов, выборам студкома и т.д.

Танцы рассматривались как мелкобуржуазное наследие, а костюмы с галстуком, как проявление мещанства. Дело, конечно, не во взглядах, а в тех выводах, какие, на этом основании, делались. И только на пятом курсе, в последнем семестре, т.е. непосредственно пред окончанием, были надеты костюмы где-то до этого хранившиеся или специально сшиты.

Точно также тогда отсутствовал метод центрального распределения молодых специалистов: в предложениях недостатка не было. Работа подыскивалась (выбиралась) в индивидуальном порядке, по собственной инициативе.

После получения дипломов курсовой коллектив, вообще не отличавшийся спаянностью, распался совершенно на индивидуумы с разными планами, задачами, часто антагонистическими интересами.

Почему?

Не забудьте, это же был НЭП, с возможностями частной практики и неизбежной при этом конкуренции!

Я уехал на месяц в родной дом, надеясь, что немного отдохну, а к этому времени ажиотаж устройства на работу прекратится, однокурсники мои разъедутся по местам, а я попытаюсь устроиться в клинике.

Отдохнул я, правда, за много лет прошлых и будущих, замечательно, а вот устроиться, как предполагал, не смог: не было платной ординатуры.

Я понял: что «ни царь, ни Бог и не герой»... надеяться не на кого, кроме как на себя... И уехал в одно из наиболее глухих мест, в одну из непопулярных станиц, разделённую на две половины: староверскую и нововерскую.

Станица кроме этого отличалась простотой построек и богатством скота и сельхозинвентаря.

Принят я был прекрасно.

На доброе отношение я всегда вдвойне отвечал добром...

Так началась настоящая жизнь.

Участок — обширный: более 25 тысяч населения... Широкое поле для практики, для наблюдений. Работы много: и днем и ночью, вечера отводились просматриванию литературы.

Школа не даёт абсолютных знаний, да и не может дать на все случаи жизни (невозможно!) Она даёт схему знаний, по которой нужно ориентироваться, совершенствоваться в теории и практике.

Участок интересен и тем обстоятельством, что за всю свою историю он увидел второго врача. С начала своего рождения (1921 г.) заведовал им врач — местный житель Я-в.

Я-вых — два брата.

Один из них успешно преуспевал торговлей (мишаными товарами) от дёгтя-ситца-халвы-селёдки, скупкой зерна и сдачей в аренду собственной земли (десятин двадцать). Его обширную усадьбу заполняли разнообразная птица, лошади, коровы, свиньи, овцы.

Другой брат занимал положение врача, уделял этой деятельности — своим прямым обязанностям по врачебному участку, очень мало внимания. Бездетный, материально обеспеченный, любил гостей, преферанс, пирушки. Его доход складывался из зарплаты, частной практики, сдачи в аренду такого же количества земли, как у брата. Главную же статью дохода составляли две паромолотилки, которые производили населению обмолот зерновых с половины июля и до октября.

Амбулатория передоверена фельдшеру.

Накануне моего приезда, старший брат, после национализации земли, солидного обложения, быстро ликвидировал

свое хозяйство, выехал в К. Оставшиеся товары сдал в сельпо для продажи на комиссионных условиях. Положение второго брата, врача, было несколько лучше: он рассматривался как врач, а не как кулак.

Какая простота, матушка!

Спустя годик-два положение для них было бы пощекотливее, пожалуй, похуже губернаторского: пришлось бы познакомиться с лесоразработками на севере. Теперь же, отдавая отчёт необходимости поскорее отсюда ретироваться, он, тем не менее, поджидал именно меня, надеясь продать свой дом мне.

Эх, как трудно расставаться с собственностью!

Я есть — я: один на белом свете, без копейки в кармане, в рубашке с оббитыми рукавами, живущий покамест в кредит!

Как я могу купить?

Но и у него положение: за что продать, лишь бы продать.

Бросать не хочется!

Покупателей нет, да и быть по тому времени не может!

Чрезвычайно либеральному отношению братья обязаны местному начальству. Начальство же являлось не меньшими хозяевами и, конечно, собутыльниками братьев, приятелями их.

Я знакомлюсь с участком...

В ближайшее воскресенье амбулатория открыта. Выходным днём была суббота. Больных не души, все в церкви. П.И. — фельдшер предупреждает, что скоро придёт начальство «разговляться».

Я сначала не понял: в чём дело?

Церковь на площади занимает центральное положение, примерно метров 200 к востоку от неё — амбулатория (располагается в бывшем купеческом доме). К югу от церкви, на таком же расстоянии, на возвышенности — станичный исполком, к западу от церкви, на таком же расстоянии, визави амбулатории — сельпо.

В 9–9.30 ч. раздаётся звон колоколов... Служба окончена. Народ из церкви густо расходится во все стороны... По пути домой, в амбулаторию идёт батюшка-отец Николай, почти одновременно с юга и с запада идут председатель совета и сель-

по. Оказывается, такова традиция воскресная... Пред завтраком, после «трудов праведных!»

П.И. заготовил мензурки по 150 гр. винного спирта и по 100 гр. лимонной кислоты... Шипучка!

Обычно, как говорит П.И., однократная доза являлась удовлетворяющей, но... на этот раз для знакомства была повторена... Батюшка хотел было затянуть: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный помилуй нас!» Но председатель предупредил: «Батя, помолчи, нам потолковать!» Ко мне: «Ты, что жа, мотрел дом?» Тут батюшка сорвался с высокой ноты, закончил разговорной речью: «Вся власть от Бога! Чадо моё, подчиняйся начальству!»

«Да, но... Откуда же у меня деньги?»

«Пустяки! Мы тебе по КЗОТу подъёмны, авансик... Сколько? Тыщенку?.. Нет, шалишь, добрую половину! Не захочить — забирьём!»

П.И., акушерка, батя, сельповец дружно поддержали...

«Да, ты, чито, на чемойдамах думаеш? Ни будя, запишим в жальцы, тута жанить будим!»

Как по уговору, а оно так и было, появился Я-в...

После непродолжительного разговора, договорились: 250 рублей наличными, 250 рублей с рассрочкой на три месяца...

Исполком утвердил купчую...

Так стал я собственником дома, сада, хозяйственных служб (стоимостью в несколько тысяч!)

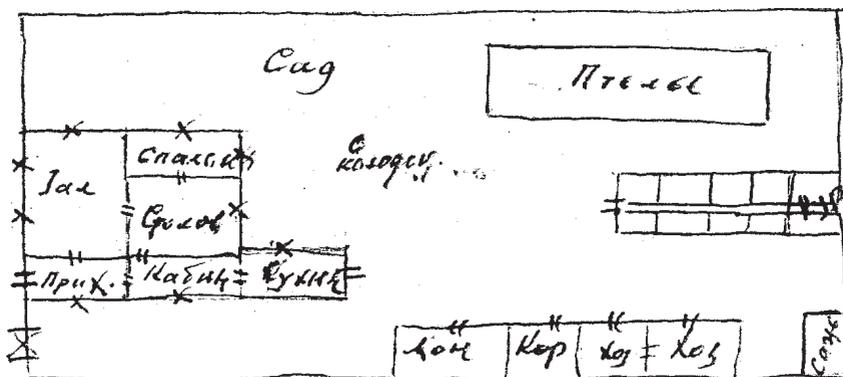
Занял я зал с парадным ходом, поставил столик, пару стульев, кровать, взятые на время у фельдшера ...

Так началась моя врачебная жизнь!

Учителя местные посмеиваются... «С кем поведёшься, того наберёшься! Из молодых, да ранний!»

Председатель явно покровительствовал мне... с определёнными планами на будущее... своей дочери — Настеньки, 18 лет глупенькой и вдобавок — дурнушки...

В одно из ранних воскресных дней председатель приглашает меня на ярмарку в Лабинскую: «Посмотрим, прогуляемся!»

План дома, сада, хозяйственных служб

Идём в скотном ряду...

«Вот чиво нужна... Ну-ка, мотри!»

Пред нами — жеребец серой масти в яблоках, высокого роста, рысак. Так и кажется: сейчас укусит или ударит передними ногами... А в действительности, кроткий, смирный, как ребёнок... Правда, немного тяжеловат...

Продаёт немец — колонист.

Купили, привели, поставили в больничную конюшню...

«Теперь ни будишь лезть к нам! Нужна? Запрёг, поехал в Армавир, али к больным, али куды занадобиться!» Да, до Армавира — 36 километров... В упряжке, в кабриолете Мальчик (так его назвал я) выглядел отлично... Бывали зимние дни с пургой, вьюгой... Любил я на санках, запряжённых Мальчиком, выехать в поле в такую погоду...

Приятель мой — бухгалтер сельпо З-в говорит: «Теперь остаётся развести во дворе живность!» Смеёмся...

Пожалуй, так и было бы, но... мне одному это уже не под силу...

Пишу: «Мама, приезжай!»

«Нет, сынок, не могу, дочке я нужнее!»

Проработал я здесь более пяти лет... Уезжая отсюда, подарил я этот дом амбулатории...

Мальчика взял исполком. Прожил он мало! Я замечал и ранее у него запал — порок сердца...

В голодный 33-й год, один из членов исполкома проверял колхозников, идущих с поля. У многих из них были кочаны кукурузы... Гнал Мальчика поперёк поля...

На одном из таких загонов Мальчик упал и больше уже не поднялся...

Боя я подарил завед. аптекой, а Дюрю... погиб в ночь отъезда... По-видимому, у него застряла в горле кость... Он погиб от асфиксии...

Я несколько забежал вперёд...

Появилось здесь у меня и время для отдыха... Завёл отличных — кровных собак (пойнтеров). Здесь я понял прелесть охоты с подружейными собаками на перепелов и реже — куро-ропатов...

Вот так и коротали...

Шло время, пополнялись знания, приобретался опыт, рос авторитет... Везде, кругом ссоры, неприятности, подсиживания... Это между вчерашними однокурсниками! Я на участке один со своими стариками — фельдшерами.

Проработал я врачом более 45 лет... Лучшими годами своей деятельности считаю вот этот периферийный период!

И жил бы... если бы...

Но не будем забегать!

Моя квартира, а потом — усадьба, была на стороне староверов... Упрямый, строгий народ... Фанатичный...

А я сжился, подружил...

Уроки истории немногим коснулись их быта, верований...

По субботам старики брали меня с собой в баню... Много в их среде от персонажей «В лесах» Мельникова-Печерского.

Незаметно промелькнул год. Появилась необходимость анализа работы...

Наиболее её доступной формой является переписка, письменный обмен мнениями, опытом.

Переписка вначале, что характерно, обширная, постепенно угасает. Наиболее практически-выгодная форма — это личный

контакт. Коля П-ский сообщал об устройстве на усовершенствование по хирургии в клинику профессора Юдина.

Блестящий хирург, отличный клиницист, разносторонне образованный, работавший в клинике братьев Мейё в порядке культурного обмена с Америкой, владеющий многими языками, хороший пианист.

Есть в чём позавидовать Коле!

В 1930-х годах прибывшая комиссия из Франции смотрела в клинике Юдина его операцию — резекцию желудка по поводу рака. Ассистировал Коля... Операция произвела впечатление своей быстротой, виртуозностью...

Коля скоро получил назначение главным хирургом Кабардино-Балкарской республики...

А ещё чрез небольшой промежуток времени, в 1936 г. он в числе многих других был арестован. В чрезвычайно тяжёлых условиях находился в тюрьме более полугода. По-видимому, дремавшая форма туберкулёза активизировалась. Он был освобождён, приезжал ко мне на пару дней, но... это был труп... умер чрез два месяца...

Погиб прекрасный товарищ, талантливейший врач!

За ним скоро последовал в могилу и его учитель — Юдин. Подобных друзей, как Коля, у меня больше не было!

Мои 4-х летние попытки устроиться где-то в клинике прямым путём и через разные виды конкурсов ни к чему не приводили: в лучшем случае на свои многочисленные просьбы, запросы, письма, заявления получал письменный отказ.

Блат, протезе — вот базис движения вперёд!

Я их не имел...

В начале 1930 года состоялся личный контакт. Нас было три врача-мужчины и одна женщина. Делимся впечатлениями, новостями, разными случаями деятельности.

Время — далеко за полночь...

Настенька, жена С. разливает чай...

«Как мне не жаль, Настенька, а к осени придётся нам расстаться! Другого положения нет! Другом ты мне останешься навсегда!»

Посмеялись... Каждый подумал: «Кажется немного переборщил!»

«То было раннею весной»...

А осенью развод всё-таки состоялся... А ещё чрез полгода наш герой П.С. женился на дочери профессора-хирурга, получил клиническую ординатуру...

Чрез год мы поздравляли его с кандидатской, а ещё чрез два года с доцентским курсом...

Путь открыт... Хорошо ли, плохо?

А Настеньку покамест он действительно не забыл, устроил вблизи, помогает...

Скажите: «Исключительный случай?»

Нет, распространённый!

Жизнь изобилует подобными примерами...

Посмотрите вокруг себя!

Судьба уготовила мне положение холостяка до второй половины 1932 года, а я всё жду, надеюсь...

Возможно, это обстоятельство, а, возможно, и другие мотивы явились причиной выдвижения меня на общественные должности. По-видимому, тщеславия ради, и лично я склонен был выполнять эти нагрузки: в институте, на протяжении пяти с половиной лет я являлся членом Студкома. Теперь мне поручили обязанности председателя врачебной секции района и члена президиума области.

А с другой стороны, кто бы ещё мог явиться кандидатом на эту должность?

Мои преимущества: хорошее состояние участка, деловые взаимоотношения, лишённые конфликтов, как в мед. среде, так и с администрацией, возможность, не склоняя головы ни перед кем, выехать в любое время, особенно при наличии транспорта, по необходимым делам. Положение председателя обязывало ставить на обсуждение разбор врачебных ошибок, конфликтов, тяжб и прочих неприятностей.

Ошибки есть ошибки: они, к сожалению, не исключение и во врачебной деятельности. Ежемесячные патологоана-

томические конференции доставляли всем удовлетворение: на ошибках мы учимся, «Мёртвые учат живых!»

Разбор же конфликтов, жалоб, анонимок, явно вредных в профессиональной деятельности, тем более ещё вчерашних однокурсников, а теперь врагов, представляли трудную задачу, требующую подчас довольно деликатных, дипломатичных приёмов, реже — административных взысканий.

Иногда удавалось мирить, чаще — умиротворять.

«Люди гибнут за металл!»

Жизнь есть жизнь!

Мы её делаем нервной, нетерпимой, неудавшейся!

За период моей работы на участке штат его значительно расширился: с 3-х единиц до 15. Объём работы увеличился. Удалось мне организовать больницу на 30 коек.

И всё-таки это было далеко не то, что хотелось: приходилось вариться в собственном соку.

В период голодного года, в первой четверти 1933 года, я переехал сначала в Туапсе, а затем в Краснодар. Здесь, в клинике получил специализацию, чрез пару лет — усовершенствование в Москве (в Центральном институте).

В 1934 году командировка в Калмыцкие степи, на борьбу с чумой. Работа чрезвычайно опасная, нервная, ответственная. Нас три бездетных мужчины-врача прибыли на чумную станцию в Зимовники. Поезд остановился только на минуту, чтобы только нас высадить.

Поражающая здесь равнина ковыльных степей, царство пернатой дичи: дроф, стрепетов, перепелов и др. Я знаю Таврические степи, но они менее обширны, но также поражают равнинностью. И там, и здесь края овцеводческие.

Расстояния между населёнными пунктами исчисляются десятками километров.

Река Сал с обилием рыбы и раков.

На противочумной станции нашли мы ещё человек 10–12 врачей из разных мест и специалистов из чумных институтов Ростова, Саратова.

Ожидаем начальство день, два, три...

Наконец... Прилетает ЧУК (чрезвычайно уполномоченный края) тогда ещё Азово-Черноморского края... Собрание...

Лаконично, небрежным, привыкшим к власти, взглядом: «в 8-м овцеведческом совхозе, в 80 километрах, вспышка заболеваний... Предлагаю вылет на самолете добровольцу.

Итак, жду... Кто?»

Глубокая пауза молчания... Все опустили головы... Кому интересно подставлять её чуме в зубы?

Не выдержали нервы... Встал... Предложил свою кандидатуру...

Пауза ...

Строго ко мне: «Займите место справа от меня... Представляю вам моего заместителя... Распределите врачей по населённым пунктам ... Немедленно приступить к реализации приказа и инструкции!»

И работа началась...

Работа большая... с мобилизацией населения, с участием химического военного соединения, борьбой по уничтожению грызунов, с трёхкилометровой обработкой зоны вокруг населённых пунктов, с обкапыванием строений, их хлорпикринизацией, поголовной термометрией населения...

Вот куда вложена энергия, заботы...

Тем приятнее было сознавать своё полезное участие в этой чрезвычайно нужной работе...

Не успел я ещё «отдышаться», а в следующем 1935 году опять командировка и опять на полгода на борьбу с инфекционными заболеваниями среди переселенцев, прибывших сюда в плановом порядке, на жительство в некоторые совершенно опустевшие «после саботажа» станицы, как, например, Полтавскую, переименованную в Красноармейскую, из которой остатки её коренного населения были полностью выселены на север.

Среди переселенцев (демобилизованных красноармейцев с их семьями), прибывших сюда в основном из Курской и Орловской областей, не иммунизированных к заболеваниям данной местности и особенностям климатических условий, сви-

репствовали тяжелейшие формы главным образом малярии, протекавшей в жестоких приступах ознобов, потери сознания, подъёмов температуры выше 40 градусов, с коллапсом, с нередко смертельными исходами.

Переселенцы прибыли ранней весной и сразу же, при первом вылете комаров, большинство их было инфицировано. Заболеваемость сразу приняла массовый характер. В каждом доме лазарет: все лежат, от детей до взрослых, стонут, бредят.

Семьи, как правило, большие, патриархальные: дед, отец, сыновья, зятья, дочери, снохи, внучата и т.д.

Тяжелейшая обстановка!

Земля, огороды не обработаны...

Переселенцы — люди невысокой культуры, суеверные, напуганные, бросали всё своё привезённое добро и панически устремлялись обратно к себе в родные места, окончательно разоряясь. Сюда они ехали с удобствами, с полным своим хозяйством (лошадьми, коровами, овцами, курами, посевным материалом, запасом продуктов, сельскохозяйственным инвентарём).

Теперь скот нещадно резался, привезённое приходило в негодность.

Положение катастрофическое!

Попытки Политотдела всячески облегчить положение, поддержать паникёров, достигали ограниченных результатов...

Главное — здоровье!

Основная работа принадлежала медицинским работникам, правильной её организации... И... работа началась... Полная самопожертвования... Только яркая эффективность могла изменить состояние, могла остановить этот обезумевший поток бегства... Мне выпала доля руководить стационаром и одновременно выполнять функции советника в Политотделе по организационно-лечебным вопросам... Важно было сгладить хотя бы тяжесть заболеваний, ликвидировать смертность, продержаться до осени...

Велись: лечебная, не останавливаясь ни днем, ни ночью, просветительная, профилактическая, организационная работы...

И победа была завоёвана: 75% переселенцев остались на месте, заболеваемость пошла резко на убыль, а потом полностью была ликвидирована.

Политотдел вручил мне ряд благодарностей, благодарность и 500-рублёвую премию по краю. Переселенцы подарили мне овцу... А жаль: тогда ещё не существовало наград орденами!

Мой долг обязывал меня выполнять поручения с полной отдачей энергии. И я старался честно это выполнять!

Большим тормозом для меня являлись ежегодные территориальные воинские сборы в лагерях. На протяжении ряда лет, по существу до начала войны с Финляндией, я принуждён был жертвовать самый драгоценный период года (с мая до октября), находясь здесь, в лагерях, по должности врача для поручений при штабе дивизии: готовили меня возглавить медико-санитарную службу войскового соединения на случай войны.

Судьбе было угодно поступить иначе...

Началась война с Финляндией... Количество мобилизованных врачей было ограничено. В К-ре организован госпиталь, в нём я работал.

Всё это, к сожалению, отвлекало меня от научной работы!

Моя беда — постоянный цейтнот!

В 1941 году, за месяц до начала Великой Отечественной войны я был мобилизован и работал в Комиссии по районам края. По-видимому, начальство готовилось, предвидя войну. Война и объявленная мобилизация застали меня на этой должности. Все планы, как известно, сразу же полетели к чёрту, вверх тормашками. Военкомат наскоро выполнял заявки...

Комиссия продолжала работать с 12-часовой нагрузкой. Наконец, все заявки по мобилизации и распределению, в частности, медицинского состава были исчерпаны. Комиссию ликвидировали. Меня назначили начальником 1-го отделения Госпиталя № 1606.

Да, на этот раз мне повезло!

Работе в Комиссии я обязан, что в самый тяжёлый период отступления армии не попал в действующие части и не разделил их печальную участь.

«Что не делается, то к лучшему!»

Пословица — глупая, но на этот раз себя оправдала! Началась новая, совершенно неизвестная работа, не имеющая опыта, но и здесь осложняющаяся командировками... Бичь мой! Крымская операция... Керченская трагедия... Кошмар! Эта ужасная переправа через Керченский пролив, непрерывные налёты, бомбардировки, эвакуация на катерах под непрерывным огнём неприятеля, переправа с помощью досок, автомобильных шин, крики тонущих, уносимых течением в Чёрное море... Ужасная обстановка!

В связи с приближением немцев, взятием ими Керчи, Ростова, госпиталь принуждён был эвакуироваться сначала на Кавказ (Грозный, Баку, Кировакан, опять Баку), а затем — Астрахань, Волгоград... Движение от Махач-Калы до Астрахани проходило по только что наскоро проложенной железной дороге, параллельно Каспийскому морю, недалеко с него.

Госпитальный эшелон (наш хирургический и инфекционный госпитали) двигался третьим на этом пути, вслед за впереди, где-то километрах в двадцати друг от друга, двигавшимся двумя составами паровозов, переправляемых на Астрахань-Саратовскую железную дорогу.

Можно ли назвать наш эшелон воинским?

Нет, конечно!

В его составе никакого оружия, никакой охраны, прикрытия, полно беженцев (детей, родственников, знакомых), никаких транспортных средств. Лошади, автомашины сданы в Азербайджане...

Железная дорога — примитивная: шпалы лежат чуть ли не на земле... Почва — супесчаная...

На всём протяжении до Астрахани никаких станций, никаких баз снабжения (вода, уголь), никаких средств ремонта, никакой связи с населением, населёнными пунктами. Кое-где, на километр от полотна, землянки с одним-двумя ничего не знающими людьми, неизвестно для какой цели здесь находящимися.

Путь наш был подобен движению Христа с тяжёлым крестом на Голгофу!

Предоставлены только сами себе...

Поезд движется со скоростью в лучшем случае пешехода — пять-шесть километров в час, часто помногу стоит. Рядом с ним идут сотrudники, зорко, боязливо взглядываясь в небо, горизонт: не появится ли в поле зрения вражеский самолёт или танк.

Безоблачное небо!

Степь... Степь... с осенней порыжевшей травой...

Равнина на сотни километров... тысячи квадратных километров... Ногайская степь... Степь «Чёрных земель»... Калмыцкие степи... Астраханские степи...

Степь... Русская степь... «Не сравниться с тобой ни морям, ни лесам!»

Изредка на горизонте появится стадо антилоп-сайгаков, стаи величавых дроф... Взлетит в небо жаворонок, пропоёт свою торжественную песнь природе, и опять тихо, тишина, изредка нарушаемая свистом суслика.

Ни холма, ни деревца...

К востоку — Каспийское море, к западу... где-то там, за сотню километров, у населённых пунктов — калмыцких станиц — немцы... До Каспийского моря никто им не противопоставлен...

Землянка... Выглядывают два заросших бородами, типа неандертальцев, человека...

«Ну, что здесь у вас происходит?»

«Сами видите... Вчера был здесь немецкий разведочный танк... Один говорит по-русски... Вот дали для распространения листовки, газеты, брошюры... Покурили... Угостили нас, уехали на запад...»

Да, положение!

И всё-таки посчастливилось... на этом пути... прошли... Немцы за этой дорогой покамест не следили, не верили в возможность её эксплуатации...

На всём пути движения я был назначен дежурным хирургом... Больше никому!

Вместе с двумя операционными сестрами и двумя санитарками находился в отдельном — специальном, прекрасном ва-

гоне с запасом воды и других условий, готовый в любую минуту приступить к работе...

К счастью на этом пути это не потребовалось...

В Астрахани наш эшелон целиком был переправлен паромом на железную дорогу в направлении Саратова...

И опять движение, правда, быстрее, но с более длительными остановками.

Да, картина здесь иная: война — жесточайшая война! Разрушены все станции: ни одной целой водонапорной башни, ни одного целого здания... Кругом следы разрушений...

Во многих местах разрушено полотно железной дороги, зияют огромные воронки... образованы объездные пути...

В Астрахани нашему эшелону придан вагон с открытой площадкой, с установленными на ней пулемётами...

Служба наблюдения зорко посматривает на небо...

И, наконец...

Одна у меня характерная особенность — рано пробуждаться от сна. Так за мной и сохранилась кличка: «полуночник».

Спит эшелон... Приятен сон на утренней зорьке изнурённых людей: вот уже три месяца томящихся в вагонах, без элементарных удобств...

В этот день... Злополучный... 12 октября, замедляя движение под уклон, поезд приближался к станции Верблюд...

Вдруг, глядя в окно, думая в это время о доме, вижу три, быстро приближающихся с северо-запада, на небольшой высоте, двухмоторных чёрных юнкерса...

Невероятный шум, рёв, взрывы, дым, пожар...

Крики людей... Они, не глядя, бегут по полю... Треск...

Самолёты разворачиваются второй раз и ещё раз...

Опять взрывы, шум, грохот...

Безнаказанно творится чёрное дело войны... Стихло...

«Сёстры, немедленно готовьтесь, мыться!»

Поезд в полкилометре остановился от станции...

Плачь, крики, горят вагоны...

От инфекционного госпиталя остались единицы людей... Погибли люди, сгорело имущество... Потери нашего госпиталя: пять убитых, двенадцать раненых... Сгорели часть имущества и продуктов...

Ранен и я в грудной отдел позвоночника... Спасли два одеяла... Два казённых шерстяных одеяла закрывали восточное окно с треснутым стеклом, защищая от пыли и холода, одно от другого на расстоянии 20–25 см.

Молитвы детей дошли до Бога!

Удар пришёлся плашмя, после того как осколок прошёл через два одеяла... Он вызвал контузию этой части спинного мозга с кровоизлиянием в оболочки (гематомиелия)...

Испытывая слабость в нижних конечностях, на протяжении полутора месяцев остался на посту.

Судьба нам покровительствовала: случись это в Калмыцких степях или не возле вокзала (станции), положение наше было бы трагичнее!

Хоронили людей, сбросили с пути негодные вагоны, привели себя в кое-какой порядок, освободились в основном от домочадцев. Они, не желая больше рисковать, покинули поезд, ушли в находящийся вблизи казахский кишлак...

Движение дальше продолжалось в исковерканных вагонах, без единого стекла: в течение 15 минут блестящий международный поезд превратился в барахло...

Чем дальше на север, чем ближе к Волгограду, тем всё больше и больше разрушений...

Озеро Эльтон, Баскунчак... Холмы соли... Поставщики её всей стране... И в тоже время отличный в ночное время ориентир для авиации: немцы разворачиваются у озера, летят на Волгоград. Им помогают и рельсы в лунные ночи...

Всё разрушено вокруг...

Люди ушли в глубину казахских степей, под землю. И только чёрные от сажи дымоходные трубы торчат, как кресты на кладбище, свидетельствуя: здесь когда-то были станция Эльтон и одноимённый посёлок...

Волга, видевшая на своём веку много страданий, испытывает небывалые никогда беды, ужасы пожаров, разрушений, гибели людей. Как специально зажжённые факелы горят танкеры, баржи, пароходы...

Мороз пришёл па помощь... Волга уснула, наконец, сковалась льдом.

Уложенные брёвна, балки поперёк её, образовали мост.

Продолжается великая Волгоградская эпопея...

Из «осколков разбитого вдребезги» нечеловеческими усилиями работников, госпиталь, казавшийся работомёртвым, всё же воскрес: был развёрнут и принимал раненых сначала в селе Блюменфельд (из которого вначале войны немцы были переселены глубже на восток), а через месяц передислоцирован в г. Красноармейск к югу от Волгограда.

В истории госпиталя период Казахских степей, Блюменфельда — Красноармейска был самым морально тяжёлым...

Жуткое время!

Лютая зима... Беспрерывный ураганный северо-восточный ветер... Морозы в 20–40 градусов...

Плохое, полуголодное питание... Американские консервы (тушенка, колбаса) — предмет мечты...

Отсутствие топлива: отоплялись верблюжьим бурьяном, который рвали из-под снега...

Колоссальная завшивленность раненых... И над всем этим довлеют тоска по семье, неизвестность её состояния...

Кругом заснеженная голодная степь!

Успешная победоносная завершённая Волгоградской эпопеи вдохнула надежду...

Из Красноармейска я был командирован в Волгоград для осмотра состояния больных и раненых немцев в их госпиталях.

Госпитали организованы в глубоких подвалах, конечно, разрушенных зданий, по системе нар, покрытых соломенными матрацами или даже просто на соломе, постеленной на цементном полу из-за недостатка мест на нарах. Состояние чрезвычайно тяжелое: вшивость, антисанитария, спёртость воздуха.

Процесс эвакуации в глубокий тыл, по-видимому, был организован неплохо: главная масса раненых и отмороженных — последних дней. Мне удалось наблюдать ампутацию бедра по поводу нежизнеспособности голени после ранения (гангрена). Оперировал немецкий врач, ассистировал русский врач, только летом закончивший институт и сразу же попавший в плен.

Операция производилась грубо, травматично, неумело: можно заранее предугадать печальный исход... И в тоже время: а где тот, другой — опытный хирург, где его взять?

Умолял меня пленный врач выручить его, но... как это сделать?

Недели чрез две-три этот немецкий госпиталь и другие были сведены в один и дислоцированы в Красноармейске против моего отделения. Неоднократно я приглашался для консультаций. Дальнейшая судьба пленного врача мне осталась неизвестной: конечно, суда не избежит!

В составе их госпиталя основную массу больных теперь составляли дистрофики, с высоким % смертности.

13 февраля 1943 года опять срочная командировка с 10-ю сотрудниками на 3-х «студебекерах» в Зерноград в качестве головной части госпиталя, для приёма раненых и развёртывания здесь госпиталя.

Зерноград — это центр громадного научно-исследовательского совхоза, состоящий из десятка двухэтажных зданий, сравнительно уцелевших, но загаженных, совершенно без стёкол. Рядом, в километре — хутор.

Места мне знакомые, соседствуют с Егорлыцкой — Сальском. Зерноград — молодой населённый пункт. Он нёс нам новые испытания...

В истории Великой Отечественной войны положение госпиталя № 1606 здесь, в Зернограде, во главе медико-санитарной службы фронта, на главном стратегическом направлении, было исключительным: на госпиталь, стоявший впереди на железной дороге, вблизи Батайска, падал основной удар. Возможно, равное ему по объёму работы имело место только в единицах госпиталей страны.

Не зная, что ожидает впереди, ехать было приятно:

- а) с сознанием, что двигаемся вперёд,
- б) с надеждой на возможно скорую связь с семьёй,
- в) с хорошим настроением близости весны.

Неоднократно выходил я из машины, обнажал голову, подставляя её ласкающему тёплому солнцу... Таял снег...

Третий раз топтал я эту землю.

Вот-вот начнётся перелёт, как и тогда...

Начинается новая фаза жизни природы...

В Зернограде:

1) никто мне раненых не сдавал; они находились, где только было возможно, а в основном в домах хутора.

2) Санбат и ППГ спешно покинули Зерноград, двинулись к Батайску. Бои шли в Ростове, Таганроге.

3) Мне сообщали о нескольких тысячах раненых, больных, обмороженных, контуженных. В действительности их оказалось более десяти тысяч.

Что делать, с чего начать?

Такая армия, требующих помощи, питания, госпитализации, свалилась на мою голову впервые.

Немедленно потребовал явиться ко мне председателя совета с возможно большим количеством депутатов и граждан.

«Видите? У нас, кроме этих девяти человек никого — ничего нет... Поможете нам?»

Немедленно мобилизовать всё способное население хутора и организовать:

1) ремонтные бригады (чистить, мыть загажённые здания, стеклить или заделывать фанерой, строить нары),

2) бригадыстряпух — поваров (собрать у населения в счёт налога продукты питания, кормить людей),

3) роты содействия из легкораненых для доставки воды, организации административно-хозяйственных служб. Здесь же из офицерского состава назначены командиры подразделений.

4) Организовать операционной сестре перевязочную-операционную. Лично мне немедленно приступить к обходу тяжелораненых.

5) Офицерам с помощью писарей организовать регистрацию раненых и больных.

В течение 5-ти суток была проделана громадная работа: к приезду основной части главное было сделано. Это стоило страшного напряжения, нервов, здоровья, отсутствия сна. Удалось отстоять от смерти многих из тяжелораненых, что представляет особую ценность.

Госпиталь выдерживал колоссальный поток раненых. Шли тяжёлые бои у Таганрога. Он ежедневно принимал 250–500 раненых, обрабатывал их, документировал, распределял по отделениям и в тоже время такую же группу эвакуировал в тыл.

Адская работа!

Подобного объёма работы в дальнейшем госпиталь никогда не имел.

Моральное состояние сотрудников было отличное: наладилась связь с родными, некоторые из сотрудников побывали дома...

У меня 29 октября родился сын.

Мне в поездке домой было отказано.

Моё положение в госпитале было сложным:

1. Я был начальником 1-го отделения с самым тяжелым контингентом раненых.

2. По положению являлся заместителем ведущего хирурга. Ко мне в отделение переправлялись все отяжелевшие случаи с кровотечением, газовой гангреной и пр. из других отделений. Покоя у меня не было. Жил я в отделении.

3. Ведущий хирург (царство ему небесное!) — старик, неработоспособен. Свои консультации он начинал с закуски: аппетит — поразительный! Дело сводилось к тому, что ему подсовывали документацию, и он подписывал. Мне, к сожалению, от этого легче не было: работа падала на меня.

Беда была и в том, что его сын был у меня ординатором...

Маменькин сынок! А маменька не отставала от госпиталя... Он уходил на завтрак, на обед, полдник... И конечно, кушал не стоя, за работой... Ко всему — отдыхал часа два...

Второй ординатор — женщина и тоже с семьёй, но она не была лишена совести, отличалась деловитостью, исполнительностью.

Было и хорошее явление.

Подготовил я 3-х санитаров из раненых, научил технике гипсования.

Ребята работали прекрасно!

Я всячески укрывал их от возвращения на фронт. Понятно, они были признательны и преданы мне: готовили есть, доставали где-то продукты питания, ведали хозяйством.

Приём раненых осуществлялся бригадами. Первую бригаду возглавлял я.

Ночью, принимая прибывший эшелон раненых, обрабатывая их, иногда приходишь до потери сознания... А вот и Иван, просит отойти от операционного стола, поднимает маску, подносит либо чашку чая, либо какую-либо закуску, а иногда кувшин густого, сладкого раствора кишмиша.

И опять восстановление сил, прилив энергии. В один из августовских дней 1943 года, работая над прибывшим эшелоном раненых, я заметил старика — полковника, находящегося здесь вместе с Начальником госпиталя. Сообщили, что это академик Украинской академии.

По окончании приёма он и Н-к госпиталя задали мне ряд вопросов в связи с приёмом.

Прощаясь, он заявляет: «Вы, надеюсь, уже готовы? Самолёт прибудет сегодня!»

«Я вас не понимаю!»

Он смотрит на Н-ка госпиталя... «Да, я воздержался от сообщения, так как надеялся, что перевод не состоится».

«Нет, вас сегодня ожидают, идите, готовьтесь!»

В штабе был приказ...

Консервативен человек!

Тоскливо мне стало, не хотелось мне покидать своих краснодарцев, несмотря на ряд неприятных здесь обстоятельств...

Каково же было моё удивление радушной встречей меня персоналом и Н-ком авиагоспиталя (бывшим до войны ректором института усовершенствования врачей).

«Под боком дом и вы его не навестили?»

Сын родился?

Завтра предоставляю вам самолёт на двое суток, потерпим, работа ещё не развёрнута... Да тем более после полёта, который чуть-чуть не стоил вам головы».

Дело в том, что действительно накануне мы очутились в довольно критическом положении...

На самолёте, который прибыл за мной в зерноград, мы поднялись в воздух в 16 часов 20 минут. Лётчик — лейтенант лет 20, только что окончил училище. В дубовское, куда можно лететь по прямой чрез степь, он почему-то не захотел, хотя это, пожалуй, вдвое сокращает путь, полетел вдоль железной дороги, ориентируясь на полотно. А путь этот (по рельсам) любим у немцев. Садясь, он предупредил меня наблюдать за небом сзади, а он будет осматривать небо спереди.

Между Егорлыцкой и Сальском на нас заходит Мессершмидт.

Лётчик немедленно снизился (с бреющего полёта) и сел. Несколько раз разворачивался Мессер, но снизиться он боится врезаться в землю. По-видимому, его запас бензина заставил быстро ретироваться.

А «кукурузник» — машина отличная, маневренная!

Любезностью Н-ка госпиталя я воспользовался с благодарностью, познакомился с сыном, хотя на руки он ко мне не пошёл.

Коллектив госпиталя состоял из шести врачей, дружных, серьёзных. В моём хирургическом отделении находилось в среднем до 50 человек. Случаи тяжелораненых были редки: они погибали либо в воздухе, либо при приземлении. Лечение в госпитале продолжалось до полного выздоровления. Эвакуации были показаны только случаи безнадежные для лётной работы.

Уроки Волгоградской эпопеи, когда лётчики из-за недостатка машин ставились в общий строй и, конечно, погибали или в лучшем случае потом терялись в потоке раненых, научили бережнее к ним относиться.

Итак, началась новая страница моей деятельности. Темп жизни с каждым днём нарастал. Частая смена мест базирования диктовалась ходом войны, несла всё новые и новые впечатления, переживания.

Решалась судьба Крыма.

Ближайшими базами дислокации были Мелитополь, Джанкой. Ценой громадных жертв немцы удерживали Севастополь, стремясь эвакуироваться морским путём. Бои идут в городе и главным образом за порт. Не утихает канонада ни днём, ни ночью. Меня срочно вызвали к командиру на командный пункт. Летел сюда ночью на двухмоторном истребителе... С высоты полёта открывалась панорама взрывов, огня, пожаров...

Это — ад!

Макеевка, Льгов — кратковременные этапы.

Заканчивались кратковременные этапы па Курской дуге... Не развёртывая госпиталя (речь идёт о его головной части, которую возглавлял я), в ожидании приказа, жили в имении маршала Пилсудского неподалеку от местечка Залещики.

Днестр... Плывут трупы...

С наступлением сумерек, особенно на противоположном берегу, сплошь поросшем кустарником, раздаются трели соловьев... Подлетит к открытому окну, займёт соловушка удобное место на ближайшей веточке... и всю ночь поёт, грохочет, трещит...

Я и ещё товарищ-врач поселились в доме на берегу Днепра... Комендант предложил перебазироваться в центр...

Осторожно, вокруг бродят бендеровцы!

Правда, врачи гарантированы от убийства, за ними охотятся в других целях! Их просто воруют для работы в их подземных госпиталях.

Женщина-врач с фельдшерницей из ППГ облюбовали место на краю села...

Ночь... Умоляющие просьбы двух мужчин и двух женщин: «Помогите, в квартале отсюда жена не может родить»...

Какой врач может отказать?

Пошли обе... Больше их никто не видел...

Записка: зарплата будет не 1000 рублей, а 10000.

ОБС сообщает — родители получали переводы из разных мест регулярно.

Трускавец...

Прекрасные санатории, уютные пансионаты... И здесь разговоры о бендеровцах, предупреждения... Убийства из-за угла. Ранней осенью 1944 года с головной частью госпиталя я прибыл в Станислав (теперь — Франко) и развернул его в замечательно удобном для этой цели — имении графа Потоцкого.

Хозяев нет... Ушли на запад... Некоторая прислуга с управляющим остались «оберегать» хозяйство.

Обширный двор, огороженный железной оградой, массой служебных построек, хороший двухэтажный дом, во всём опрятность, порядок, чистота.

Усадьба расположена в центре города. Городок — чистенький, утопает в садах.

Кругом лес...

Масса овощей, фруктов... Место замечательное!

Сотрудникам настолько опостытели разрушения, необходимость ремонта, организации, приведения в порядок самых элементарных служб, хотелось бы поработать здесь, ну хотя бы зиму. Беда одна: бендеровцы, к сожалению, как нигде здесь проявляют активность... Удобно: горы, лес... Удобства для засад...

Завязались бои в Венгрии. Приказано перебазировать госпиталь в Ужгород, в здание семинарии. Досадновато было оставлять удобства Станислава, но таково положение наше... Приказ не обсуждают!

В мое распоряжение было предоставлено 20 студебекеров. Погружено имущество, созданы удобства для 30 легкораненных, запаслись цепями и рано, ещё только серело, эшелон тронулся, покидая с грустью понравившееся нам место...

Дорога идёт петлями среди всё возвышающихся гор. Стрый — база бендеровцев, остался в стороне от нас. В местечке Турка — старте пути на перевал, осмотрены были авто-

машины, приказано было не отрываться друг от друга более 50 метров, годные держать автоматы рассажены на передние и задние машины... Легкий морозец... Густой туман, проникающий во все щели одежды, закрывает поле зрения...

Хмуρο выглядит восточная сторона Карпат!

Меня предупреждали: это характерная особенность, наоборот, западная, смотрящая в Европу (по глазам говорившего было видно, что он границей Европы считает эту западную сторону Карпат), представляет противоположную ей картину.

Студебекеры гудели, постепенно преодолевая подъем... Эхо гула далеко отзывалось в горах...

Минут чрез 15 эшелон подвергся обстрелу. Стрельба не могла быть прицельной: видимость из-за тумана была ограниченной, а подойти ближе не хватало у бендеровцев «пороха»... Свист пуль определялся значительно выше нашего уровня. Тем не менее, положение настораживало.

В ответ, по звукам, были даны залпы...

Продолжая медленно двигаться, не разрываясь, мы под обстрелом находились минут пятнадцать.

По мере приближения к перевалу туман редел и, наконец, пред нами предстала незабываемая панорама запада.

Солнце освещало заснеженную островками впереди равнину. Слева в поле зрения виднелся город Мукачев, справа — Ужгород. Машины наши, освободившись от тормозящих цепей, свободно, аллюром в 60–70 км в час двигались по отличному ровному шоссе в Ужгород. Въезжаем... Рынок завален горками душистых, краснобоких яблок... Яблочный аромат! Сотни магазинов и лавочек...

Пестрят надписи: «Мишани товары». Толпы крестьян в одежде гуцулов, труднопонимаемый язык...

И как это всё напоминает недалёкое прошлое, то, что было полсотни лет назад у нас! И если бы не рядом с этим, люди в современной одежде, можно было бы сказать: я вижу жизнь пятидесятилетней давности!

И в то же время: горсточка людей, отгороженных от своей Родины Карпатами, бросаемых судьбами истории из одной

страны в другую (Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша), искусственно разделяемых между ними, вынужденных приспособляться и подчиняться различным культурам, законам и языкам, подвергавшихся на протяжении веков воздействию чуждых культур, но всё же сумевших сохранить свою национальную культуру. Правда, длительное время она сохранялась на одном уровне, но стала опять прогрессировать, совершенствоваться с момента радиоконтактов. Эта горсточка не ассимилировалась, не затерялась среди других народов, но полностью сохранила свои обычаи, традиции, религию, язык, культуру.

Вот достойный пример патриотизма!

У трёхэтажного здания монастыря — семинарии католической церкви, я был встречен представителями ректората. По всем вопросам быстро был найден общий язык, и мы немедленно приступили к развёртыванию госпиталя. В моём распоряжении находились полностью 2-й и 3-й этажи. Католическая семинария имела на 1-м этаже учебные классы, церковь, частично квартиры. Парадный ход — общий.

Стоял декабрь... с небольшими морозцем и снегом.

Как-то выходя, у парадной двери столкнулся с одним из представителей ректората. «Вы же, пожалуйста, доктор, не забудьте пожаловать к нам на Рождественский стол». Я поблагодарил...

Следует заметить, представителей религиозного культа было довольно много... Может быть из них часть — студенты? Да и вели себя — развязно: ходят в штатских костюмах, бесцеремонно приходят в клуб госпитальный, танцуют, смотрят кинофильмы. Во мне они ценили хирургическую специальность, относились с уважением. Возможно, имела значение национальность: евреев они, по-видимому, недолюбливали...

На званном «разговеньи» были все врачи (кроме Т-ва и меня все евреи). В порядке разговора я коснулся некоторых специфических вопросов... «Откуда вы всё это знаете?»

Дня чрез два мне было приказано отбыть в Станислав за второй частью госпиталя... Начальник и его окружение

с семьями выехали поездом... по-видимому, не желая подвергаться обстрелу...

Утром стоит санитарная машина у подъезда, ожидая меня. Здесь же группа семинарского начальства. Меня просят подвезти по пути двух человек: один из них высокий, статный, представительный старик лет 65, в отличной шубе, прекрасно говорит по-русски. Оказывается, это настоятель монастыря, здесь служил Рождественскую службу. На окраине города они сошли, поблагодарили, указали на ряд зданий, пригласили на обратном пути заехать, познакомиться с хозяйством.

Пред этим произошло чрезвычайное событие в соседнем — 3-м Украинском фронте...

Командующий фронтом маршал Ватутин, пролетая над лесами Карпат, был ранен в обе голени бендеровцами. Его срочно доставляют в один из его фронтовых госпиталей, где его осматривает главный хирург фронта профессор Стекольников. Прделал первичную обработку, и здесь же нужно было бы его эвакуировать самолётом в Москву. То ли нетранспортабельность, то ли другие обстоятельства, но он был задержан в этом госпитале. Ампутации следовали одна за другой, день за днём ухудшалось состояние здоровья, маршал скончался... На аутопсии установлена газовая флегмона костного мозга бёдер. Заболевание довольно редкое.

Нераспознанность своевременно, запоздалость оперативных пособий, тяжёлые просчёты.

Санитарная служба фронта была разогнана, многие получили наказания. Профессор С-ов (еврей по национальности) был направлен ко мне в госпиталь. Мне стало легче, а главное — было чему доучиться...

Возвращаюсь к прерванному...

На двухместном самолёте, по получении удовлетворительной сводки погоды, мы оторвались от земли, набрали высоту три тысячи метров, взяли курс на восток. Здесь, на западном склоне Карпат, стоит хорошая солнечная, ясная погода.

Как только перевалили мы хребет, поплыли барашки... Сначала — редко, а дальше всё больше и больше... Земля скрылась от нас. Ниже, выше... положение не изменяется... Нос самолёта — в тумане. Летчик показывает на бензобак... «Станислав — под нами!» Летаем по кругу, сесть боимся натолкнуться на здания... Летать не можем: кончается бензин... Вдруг, окно в облаках... Он направляет самолёт в эту сторону... Затрещало, зашумело... Посадил машину в лесу, на дереве, мы упали... Благополучно, без серьезных травм.

Теперь забота: где мы, нет ли вблизи бендеровцев?

Слышим невдалеке проходящую машину... Дорога недалеко... На попутной машине прибыли на место...

Да, восточная сторона Карпат хмурая, коварная! Через пару дней вторую часть госпиталя я благополучно доставил в Ужгород... С этого времени госпиталь уже не делился.

Город уютный, чистый, с массой зелени, с историческими памятниками. Среди них — церквушка 11 века. Бывал я и в костёлах, и в униатской церкви. Разницы в службе униатской и православной церковью нет, но в униатской церкви, как и в костёле, стоят сиденья. В административном отношении подчиняется она Папе.

В январе 1945 года в хирургическое отделение был доставлен раненый в голову лётчик — лейтенант. Ранение не проникающее, но осложнённое контузией.

Вместе с раненым, его сопровождая, прибыл журналист, кажется, из вновь организуемого музея Отечественной войны. Оказывается, журналист находился на аэродроме, ожидая возвращающихся с задания лётчиков... Вдруг на посадку идёт штурмовик, нарушая определённые правила. Кое-как посадил машину и потерял сознание. Машина «покалечена».

Перевязка на месте, срочная эвакуация ко мне в отделение. Журналист следует как тень, непрерывно фотографируя. Немедленно моюсь, одеваюсь, исследую рану, иссекаю рваные части, дренирую, накладываю пару швов. Вводится противостолбнячная сыворотка, раненый отправляется в палату. Туда же и журналист.

Передавали: многие кадры из заснятого, где фигурирую и я, выставлены в разделе санитарной авиации Музея Отечественной войны.

В этом же месяце, возвращаясь из Мукачева, шофер предложил заехать к святым отцам, по указанному ими адресу. Предложение было с удовольствием принято, так как это было после 16 часов, и на обед мы уже не могли рассчитывать в госпитале... А питание не блистало вообще ни качеством, ни количеством. Подъезжаем... Открываются высокие железные ворота. Высокий, лет 20 красивый брюнет с бледно-матовым лицом, в чёрном до пят «балахоне», справляется у нас: кто, по какому делу? Быстро возвращается, просит посидеть в приёмной, пододвигает ящик с разнообразными папиросами, сигарами.

На каждой двери — крест с распятием, впечатляет!

Приглашают. Встречают два человека в штатской форме, которых мы подвозили. Предлагается посмотреть хозяйство:

а) коровник с, по-видимому, не менее 30 породистыми козовами;

б) конюшня с парой десятков лошадей;

в) свинарник с полсотней хорошо кормленных свиней;

г) птичник: куры, гуси, утки, индюки;

д) пчельник с установленными на зимовку ульями.

Монастырь ведёт большое многоотраслевое хозяйство: полеводство, огородничество, пчеловодство, животноводство, виноделие... Хозяйство продуктивное.

«Живём мы коммуной. Работаем сами. Монахи-рабочие». «Как вы относитесь к таким хозяйствам?»

Обед предложен — отличный: закуска, три блюда. Для каждого блюда специальное вино. Шофер пьёт стаканами, я держусь: пью глотками.

Беседа — интересная!

Учился этот представительный настоятель в Петербурге, а затем — в Риме, с большим опытом, образованием. Говоря о виноделии, он заметил: «Для вашей армии я подарил 2000 декалитров вина».

Вот в чём заключается материальная база католической церкви! Вот основа её твёрдости!

С благодарностью мы простились. В машине мы нашли боночочек с пятью литрами вина. Недурно!

События развёртываются с головокружительной быстротой... Бои тяжёлые, упорные идут за Будапешт. Враг огрызается, порой довольно основательно, как у озера Балатон. Срочно перебазируемся в Бельско-Бяла (Польша). Единственный случай за весь период войны, когда приходится занять больницу под госпиталь. Больница построена по последнему слову техники. Особенно хорошо отработано, что является гвоздём хирургического отделения — асептика (стерилизация). Предусмотрены условия отдельно для гнойной и чистой хирургии. Такая больница в условиях района — это роскошь!

4-й Украинский фронт, в составе которого была наша 8-я Воздушная армия под командованием маршала П-ва, сосредотачивала технику, боеприпасы, кадры, ставя целью, срочное освобождение Чехословакии (западной её части). И противник не дремал: сосредоточил неплохой кулак с Власовской армией в центре.

Полторы-две недели непрерывно, и днём и ночью, курсируют автомашины, надрываясь от тяжелого груза.

Сегодня — это только начинённый металл, завтра — раскалённый ад!

Обстановка тяжёлая! Война — преступление вообще! Война со своими — чрезвычайно тяжёлое явление!

Как-то нехорошо, больно... ведь русские!

Чего хотят, к чему стремятся?

Или смалодушествовали, не отдавая отчета, пошли во враждебную армию, избегая трудностей плена, или даже гибели голодной смертью в лагерях?

Трудно представить, чтобы их увлекли интересы немцев, чтобы хотели за них они драться со своими.

Несчастливые люди!

Ясное небо, усеянное тысячами звёзд... Холодно... Пронизывающий северный ветер... Холодно и на душе... Дрожь пробегает по телу...

Прижались солдаты друг к другу в наскоро сделанных окопах. Артиллерийская канонада началась сразу, ошеломляюще, по всему фронту, за два часа до рассвета...

Сплошная, на несколько километров, полоса бушующего огня... Шквал за шквалом... Кромешный огненный ад! Горит земля, горит металл... Пылающая бездна!

Два часа огненного урагана!

Что может живого остаться?

Последний шквал огня!

Как могучий стон отозвался эхом!

Замерло...

И вдруг... гул, шум, треск... Двинулись танки...

Госпиталь придвинут на передовую... Самоуверенно!

А вдруг?

Не приди на помощь сосед по фронту, внезапно ударив по флангу! Страшен огонь, страшнее изворотливость ума человека. Слухи по данным ОБС: при первом выстреле противник, по-видимому, осведомлённый, а, возможно, хорошо изучивший тактику, откатился без потерь на приготовленные вторую и третью линии обороны... Вместе с последним выстрелом быстро возвратился на исходные позиции... Танки отсечены от пехоты, уничтожаются... Пехота принуждена прижаться к земле, неподготовленной заранее. Спасибо соседу: предупредил неприятности, которые могли бы быть похуже Балатоновских...

Холодно... И всё же в воздухе чувствуется весна, а с нею — конец страшной войны!

Приятель — герой Советского Союза, умоляет: «Выпиши, пожалуйста! Последний раз полечу... К Праге посчитаться с власовцами!»

«Не окреп же ещё! Хватит тебе!» Пошёл к начальнику госпиталя... Выписан... Последний его полёт стал последним днём его жизни!

Госпиталь передвинулся в Гдайвиц... Силезия...
Лечу самолётом... Считаю заводские трубы... 100–200.

Пропускаю, конечно... Прекращаю счёт...

Какая промышленная насыщенность, концентрация!

Вот, наконец, и она — центральная Европа!

Прекрасные, удобнее, широкие автострады с отдельным движением для пешеходов, велосипедистов, автомашин, обсаженные по обочинам фруктовыми деревьями... Скамьи для отдыха: устал? — Отдохни! Населённые пункты без начала и конца: кончается город, начинается село... Где же земля, поля?

Тесновато!

Это же не матушка Русь с её просторами, размахом!

Есть, конечно, много поучительного: в быту, экономике, производительности труда, строительной технике и прочее, прочее.

Здания высокие, красиво оформлены, со всеми видами удобств. Много зелени, цветов, фруктовых и декоративных деревьев...

Из несоревнившихся магазинов ни одного целого! Валяются витрины, вывески, манекены, зеркальные стенки... Что-то похожее на когда-то бывший товар под ногами, топчется, валяется. Предо мной, по-видимому, бывший оптический магазин... Очки, оправы, стёкла, части микроскопов, лупы — все это метровым слоем лежит на полу, уничтожается...

Очки! Мечта моя!

Дошёл до крайности: стекло треснуто, нет одной половины бранши, связываю верёвочкой... Никакой возможности не было приобрести.

«Иван Иванович, будь другом, изыщи как можно скорее пару буханок хлеба, пару банок консервов, кусок мяса или масла... Идём».

Во дворе магазина три 3-этажных дома.

«Где проживает хозяин этого магазина?» Иван ведёт дипломатический разговор с прибавлением односложных веских словечек, русских, немецких, польских и ещё каких-то не понятных, говорит, китайских, всё это сдабривая мимикой,

жестикуляцией... Со всех балконов выглядывают, прячась, женщины. Начинается между ними словесная перестрелка... Боятся! Наконец... Слева от нас на балконе 2-го этажа появляется круглая, как шар, совершенно лысая голова мужчины лет 50–55, симпатичная, но перепуганная-дрожащая... За ним, как тень, жена, в противоположность ему худенькая, с землистым цветом лица, лет 32, с двумя за ручку мальчиками 5–6-летнего возраста. Под чрезвычайно бдительным вниманием сотен явных и прячущихся глаз поднимаемся. Заходим в комнаты...

Скромно, не похоже для предпринимателя... Понимаем... Объясняем... Бледность уступает место любезности... Хозяйка заискивающе улыбается...

«Окуляры?»

О, господин офицер сколько угодно может взять в магазине!»

«Нет, прошу сделать!»

Иван раскрывает портфель, вручает продукты... Благодарят, чуть ли не на коленях, всей фамилией провожают... Плачут от радости...

Являемся на другой день в 12 часов... Опять сотни, но теперь не пугливых — заинтересованных глаз...

Готовы... Три пары... Отличные очки! Беседуем... Капут, капут!

Мать прижимает детей...

К нему: ваша национальность?

Удивлённо, нерешительно... Немец!

«Нет, нет... не модно... вы — поляк!»

«Нет, господин офицер... Ни одного польского слова!»

«Так нет же... Вы не хотите понять! Вам нужен польский паспорт и поляк — директор, компаньон!

О, майн Гот, капут, капут!»

Проходит пара недель, я забываю инцидент...

С-ков: «Где достать очки?» Показывает мне очки, тоже связанные верёвочкой...

Идём...

Неузнаваема улица, неузнаваем магазин оптики: зеркала блестят, масса очков... В магазине фрау — уборщица, немец — мастер, незнакомый директор...

Увидели, бежат... Приятели!

«Господин офицер, я — поляк! Паспорт. Чистокровный поляк! — Вот — шеф! Ваше имя?» Называю...

«Все будем молиться за вас!» Улыбаемся...

Пусть живёт человек для детей, для общества! Улыбается и директор, шеф! Ещё бы, есть чему! С неба упал перспективный магазин и в придачу отличная рабочая сила! Разве только во сне подобное бывает!

Период был тяжелый для немцев, голодный! Чуть ли не за передовыми частями двигались поляки, занимая квартиры, предприятия немцев, имущество...

«Горе побеждённым! Выселенные немцы (инвалиды, старики, дети, женщины) с комочками в руках (не более 2-х килограммов) за ручку с детьми двигались на запад, за Одер и Нейсе...

Такова жизнь: «То вознесёт его высоко, то бросит в бездну навсегда!»

С-ов, наблюдавший инцидент «перерождения немца» хмуро смотрит... Как еврей, он живёт лозунгом (его приписывают Илье Эренбургу): «Убей немца!» Мелькал он на дорогах фронтов. Не знаю, от кого он исходит, знаю его результаты!

«Мама, мама, наконец, он её прикончил!»

«Кто, кого?»

«Омар каракатицу!»

Раздумывает: омары пожирают каракатиц, человек — омаров... Кто же пожирает человека? Человек человека ест!

Среди людей иначе?

Нет, нет, нет!

Человек человеку брат, друг, товарищ!

Иллюстрация? Затихающий ураган, захватившая весь мир война!

Миллионы калек, миллионы погибших людей!

Поверженный Берлин 1945-го.

По-видимому, из тех же чувств братства, из любви друг к другу, каждая из воюющих сторон изощрялась в применении всё более эффективных средств разрушения, убийств, истребляли, грабили, насиловали, топтали, превращали Землю в сплошное поле насилий, преступлений.

Наконец, не удовлетворяясь этим, двумя бомбочками, экспериментируя, сожгли Хиросиму и Нагасаки с почти всем населением и ценностями.

Неокупаемые потери!

Судьба оказалась благосклонной ко мне: я уцелел.

Брат мой — Толя — погиб!

Я видел эту Землю, при современной технике совсем маленькую планету — Родину, в которой должно бы действительно объединиться всё живое в чувстве любви. Я видел её погружённую в глубокую печаль, страдания, горе.

5 мая 1945 года Германия, истекая кровью, капитулировала: война закончена!

Мир, победоносный мир!

Печать пророчествует: вечный мир между народами, склоняет лозунг «последней войны».

Выдвигается мысль организации наций, как орудия мира (ООН). В конце ноября 1945 года госпиталь возвратился на Родину, дислоцируясь сначала в западной Украине, потом в Виннице, откуда скоро передвинулся в Будапешт. Большинство личного состава заменялось. Демобилизованы все завед. отделениями, кроме меня. Наконец, полтора года спустя, в декабре 1946 года демобилизован был и я. У меня были все основания, приказ о демобилизации встретить с радостью, с радостью встретить семью, с радостью приступить к мирному труду.

За участие в Крымской и Карпатской операциях я получил звание кавалера орденов Великой Отечественной войны 1-й и 2-й степеней.

За участие в Кавказских, а потом — Сталинградских и Зерноградских эпопеях был награждён медалью «За боевые заслуги». За все виды прошлых и текущих работ — награждён

Орденом «Знак почёта». Кроме отмеченных, получены ряд медалей...

Итак, я дома...

Странно... Нет шума, нет горячки утренних рапортов, нервозности «пятиминуток», неизвестной кипучей деятельности дня...

С чего начинать?

«Лиха беда — начало!»

Недаром:

«Начало — половина работы!»

Много в своей жизни я начинал сначала...

Основное: определить точно круг своей деятельности, войти в ритм её исполнения...

До войны я выполнял минимум две работы, т.е. работы в две смены (с 8 часов и до 19 часов).

При этом условии едва-едва сводились концы с концами. Выручали нагрузки сверх «нормы» — преподавательская работа в школе медсестёр.

Да, трудновато! Трудны чтения лекций с 19 ч. до 22 ч. Но проведение практических занятий в часы своей работы, на своей рабочей базе, вполне компенсировались, и тем более, что максимум учебного времени, а следовательно, и максимум оплаты труда определялись практическими занятиями.

Теперь устроиться на двух службах почти невозможно, это редкая удача избранных.

Вот поэтому в клинику, где меня, по опыту прошлых лет, максимально предполагали на консультативной работе в районах использовать, что лишило бы меня возможности совмещать, пойти воздержался. Приступил к работе в Поликлинике и одновременно устроился завед. отделением Военного госпиталя: отсюда трудно было меня сдвинуть, госпиталь не соглашался на другую кандидатуру, а я не соглашался оставить работу в Поликлинике, мотивируя работу в госпитале временной.

Только благодаря таким условиям, дети могли учиться в Музыкальной школе, быть неплохо одеты, сыты.

А чрез год перешёл в 1-ю гор. больницу, организовал здесь своё отделение и им заведовал до конца своей деятельности...

Вот я и подошёл к концу...

Оглядываюсь ещё и ещё раз...

Всё ли мной сделано?

И где-то там, в глубине души... Как я не пытаюсь оправдаться... И всё же нужно было написать диссертацию. Действительно жестокий лимит времени, выпавший на мою долю, действительно заслуживающие внимания ряд тормозящих обстоятельств внешних и внутренних не могли не отразиться на эффективности моей деятельности, но служить оправданием моей пассивности в написании диссертационной работы всё-таки не могут...

Написать её я, конечно, мог!

Вполне удовлетворительные способности, достаточная степень подготовленности, знание своей специальности — гарантирующие факторы.

Речь могла идти о времени... Но объективности ради нужно признать: отсутствовали у меня необходимые настойчивость, целеустремлённость и, конечно, прежде всего — осознанность этой необходимости...

Я — в долгу... Пред собой, семьёй, обществом!

*Ты хлеб цены не в годы недорода
(Горька его цена в такие годы),
А в годы урожайные цены.*

(Г. Ефимов. Перевод В. Фирсова)

Саботаж

Голод — это социально-биологическое явление, которое сводится к лишению организма частично или полностью пищевых веществ. В своей ярко выраженной форме, голод — спутник разного рода народно-хозяйственных потрясений.

Россия в своём историческом прошлом претерпевала неоднократные голодовки:

- а) в XI веке при Ярославле Мудром,
- б) в 1601–1603 годах при Борисе Годунове и т. д.

Значительные группы населения Африки, Азии (особенно Китая, Индонезии, Пакистана, Индии) на протяжении многих десятков лет испытывают хроническое недоедание, а часто периоды голода.

На протяжении моей жизни я был свидетелем трёх голодных периодов (имею ввиду распространённый характер голода).

Один из них — последний, послевоенный, 1946 год, был закономерным следствием 2-й Отечественной войны и, в частности, колоссальной разрухи наиболее урожайных, кормящих сельскохозяйственных областей страны, временно оккупированных немцами.

Отсутствие сельскохозяйственных машин, транспорта, удобрений, необходимого количества рабочих рук, ограниченные — обрабатываемые площади, примитивный агрономиче-

ский уровень работ (в основном они производились женщинами и главным образом на коровах).

(Если бы мне было предложено увековечить Великую Отечественную войну, я бы представил проект памятника: «Женщина сражается коровой» — вот девиз победы.

Ни в одной стране женщина не сделала для победы так много, как русская женщина.)

Всё это в сочетании с выдавшимися неблагоприятными погодными условиями этого года создало предпосылки неурожая. К счастью, благодаря своевременным импортным закупкам зерновых, голодный период был непродолжительным (7–8 месяцев). Карточная система распределения продуктов, существовавшая во время войны, сохранившаяся и в этом году, давала рабочим и служащим, и их семьям хотя и низкого качества (в смеси со жмыхом, бобовыми и другими эрзацами) ежедневно полкилограмма хлеба и такое же количество на месяц сахара. Другие продуктовые талоны на макароны, крупы, масло в нашем поясе обычно не отоваривались, приобретались по возможности на рынках по спекулятивным ценам.

Назвать этот год, во-первых, голодным в полном смысле слова и, во-вторых, голодным для всех категорий и районов страны, конечно, нельзя. Часть населения, примерно — 15%, снабжалась полностью всеми видами продуктов и не испытывала, в основном, никаких недостатков в питании. Эта группа пользовалась особыми закрытыми распределителями.

Сельскохозяйственная группа населения была вне государственного снабжения. Часть из них пользовалась продовольственной помощью колхозов в счёт аванса будущих работ из каких-то ещё оставшихся, сэкономленных продовольственных ресурсов. Там же, где эти запасы отсутствовали, эта группа была предоставлена сама себе — «продовольственным ресурсам приусадебного участка», короче, находилась в тяжёлом положении.

В лучшем положении находились рабочие и служащие городов. Пищевой их рацион страдал количественно и качественно. Питание было однообразным, неполноценным. В уржае-

мом положении находились дети: жертва родителей части своего пайка в пользу детей не могла изменить их положения.

На ограниченном отрезке времени с этим положением как-то нужно было мириться, но, к сожалению, оно приняло затяжной, хронический характер уже со второго года войны, со второй половины 1942 года, и продолжало ухудшаться в последующие военные 1944–1945 годы.

О питании населения в период оккупации немцами едва ли можно говорить: это катастрофа, полная драматизма — снабжения никакого не существовало. Никто забот о населении не проявлял: униженное, оскорбляемое, бесправное оно находилось в страхе быть схваченным, угнанным на работы в Германию. Голод толкал людей в поисках продуктов питания идти на рынок. Рынок — это ловушка для людей. Здесь как раз устраивались массовые облавы на людей, именно здесь чуть не была схвачена Люся (мать моих детей), сумевшая с риском для жизни выскочить из облавы, бежать к запертым маленьким детям. В этот период между городом и деревней велась меновая торговля в индивидуальном порядке, в ограниченных размерах, т.е. кто имел такую возможность. Кто имел возможность своими ногами, везя тачку, путешествовать по станицам, меняя последние предметы одежды на продукты.

Точно также приходится опустить известный всему миру голод в Ленинграде, вызванный блокадой, унесший в могилы сотни тысяч жизней.

Голод отбрасывает развитие страны сразу на десятки лет.

Голодный период окончился в июле 1946 года, с наступлением косовицы, немедленного помола зерна нового урожая и выпечки из него хлеба.

Голод 1920–1921 годов носил иной характер, имел иные причины развития. Это синтез исторически слагавшейся экономики, усугублённой особыми хозяйственно-политическими обстоятельствами, непосредственно предшествовавшими мировой и гражданской войнами. На фоне полной экономической разрухи в стране, вызванной отчасти 1-й Отечественной войной, а главным образом — разорительной гражданской войной, неу-

довлетворительного санитарно-гигиенического состояния, инфицирования населения брюшным, сыпным, возвратным тифами, холерой, гриппом-испанкой, железной блокадой страны — этот отрезок времени представил чрезвычайные трудности, колоссальные страдания, многочисленные людские жертвы.

Голод охватил 35 губерний с населением 90 миллионов человек (по данным официальной статистики, куда, например, не вошла Кубанская область, где бушевал точно такой же голод, как и в соседней Ставропольской). Статистика считает непосредственную гибель от голода, не считая жертв от испанки, гражданской войны — пять миллионов человек.

Примечание:

а) в одной только Херсонской губернии в 1921–1922 гг. от холеры погибло 20 тысяч человек (газета «Известия» № 221–465 «Испытания»),

б) испанка, тифы поглотили сотни тысяч человек.

Все эти обстоятельства, конечно, оказали влияние на развитие голода, подготовила его плохая агротехника, неурожай решил его.

В противоположность 1946 году, когда хлебные и вообще продуктивно-промышленные ресурсы страны были сосредоточены в руках Государства и оно регулировало их распределение, положение в 1920 году и до конца НЭПа было совершенно иным. Эти запасы, наоборот, находились у их производителей — крестьян: продолжалось индивидуальное землепользование.

Это характерная особенность 1920 года.

У хлеборобов Северного Кавказа эти запасы, накапливающиеся в течение войны и первых лет революции, были довольно значительными: они по крайней мере выходили за пределы годового урожая.

Запасы всячески задерживались.

Такая тактика, возможно, диктовалась спекулятивными соображениями или просто ожиданием более высоких цен, возможно политической нестабильностью, отсутствием финан-

совой устойчивости, отсутствием на рынке необходимых промышленных товаров. Так или иначе, обладание хлебом — основным продуктом питания, создавало крестьянам положение независимости, господствующего положения.

Проведённая жёсткая продразвёрстка в 1920 году лишила их этих запасов и положения, а наступивший неурожайный 1921 год обеспечил голод. Неурожай был повсеместным.

В Поволжье засуха полностью выжгла посевы. Голод начался здесь с лета.

В центральных областях страны сбор зерна нового урожая не мог удовлетворить население: в лучшем случае его могло хватить на полгода.

Украина подверглась также засухе.

Северный Кавказ для развития голода довольно стоек: для этого необходимо много факторов. Земли здесь отличные!

Неблагоприятные погодные условия не могли не сказаться на урожае, он оказался нижесредним. И тем не менее, собранный урожай не только покрывал местные потребности, но часть его могла быть передана другим областям. И тем более, что все остальные виды продуктов питания (мясо, рыба, молочные) вначале были в своих обычных размерах. Были белки, жиры, но не было хлеба и сахара. А ведь, повторяю, хлеб для человека есть и будет основным продуктом питания. С этой точки зрения голод был куда сложнее, драматичнее, тяжелее, несравнимее с 1946 г.

Во второй половине 1922 г., когда я уже был студентом, продовольственное положение улучшилось, но всё же большинство студентов поддерживалось бесплатной американской помощью — «АРА».

Эта помощь голодающим была чрезвычайно гуманным мероприятием. Имя Фритиофа Нансена — знаменитого норвежского неумоимого путешественника и исследователя — инициатора этой помощи, надолго останется в сердцах благодарных ему голодающих людей. Студентам ежедневно бесплатно выдавались 100 грамм хлеба, порция рисовой молочной каши, чашка какао.

Скромно!

Какое же это имело колоссальное значение в жизни студента! Если к этому ещё раз в сутки поесть, это уже хорошо!

Замена продразвёрстки продналогом, введённая новая экономическая политика (НЭП) с частной экономической инициативой, индивидуальной предпринимательской деятельностью вывели, наконец, страну из страшной трясины разрухи и голода.

Голод 1932–1933 годов — чрезвычайно страшное, по-видимому, в истории человечества — уникальное явление! Найти для него какое-либо сравнение не представляется возможным.

Подобных примеров людоедства, гибели голодной смертью миллионов людей, ни средняя, ни новая история не знает.

В стране царил чрезвычайно сложная внутривнутриполитическая обстановка, вошедшая в истерию под именем «саботажа».

Всеобъемлющий саботаж!

Украина, Кавказ, Россия, Сибирь, Белоруссия — везде саботаж, везде одна и та же обстановка.

В чём дело, не странно ли?

Перспективные планы развития сельского хозяйства, теоретическое обоснование кооперирования его, были известны давно — несколько лет. Известна также организация сельскохозяйственных коммун, после национализации помещичьих земель, замена их «артелями по совместной обработке земли», также не оправдавших себя...

1929 год!..

Вопрос кооперации сельского хозяйства ставится практически в государственном масштабе...

Работая в это время на периферии, в самой гуще сельской жизни, мне, как вообще всем немногочисленным интеллигентам деревни, приходится теперь уже не удовлетворяться ролью только свидетеля, наблюдателя великого полного драматизма эксперимента его преобразования... жизнь выдвигает новое мерло оценки деятельности.

Ценность специалиста определяется не только его знаниями, эффективностью оказываемой им специальной помощью,

но его ролью, степенью его участия в общественной жизни, вкладом его деятельности, в построении нового общества деревни.

1930-й год!..

«Государственный заём укрепления сельского хозяйства».

1-й государственный заём!

Новинка в общественной жизни!

Потом, в дальнейшем, займы будут следовать на протяжении двух с половиной десятков лет, один за другим...

Реализация одного, конечно, с добровольным 100% охватом трудящихся, вызвала чрез двухмесячный перерыв появление нового.

Агитация не требовалась!

С ними все были знакомы. Все знают это мероприятие, как «традицию».

Вопрос мог идти только о размере подписки — 70% или 100% месячной зарплаты. Особого удивления или тем более возмущения (при свидетелях) не вызывало.

Так надо, так тому быть!

Удивление, наоборот, вызвало неожиданное прекращение подписки на заём.

Накопилась большая сумма внутригосударственного долга!

Доживём ли до погашения?

Итак, 1 государственный заём!

Реализация его на периферии поручена главным образом интеллигенции...

С этого дня... надолго... Под именем агитаторов-пропагандистов, после основной работы, по закреплённым участкам, в пределах своего квартального комитета, двигаются они, выполняя самые разнообразные функции, которые диктуются политическими задачами страны:

- а) разъяснение политики партии по сельскому хозяйству,
- б) вовлечение в колхоз,
- в) агитация за своевременное выполнение первой заповеди — погашение налогов и повышение культурно-политического уровня.

Много работы!

Нужно поработать на своём участке, а затем идти отчитаться квартальному комитету и также... «здесь посидеть»... Слышится лай собак, стук о заборы... Попросят, убеждают, молят купить облигации займа или, в конце концов, подписаться на него. Собирают с усилием 2–3–5 человек для прочтения газеты, статьи...

Эх, лиха беда — начало!

Начало — половина дела!

Если человек захочет что-то сделать, он всегда найдёт средства, если ничего не хочет делать — найдёт всегда причину...

«Да, вот это авторитет, учитесь, соревнуйтесь!»

Трудно соревноваться... Каждую неделю сдаются 500 рублей...

«П.Г., дорогой, помогите, не идут облигации... Устала... Рада бы сама погасить, да сколько же можно?»

«Двадцать пять рублей?»

«Хорошо, Марина, приходите завтра за деньгами, попытаюсь!»

Авторитет?

«Детка, выпей порошочек (хины), поправишься: он сладенький!»

Обман?

Да, но в интересах ребёнка, гуманный!

«П.И., сколько сегодня обращений на производство аборта? — Десять?»

Пойдите, дипломатично переговорите: кто возьмёт облигацию на червонец — сегодня сделаем, кто на пять рублей — послезавтра, остальных на очередь!»

Пауза ...

«Ну... все на сегодня? Хорошо, готовьте инструменты!»

Нехорошо?

А что вы предложите?

Организованным теперь квартальным комитетам много, много лет придётся провести в накуренных, потемневших от копоти, душных избах, бывших ранее кулацких...

1931-й год!

Шумит, гудит общестаничное собрание: разбирается, об-
суждается вопрос организации колхоза...

Час, два, три... а конца собранию не видно!

Шумят ещё более активно квартальные собрания...

Очень тяжело... не хотят вступать! Принимаются заявле-
ния о вступлении... С наступлением сумерек и до утра в ко-
митетах идёт индивидуальная обработка: деловые разговоры,
слёзы, угрозы, просьбы, убеждения... организуется колхоз
на базе ликвидации кулачества, как класса.

Так ещё недавно шумные бульвары, определённые углы
улиц, переполненные молодёжью, песни, смех, плясы, шут-
ки — всё стихло, опустело... Прекратились среди парней
раздоры, враждебные отношения из-за девушек, по террито-
риальным, религиозным вопросам... Люди бродят, как тени,
с печальными, озабоченными лицами, шёпотом обмениваясь
по текущим вопросам...

Шутка ли?

Рушатся привычные традиции, сотнями лет организо-
ванный уклад жизни!

С наступлением сумерек всё живое запирается, закрывается.

«Мой дом — моя крепость!»

Нет!

Давным-давно умерло!

Слышится стук о заборы... «Эй, хозяин, вставай, иди, тре-
буют в комитет!»

Продолжается индивидуальная обработка... Она закан-
чивается, в конце концов, после ссоры, ругани, слёз чаще
вступлением в колхоз с обобществлением имущества, сдачей
какой-то части налогов... либо на другой день побегом всей се-
мьи... либо же в худшем случае... лесоразработками на севере,
как злостной личности!

Провожаемый чуть ли не всей станицей, движется первый обоз
к товарным — погрузочным станциям с выселяемыми кулаками,
подкулачниками, осуждёнными... только с небольшими оклу-
ночками одежды... Опять слёзы, причитания, крики, скорбь...

Живя вместе десятки, сотни лет, выделенные когда-то историей в отдельные группы, станичане оплелись между собой разной степенью родства — сваты, кумы, племянники, крёстные и т.д.

Наконец, бедняки дают пример... вступления в колхоз. Терять им нечего!

Средняки колеблются... Много, много для этого раздумий... Как же трудно порвать с прошлым укладом жизни!

А главное — неизвестность! Консервативен человек! Каждое утро не досчитываются нескольких семей... Бегут! Бегут в города, в основном на юг Кавказа, в среднюю Азию... Бегут кулаки, середняки, бедняки... все, кто имеет паспорт, кому удалось как-то его получить...

Деньги, связи — всё могут...

Уехал, сбежал?

К чёрту, одной заботой меньше!

Круглый день и ночь станица оглашается рёвом рогатого скота, криком свиней, овец... режут скот, не желая обобществлять, сдавать в колхоз...

Как никогда в истории, широкий крестьянский мясоед!

Баснословная дешевизна!

«Пожалуйста, бери в долг, отдашь, когда сможешь!..»

Говядина, овцы, свинина, птица... Скот забивается... да и чем его кормить?

Приказы, штрафы, конфискации, суды...

Нет, не остановить эпидемию!

Ревут обобществлённые коровы: голодные, грязные, не убранные, не доенные, не имеющие ещё удовлетворительного ухода... Нет для них необходимых помещений, нет кадров — животноводов...

Хозяйки верят, знают: при продаже, при передаче скота (особенно коров) нужны полубовность, полная добровольность...

«Я продаю (дарю) тебя, бурёнушка, по доброй воле... Служи своей хозяйке так же, как и мне!»

«А ты, сватушка, не печалься, не горюй, не кручинься за бурёнкой!»

Сделка состоялась, полюбовно... Выпили магарыч... Бурёнка не будет тосковать, утаивать молоко...

Теперь, после обобществления, хозяйки, продолжая зорко следить за судьбой своих коров, посмеиваются, злорадствуют: «А у моей-то молоко сгорело!»

«Да и у моей тоже, кумушка!»

«Ха, ха, ха... животноводы... знатоки! Погубили коров, да каких?»

Колхозничали?

Не в лучшем положении лошади...

Сбруя на веревках... никто не сдал новую... Бывшие хозяева ходят, вздыхают... Каждый норовит своих лошадей определить «под свой глаз»...

Совершенно бесхозяйственно, в самом хаотичном состоянии, под открытым небом, в грязи — обобществлённый сельскохозяйственный инвентарь... ржавеет, гибнет... комплектность его нарушается...

Трудно, трудно чрезвычайно в течение нескольких месяцев изменить психику вчерашнего собственника, создававшуюся веками... Увидя гайку, досточку на общественном дворе, он берёт их домой: «Авось пригодятся!»

Живучи собственнические пережитки! Проходят десятки лет, и не только крестьяне, кадровые рабочие не могут отрешиться от них...

Весна... сегодня ранняя!

Пора бы пахать, сеять... Зяби почти нет!

Хозяйки, пристально следившие на протяжении всей зимы, теперь, с ранним выгоном коров в степь из-за отсутствия кормов, группируются, шепчутся...

Вдруг... бегут, хватают их, приговаривая самые ласковые слова, плача, целуя, торопливо ведут их в свои дворы... Коро-вы, узнав своих хозяек, ревут...

Глядя на жён, мужья, крадучись, осторожно, стараясь укрыться, как бы незаметнее, волокут из общественных (ранее бывших кулацких) дворов в свои — собственные, кой-какой инвентарь, ведут лошадей...

Дезорганизация...

Развал... с таким трудом организованного колхоза...

И... всё начинается сначала!

Весна 1932 года, как и весь сельскохозяйственный год, проходит на низком агрономическом уровне, масса сорняка, а борьба с ним почти не проводится... Земельный клин обрабатывается частично... Продналог же исчисляется из всей площади числящейся земли... Диспропорция сказывается...

Организованный общественный семенной фонд не собирает ни количественно, ни качественно нужного материала...

Беспрерывные организационные, безэффективные совещания, заседания, собрания...

Очередной обоз выселяемых кулаков и подкулачников...

Осень...

Тоскливая, унылая... Радости не приносит... Наоборот! Неурожай!

С большим напряжением, усилиями, криками, ссорами, угрозами, административными мероприятиями собирается продналог...

Собирается не центнерами, как это было бы нужно, а буквально охачками, оклуночками, в лучшем случае килограммами...

Контрольные сроки его сбора давно прошли... Дело, понятно, не в сопротивлении или нежелании отдавать налог...

Где взять зерно, яйца, мясо, птицу?

Конечно, отдельные случаи злостного отношения, сопротивления место имеют... Есть случаи захоронения зерна в ямах, под полами, в огородах, в степи...

Уборка кукурузы затягивается до глубокой осени: конец ноября, а уборка продолжается под снегом... Масса потерь...

Несмотря на строжайший контроль, обнаруживаются массовые случаи воровства, выноса «в пазухах», в карманах качанов кукурузы или пары горстей зерна...

Судопроизводство показательными судами, процессами проводится немедленно, в считанные часы выносятся строжайшие

приговоры на десятки лет за кочан кукурузы... Приговоры незамедлительно приводятся в исполнение...

Прибывший в край с широкими полномочиями Каганович потребовал безоговорочного, беспрекословного выполнения государственных обязанностей...

«Хлеб — есть, госналоги должны быть выполнены!»

Закипела работа... С удвоенной силой, с новой энергией поработали квартальные комитеты... и днём и ночью...

И только пред рассветом утомлённые члены, подводя итоги прошедшему дню, расходятся по домам, чтобы чрез 3–4 часа начать эту работу вновь...

А что собственно начать?

Обманывать себя?

Усилили свою работу агитаторы-пропагандисты... Все озабочены возложенной ответственностью выполнить план государственных обязанностей, организации распавшегося колхоза, обобществлений рабочего, молочного скота и инвентаря...

Торопятся нарочные с вызовов должников и не должников... Как, но нужно погашать налоги, изыскивать средства...

Улицы продолжают оглашаться стуками в заборы... Двинулись бригады со щупами в поисках ям с зерном...

Боже, как всё изменилось!

Неузнаваема станица!

Она та, что вчера, но иная сегодня!

Жуткая, притихшая!... Замерла жизнь!

Тишина не нарушается ни лаем собак, ни криками петухов, ни ржанием лошадей, рёвом коров, ни даже мяуканьем кошек...

Их — нет... Съедено!

Ещё с осени улицы заросли бурьяном выше человеческого роста... жутко!

Джунгли!

Среди улиц зияют пустыри с наваленным мусором и торчащими — чернеющими печными дымоходами — трубами на месте бывших домов, строений...

Кулацкие дома, дома брошенные сбежавшими, разбираются... Кирпич, за исключением пришедшего на 70% в негодность, утилизируется на текущие нужды, деревянные части — на отопление школьных, административных зданий.

Безлюдно!

Ещё в центре, на площади, движется народ... Да и то, в основном, служащий, административный...

В улицах, и особенно отдалённых, редко встречаются люди... Лица их серые, задумчиво-сосредоточенные, озабоченные, исхудавшие, не бриты, неряшливо одеты...

Недоедание, постепенно нарастающее, как-то, в какой-то степени ещё компенсируемое в 1931 году мясом, молоком, по мере их израсходования, перерастает в голод...

Обезлюдела станица...

Вот, наконец, маячит фигура, кажется, мужчины... Медленно, осторожно двигается он среди бурьяна по узкой, протоптанной вдоль заборов, ещё сохранившихся в 25–30%... Останавливается: то ли раздумывает или отдыхает... Опять продолжает свой путь...

Проследим за ним...

Лицо — серо-одутловатое, землисто-бледное, маскообразное — апатичное, то мгновенно — сосредоточенное... Вот, отойдя от тропы, на 4–5 метров, зайдя в брошенный двор, не проявляя стеснения, испражняется, как гусь, поносом, и опять... идёт дальше... Одет небрежно, в измятой, грязной одежде, выглядит пожилым... По-видимому, спит не раздеваясь... Кисти, предплечья, как подушки, отёчны, отёчны ноги... Тугоподвижны суставы... Живот большой, плечи худые...

«Куда идёте, гражданин?»

На лице мгновенно вспыхивает какая-то мысль, какая-то попытка анализировать своё действие и быстро угасает. Он не знает куда конкретно идёт, но знает зачем идёт!

Мысль только одна — есть!

Слабость, дрожат ноги, частые мочевыделение и понос его мучат, изнуряют своей частотой. Болезненность он не испы-

тывает. Пульс — медленный, наполеоновский 40 и даже 25 ударов в минуту.

Какая поразительная охранная реакция коры мозга! Сердце изменений не представляет. Движения его медленны и только протянутый кусок хлеба жадно хватается обеими руками.

Аппетит — волчий! Да, дети есть... Судьба их, судьба жены его не интересуют... Медленно, но упорно продолжает он свой путь...

Вдруг, как будто спотыкается... Странно... повело его влево, кзади... Неуклюже он приседает... Попытки подняться... Окончательно падает на левый, бок... Движения скованы... По телу пробегает мелкая дрожь... Ноги вытягиваются... Глаза открыты, устремлены в пространство, постепенно мутнеют...

Паралич сердца...

Типично-характерный случай! Иссякла энергия...

Разрешены, наконец, счёты с жизнью!

Окончились земные заботы...

Санитарные комиссии, действующие теперь при квартальных комитетах, озаботятся его похоронами в братской могиле, таких много. Они достаточно хорошо осведомлены о кандидатах, нередко сразу всех членов семьи, им известны случаи людоедства...

Смертность потрясающе велика, особенно детская...

Пухнут, мрут люди от голода!

Неудивительна смерть людей обречённых, лишённых хлеба. Входишь в дом, видишь 4–5 человек отёчных, они лежат, поочерёдно издавая негромкие стоны. Они никого не винят, никому не предъявляют претензий...

Но почему также умирают лица, у которых здесь же, под полом — яма с хлебом, спрятаны золотые монеты?

В чём дело?

Что, жадность, ошибка в расчёте — ожидание ещё более худшего положения, особая форма самоубийства или страх — боязнь демаскировки, возможности репрессий при обнаружении?

Тайна такого поведения от нас скрыта, похоронена вместе с её носителями...

Мы её не узнаем!

А вот случаи, далеко не единичные, людоедства: продажи котлет из человеческого мяса, заманивание детей и их убийство в целях питания или спекуляции, употребление в пищу престарелых родителей их детьми или, наоборот, родителями своих детей, нам, к несчастью известны.

Голод — страшная социально-биологическая катастрофа!

Примечание

Кто бы мог нарисовать картину периода коллективизации лучше, чем это удалось М. Шолохову в его «Поднятой целине»? Изобразить ход событий исторического значения так художественно и правдиво мог только великий художник, переживший лично сам все перипетии колхозного строительства, живший в самой гуще коллективизированного крестьянства. Но...

а) Почему он обошёл явление, которое получило в истории наименование «саботаж» и голод, который сопутствовал ему? Явление — характерное! Это обстоятельство усилило драматизм событий, передаваемых «Поднятой целиной».

б) Почему нужно было эти события изображать на фоне контрреволюционного заговора? Для придания большей яркости художественного произведения, в целях создания контрастов? Соответствует ли это исторической истине? Отыскать где-то солидную группу кулаков и плеяду из полковника, есаула, офицера-поляка, где-то до этого прятавшихся... Нет, это не характерно для данного периода!

Время контрреволюционных заговоров, восстаний давно прошло, миновало. В вечность канула обстановка 18–20 годов, в вечность ушли описываемые фигуры.

Положим, роман не научный трактат, строящийся на фактах объективности. Жанр романа допускает значительную долю домысла. Да, имели место кулацкие проявления бандитизма, диверсий, убийств, но в единичных, а не массовых случаях.

Досуг

Вы, конечно, читали «Записки охотника» И. С. Тургенева?
Возможно, даже несколько раз?
Не могли не читать!
Неизгладимое впечатление!

А Аксаков, с его рассказами об ужении рыбы или записками оружейного охотника?

Казалось бы, что тут читать, тем более не охотнику? Книжки написаны деловым, даже суховатым языком о порохе, пыжах, их изготовлении, а всё читается с неослабевающим интересом, как увлекательный роман.

Хочется возвращаться, перечитывать.

Страсть к охоте, к рыбалке, чувства удовлетворения, радости от них определяются отнюдь не килограммами добычи. Можно целый день исходить в степи, или пробыть на реке, адски устать, прийти домой, волоча ноги, с пустыми руками, с пустым ягдташем, с пустым желудком, но с хорошим, бодрым настроением, успокоенной нервной системой, со здоровой зарядкой на следующую неделю.

Ломят кости, обгорело, обветрено лицо, а хочется всем улыбаться. Дома, что-то в работе вам не удаётся, вы нервничаете, а вот здесь вы грубо «мажете» по цели раз за разом и, тем не менее — улыбаетесь!

Что поделаешь?

Не везёт!

Почему?

Вы растворяетесь в природе, вы её частица, вы в своей родной естественной стихии.

Солоухин говорит: «Охота, рыбалка — это смутное воспоминание детства человечества».

А ведь самая яркая пора — это детство!

Даже невзгоды её не кажутся ужасными.

Да, это верно!

Это рефлекс, приобретённый человеком ещё на заре его развития!

Потому-то он так устойчив!

Стремление к рыбной ловле лично у меня было сравнительно слабым, а вот к охоте... Это стремление уводит к ранним годам жизни.

Насколько мне позволяет память, с ружьями возился я и именно в целях охоты сначала игрушечной, а потом, с семилетнего возраста — подлинной.

В хозяйстве отца на мои плечи ложилась заметная нагрузка, одновременно по первому разряду протекала моя учёба. Отец ценил это, всячески поощрял. Уже в семилетнем возрасте он подарил мне «монтекристо» — ружьё по типу теперешних в тирах, с зарядами маленькой пулькой.

Под моим предводительством группа друзей из трёх-четырёх человек охотилась в огороде нашего двора хутора Б., на нашем берегу, заросшего камышом Зеленчука.

В одиннадцать лет отец купил берданку. Ружьё — опасное: при выстреле затвор может срываться с замка и ударять в левую половину лица.

Отец не разбирался в ружьях. Вот теперь с Кириллом уже по-настоящему ходили чаще всего на дроф. «Мелочь» он не признавал.

Какая же была масса степной, водоплавающей дичи! Много было куропаток, перепелов, дроф, стаи стрепетов, теперь совершенно исчезнувших в этих местах.

Дрофы бродили гуртами, правда, проявляя осторожность. Помню: ранней осенью, на вечерней заре (это могло быть или в 1907 или 1908 году, ещё я был дома) всей семьёй, т.е. с отцом и матерью, что относительно редко бывало, пошли в огород, к нашему восточному Зеленчуку. Сначала опустились к берегу, а затем опять поднялись, к границе люцерны. Стояла прекрасная золотая осенняя пора.

С высоты пред нами открывалась замечательная панорама: солнце только зашло за горизонт, западный небосвод интенсивно «погорел» зарёй. За Зеленчуком шли бескрайние, равнинные поля.

По-видимому, для пущей важности, я, не расставаясь, держал своё Монтекристо. Желая щегольнуть пред девчонками — младшими моими сёстрами, выстрелил из ружья.

Или в зависимости от зари (а это имеет значение), или от особенности на этот раз заряда, звук выстрела получился громкий, резкий. По реке поплыло протяжное эхо.

В воздух поднялась из зарослей Зеленчука громадная стая уток, кружась над рекой, закрыла зарево запада неба.

Это была буквально туча в несколько тысяч штук. Они, видимо, были уже в сборе. Обычно стаями утром они отлетали в поле на кормёжку, а вечером группами возвращались на ночлег.

Эта (западная) часть Зеленчука представляла сплошные камышовые заросли на несколько километров. В противоположность ей — восточная часть — прекрасный, как раз в этом месте, широкий водоём, изобилующий рыбой, раками.

По моему времени рыбаков на хуторе, главным образом стариков, не считая Миши и братьев Донских — сезонных рыбаков, было вообще мало, ну, возможно, человек пять: не хватало времени, да и особой надобности не было.

А вот из охотников, кроме Кирилла, выходившего на охоту редко и только в зимнее время, я никого не припоминаю.

Их просто не было, не имело смысла тратить время! Залежные земли, толока, камышовые заросли — всё это, вместе с отсутствием охотников, представляло чрезвычайно удобные условия для гнездования, размножения дичи.

Отец рассказывал: двадцать пять — тридцать лет назад по должности почтового служащего (ещё до получения прав учителя) ему приходилось много ездить по Закубанью. Оно (а сюда входил и хутор Братский) представляло сплошные перелески, кустарники, травы в рост человека. Это был рассадник фазанов, стрепетов, куропаток, дроф, перепелов.

С 1870-х — 1875-х годов эта земля, пограничная между «русской линией» и черкесскими областями, стала распахиваться, культивироваться.

К этому, примерно, времени относятся произведения Аксакова и других.

Это был период вообще расцвета охоты, везде обилие дичи. Может быть поэтому он был так ярко выражен в литературе!

Сейчас, за последние два десятилетия, особенно в последнее время (с послевоенных лет) положение резко изменилось: мы всё дальше отдаём себя от природы. Суживаются её границы: дичи становится всё меньше, так как мы ограничиваем её жизненное пространство. Целинные земли утилизируются, изменился принцип севооборота в сторону интенсификации. Травы заливные и посевные скашиваются в мае, не успев полностью созреть, зерновые в конце июня. Земля сразу же распахивается. Степная дичь не успевает справиться даже с одним выводком, когда раньше она давала два и даже три.

Всё меньше и меньше остаётся места для водоплавающей дичи и рыбы. Водоёмы загрязняются разными видами вредных по преимуществу промышленных отходов.

Растительность всё больше насыщается химикатами в целях подкормки её и борьбы с сорняками, создавая угрозу отравления дичи.

Боровая дичь всё дальше уходит вглубь лесов.

Количество дичи уменьшается, количество охотников увеличивается.

Растёт браконьерство.

С каждым годом суживаются возможности общения с природой. Во время моего пребывания на врачебном участке в Ч-кой, в конце 1920-х годов, количество охотников — любителей

по степной дичи исчислялось буквально единицами. Это были — зав. аптекой, я и, царство ему небесное, Сергей М. (по существу мой адъютант), погибший как «подкулачник» в 1932 году.

Остальная группа в 10–12 человек интересовалась крупным и дорогим зверем: волки, лисицы, выдры, куницы, кабаны, козы, медведи, олени и пр.

Ими меньше всего руководила такая лирика, как желание находиться в условиях близости к природе, стремление слиться с ней...

Это их обычная стихия, её они не замечали.

Охота их интересовала только с точки зрения материального подспорья, как дополнительная доходная статья в бюджете. А отсюда — стремление побольше «добыть» (даже незаконными способами). Обычно они устраивали облавную охоту под предлогом — «на волков».

Такая дичь, как перепела, куропатки их внимания не привлекала: во-первых, «заряд стоит дороже», во-вторых, нужны подружейные легавые собаки.

В первый день большого снега, по пороше, они выбегали в степь, когда издали можно видеть снежную норку зайца, его лёжку. В этот период зайцы упорно лежат из-за боязни утонуть в снегу или в лучшем случае показать следы.

Этим обстоятельством пользуются, безнаказанно подходят и на близком расстоянии, в упор, расстреливают.

Не вызовет удивления и следующий случай: непрерывно целый день льёт дождь, дождь мелкий, нудный. Стоит глубокая осенняя пора... К вечеру дождь внезапно прекращается, подул порывистый северный морозный ветер. Рано утром три всадника, скользя на некованых лошадях по гололёду, загоняют во двор гурт обледеневших дроф.

К счастью, факт со скоростью звука достигает заинтересованных лиц: дрофы освобождаются из неволи с относительно небольшими потерями.

Кроме облавных охот эта группа один раз в году выезжала в горы: Псебай, Преградная, Курджиново по направлению к Минеральным водам.

Правда, пожалуй, большее количество раз выездов трудно «потянуть». Занимает такая охота от десяти до пятнадцати дней. Эти полмесяца настолько физически изматывают человека, что на большее время не хватает сил. Горная местность — сложная, ориентироваться можно только с проводником, хорошо знающим местность.

Провизия, сумки, вообще груз подвозятся до определённого места, откуда движение возможно только «на своих-двоих» по тропам, а чаще без них по резко пересечённой лесной горной местности, всё время то вверх, то вниз, то поднимаясь, то опускаясь, пролезая через кустарники горной малины и ежевики. Двигаешься, мечтаю: хотя бы немного пройти по равнине. Одежда должна быть брезентовой, иначе при первом же прохождении через заросли кустарников она превращается в клочья.

У гончих собак, а без них здесь совершенно невозможно, от этих подъёмов и спусков, особой, с большим количеством гальки в почве, стираются подошвы иногда до костей. В этих случаях они теряют подвижность, становятся совершенно беспомощными.

Руководитель размещает одну часть охотников по определённым местам, через интервалы друг от друга, другая часть с собаками за несколько километров (не менее 5–6) идут в загон. Такие загоны устраиваются по несколько раз в сутки.

Питание — общее, из общих продовольственных взносов и добытой дичи.

Сон — либо под открытым небом, либо же, при плохой погоде, в пещерах (а их здесь — достаточно).

Движение по горам в лесной местности представляет большие трудности, но куда тяжелее возвращаться с нагруженными трофеями.

Охота здесь в ту пору была добычливой, но беда: чрезвычайно трудно сохранять и транспортировать мясо. Каждый килограмм груза — это каторжная нагрузка!

Груз, которому отдаётся внимание — это кожи.

Подобная охота не в моём стиле: одной такой охоты было достаточно насытится ею на всю жизнь!

Что может сравниться с охотой на открытой степной местности, в сопровождении собак?

Степь... Чуть брезжит на востоке рассвет...

Воздух свежий, чистый...

Тишина... Всё продолжает спать...

При вскидке уже видна мушка ружья...

Ну, друзья, начнём! Собаки освобождаются от привязи... Бой, Дюр... ищите!

Роса обильная... Значит чутьё — поиск будут отличны.

Перепел, при условии росы неохотно «срывается» с места, удерживается буквально пред носом собаки. Нередки случаи, когда проворный Дюр хватается ртом вяло взлетающих ожиревших перепелов.

Вот появился краешек быстро выкатывающегося из-за горизонта солнца.

Заиграли бриллиантики на листиках зелени...

Проснулась жизнь!

Ударил один, другой перепел своё: «Ха-вав, пидь-пидём!»

Зажужжали пчёлы...

Идёшь, лёгенько посвистываешь, подбадривая собак...

Они, вытянувшись, как это особенно стильно получается у Дюра, петляют, иногда похрапывая, делают «восьмёрку».

Вдруг, на полном ходу, внезапно мёртвая стойка...

Дюр, покойно, не нервничай, пли!

Удар передними ногами... срывается... вправо... влево...

Что за оказия?

Тишина! Повторная стойка...

Дюр, пли!

В десяти метрах с шумом перепел взлетает... Вот, каналья, сумел обмануть!

Поспешный выстрел... Промах!

Дюр дрожит, нервничает, устремляется за перепелом...

Ну, что с тобою? Успокойся, бывает!

Солнце в зените, припекает... Привал... Устали собаки...

Пора отдохнуть... Подходим к кукурузе... Наступила пора завтрака.

С 16 часов — второй тур, но менее интенсивный...

Солнце клонится к заходу...

Как велика наша добыча?

8–10 штук перепелов... Прекрасных, упитанных...

Это среднее, что приносит нам день охоты.

А как же они вкусны, зажаренные в сметане!

Весной, натаскивая собак, выходил я в степь без ружья.

Как-то в конце сентября с зав. аптекой бродили мы порядочно, отошли от станицы километров двенадцать. День был неудачный... Степь тоскливая, оголённая... Перепелов совсем мало — единицы... Возвращаясь, опускаемся в балку... Совершенно бесцельно вынимаю я байку из сумки и начинаю «баить»... В ответ получаю десятки голосов перепёлок...

В чём дело? Мы поражены! Такое не бывало!

Мой компаньон также в изумлении...

Вообще редко кому удаётся услышать голос перепёлки... Обычно это на утренней заре... и чаще тому, кто спит в степи...

Зов у неё тихий, нежный, рокочущий: «Тю-рюк, тю-рюк». Пользуется она им редко, иногда один раз в своей жизни, подзывая к себе самца, с которым соединяется навсегда.

Услышать сотню голосов полных тревоги?

Не в состоянии разгадать случай, мы запросили: «Вы попали на гурт перепелов, отдохавших днём, находившихся в состоянии отлёта, севшего в защищённом месте на подкормку. Из-за боязни врагов летят они обычно ночью. Ваш зов байкой обеспокоил самочек за своих самцов, которые в поиске корма отошли от них. Боясь, что они могут пойти на зов "флиртующей самки", они начали сзывать их к себе».

Охота с байкой — манком, очень любопытное занятие! Мне удалось в Ч-кой познакомиться с одним стариком — знатоком, виртуозом этого дела.

Вообще этим делятся неохотно!

Старик старинный, лет восьмидесяти, типичный кадровый «лянеец», старовер, крепкий как дуб... Затрудняюсь передать нашу беседу... А интерес она представляет большой...

Передаю покамест содержание...

Перепелиный манок делается из кожи конца лошадиного или коровьего хвоста и трубчатой косточки длиной в 6–8 см бедра индюка или дрофы.

Манок нужно подстраивать, придавая высокую или низкую тональность в зависимости от характера зори. Зори бывают звучные — громкие и глухие.

Идёшь иногда по просёлочной дороге и ясно слышишь разговор двух лиц, идущих параллельно, но в нескольких километрах. Иногда, наоборот, даже в нескольких метрах звуки не слышны.

Перепёлка не любит драк возле себя, она стремится так позвать суженого, чтобы её голос только им был услышан... При ясной заре она зовёт тихо, при глухой — громче.

На этом принципе строится охота на утренней или вечерней зорях. На зеленыя, как только они достигнут роста в 25–30 см, аккуратно набрасывается сетка диаметром в 2,5–3 метра с окном в центре, куда садится охотник.

Зеленыя тщательно заделываются, чтобы не было помятостей, следов охотника.

Раздаётся сначала короткий, совсем тихий:

«Тю-рюк, тю-рюк».

Либо же сразу на охотника, принявшего позу статуи, летит обезумевший перепел, садясь на сеть или вблизи от неё. Иногда сразу несколько с разных сторон летят, иногда, наоборот, со всех сторон раздаются только голоса:

«Ха-вав, ха-вав! Пид-пидём!»

Ни в коем случае не «распылятся»!

Перепёлка избирает одного и ведёт только с ним разговор...

Почему именно с этим, а не с другим?

Спросите себя: почему?

Как бы охотник не был опытен, а всё-таки манок есть манок да ещё в руках человека!

Перепел,севший вблизи, особенно прислушивается, ориентируется... В этом случае требуется особая осторожность...

Если он поймёт «подвох» немедленно отлетит в сторону, следует тогда менять место, уйти за несколько километров.

«Баянный» перепел хорошо разбирается...

Для того, чтобы затруднить его понимание, баить нужно в тот момент, когда он произносит своё — «ха-вав, пид-пидём!», и с таким расчётом, что когда он закричит «пидём», байка должна произнести свой «рюк», чуть-чуть опаздывая.

Перепел либо летит на сеть, иногда прямо садясь на колени охотника, либо же бежит по земле в направлении звука. Путь его в зеленях легко заметен по движению стеблей. Иногда, соревнуясь, летят или бегут сразу несколько перепелов. Как только они очутились под сетью, охотник делает резкое движение рукой, перепела вспархивают, запутываются в сетях.

В опытных руках, как у деда, я мог в этом убедиться на практических занятиях, можно поймать за зорю, как он говорит, до полусотни. Возможно так было (об этом я и от других слышал) в «старину». Может быть поэтому этот вид охоты в настоящее время запрещён: рассматривается как вид браконьерства.

Мне более 5–6 штук ловить не удавалось.

Но... дело опыта?!

На Ч-ких землях знал я несколько куропатных мест, из них два главных.

Одно километрах в десяти к северо-востоку от станицы, на месте бывшего хутора, состоявшего из двух усадеб — хозяйств.

По-видимому, ещё до революции эти два хозяйства для удобства земледелия вынесли сюда части своих хозяйств. В дальнейшем обстоятельства заставили их возвратиться на свои исходные места. От домов, хозяйственных служб ничего здесь не осталось, а вот акация и фруктовые деревья разрослись и одичали, получился своеобразный оазис с колодцем и разросшейся растительностью.

Вот здесь стая куропаток облюбовала себе место гнездования.

Место знал только я.

Прекрасное место: прохлада, тишина, отличная вода, кругом простор. Оно являлось номером первым моего охотничьего направления.

Куропаткам — раздолье: гурт размножался, укреплялся, был под моим наблюдением. Глубокой осенью часть из них являлась моим охотничьим трофеем.

Нежные и глуповатые создания!

Не составляло бы особого умения добыть за один раз всю стаю. Жаль их!

Придешь, отдыхаешь здесь, чувствуешь их близкое присутствие. В зимнее время они сидят под густым кустарником сирени тесной кучкой.

Другое место также километрах в десяти, но на запад от станицы, по реке Чамлык, на месте, густо поросшем кустарником, где река делает полукруг. Здесь весной она разливается, образуя водоём. Северной её границей является возвышенность (по-видимому, это когда-то бывший берег реки, теперь изменившей своё русло).

Вот в этом защищённом, глухом месте водилась стая куропаток. О ней знал зав. аптекой, а возможно, и ещё кто-нибудь: место менее пустынное, чем предыдущее.

Глупенькая птица!

Стоит гурт разбить на две, три части, а это особого труда не представляет, и потом легко уничтожить всех.

Ч-к был кульминационным периодом моей охотничьей деятельности. Она всегда была для меня желанным отдыхом, к сожалению, характер работы, постоянная занятость по службе и дома не позволяли ей заниматься в желанных размерах.

На пути к любой цели существуют препятствия, ограничения. На пути к охоте — основное препятствие — семья!

Командировка в Сельские — Калмыцкие степи освобождала меня, прежде всего, от семейной опеки и забот обо мне. Уезжая сюда, я возлагал надежды поохотиться на этих бескрайних — равнинных землях — царством степной дичи.

Осенью, сразу по приезде, уделить внимание охоте из-за чрезвычайной занятости, колоссальной ответственности, не представилось возможным.

Чума есть чума! Смотри в оба!

Каждая мелочь должна быть учтена, продумана.

Налаживались организационная, профилактическая работа. Когда она достигла нужной степени, исполнения её в строгом ритме, трое из нас — любителей, составили бригаду.

Зима выдалась лютой, снежной. Пернатая дичь откочевала на юг. Возможны были два вида охоты.

В степи, стогах соломы, сена, домах, хозяйственных постройках — везде кишат мыши. От них буквально нет спасения.

Чтобы сохранять продукты питания приходится подвешивать их к потолку. Возле топчана (моей кровати) стоит алюминиевая ванна, наполненная водой. Через каждые 20–25 минут поднимаешься, опрокидываешь валенки: 6–10 мышей плавает в воде.

Обрабатывается трёхкилометровая зона вокруг населённых пунктов. Опыт убеждает: мышь при температуре минус 10 градусов может оставаться живой при условии, если, перебегая из степи к дому, она может через определённые интервалы пути укрываться под кустиком или другим укрытием. На площади, свободной от таких условий, они гибнут. В своём месте я уже касался вопроса борьбы с мышами, в частности, хлорпикринизацией помещений, придания огню стогов сена, помещений, подозрительных, по данным лаборатории, на чуму.

Передатчики чумы — грызуны (мыши, суслики). Суслики спят.

Кошки, собаки, проявившие охотничью активность на мышей, стали жертвами мышиной инфекции, погибли.

Биологический закон утверждает: а) между мышами и лисицами существует биологическое равновесие в прямой пропорциональной зависимости и б) наоборот, обратная пропорциональность между мышами и зайцами: лисицы их уничтожают.

Короче: колоссальное количество лисиц!

Итак, наше внимание было приковано огненно-рыжими красавицами.

Открытая равнинная степь, покрытая 25 см снегом... мороз до 20–25 градусов, тяжёлая одежда, отсутствие гончих собак — плохие условия!

Зверь — хитёр, поднимается далеко, выбегает на дорогу и легко исчезает.

Не лучшие результаты получаются при пользовании санным транспортом: ружья нет в руках — они бегут, как собаки, за санями, но как в руках появилось что-то похожее на ружьё, они немедленно на быстром аллюре ретируются.

Имея два грамма стрихнина, мы два раза «заряжали» куски падали (брали на ферме) из расчёта одной десятой грамма на порцию. Результат неплохой: добыли 15 экземпляров. Но... это же не охота!

А в общем, нужны собаки и гаевая охота.

С другим же видом охоты — за раками... успехи были лучше...

Река Сая — одна из баз экспорта раков!

Сейчас скована она льдом...

Тепло одетый: в тулупе, валенках, шапке-ушанке, хороших рукавицах, выходишь на реку, расчищаешь площадку от снега в два-три квадратных метра, делаешь прорубь... Вода чистая, прозрачная, с голубоватым оттенком...

Вот группа раков, а это полусонный, скованный холодной водой, сазан метровой величины... Вооруженный необходимыми инструментами и прежде всего — рогатками, ты извлекаешь предмет охоты...

«Охота — пуще неволи!»

Да, чтобы набрать полсотни раков, приходится поменять несколько мест.

Всё это окупается!

Варёных раков величиною в кисть вы, конечно, кушали... Кушали ли раковый суп с раковыми шейками и раковыми корпусами, начинёнными раковым фаршем с рисом?

Нет?

Не откладывайте, пожалуйста, на период загробной жизни!

Охотникам почему-то не доверяют...

Вот слушаешь... В рассказе чувствуется искренность, правдивость... Последнее подкрепляется демонстрацией трофеев...

Всё, казалось бы, соответствует истине... да и рассказчик — солидный человек...

Нет, ты скажи откровенно: почём ты платил за штуку?

И несмотря на это, охотники продолжают рассказывать свои истории, порой — удивительные...

ЭПИЛОГ

асы раздумий о прошлом — пережитом посещают меня часто, наиболее часто в последние годы.

Частота воспоминаний нарастает из года в год.

Последнее обстоятельство, по-видимому, связано с особенностями стареющего организма.

Действительно, по сравнению с прошлым временем эти воспоминания теперь занимают значительную, всё увеличивающуюся его часть.

Возможно, такое положение объясняется компенсаторным фактором за счёт уменьшения трудовой деятельности и связанной с этим положением интенсивности делового мышления. В процессе жизни мозг людей фиксирует разнообразную информацию, различные виды эмоций. До определённого своего состояния он способен вместить колоссальные их количества. Время ступёвывает детали, остроту эмоций. Всякие текущие работы, тревоги, наслаиваясь, в не меньшей степени подавляют их.

Жизнь чрезвычайно усложнилась... И тем не менее, прошлое в воспоминаниях, особенно эпизоды детства — отрочества, сохраняют свои яркость и свежесть.

Мотивы воспоминаний разнообразны, многочисленны: они ассоциируются с окружающими явлениями. Так, равнодушно пройти мимо охотничьих собак, лошадей я не могу... Невольно для себя быстро взвешиваю физические, эстетические их стороны, тип конституций и т.д.

Они воскрешают дорогие мне образы Боя, Дюра, Ветерка, сыгравших довольно заметную роль в моей жизни и связанные с ними разнообразные обстоятельства. Наибольшей интенсивностью обладают воспоминания, возникающие вечером, пред сном, когда остаёшься наедине с самим собою.

По много раз прошлое припоминается, продумывается и всё-таки опять и опять приходит на память.

Старость — возраст критикующий, самокритичный, довольно объективный, умеренно эмоциональный. Иногда эпизоды, образы принимают чрезвычайно упорный, навязчивый характер, взвинчивают нервно-психическую систему:

«Мысли, как чёрные мухи,
Всю ночь не дают мне покоя:
Жалят, жужжат и кружатся
Над бедной моей головой!»

Лучше Апухтина, пожалуй, такое состояние и не охарактеризуешь?!

Воспоминания детства (до 9-ти летнего возраста) вызывают приятную улыбку, чувство приятного удовольствия. Этот период, как почти у всех здоровых людей, беззаботен, полон всяких забав, он неотделим от вольных степных просторов хутора.

Какое раздолье и благодать!

Годы с девятилетнего возраста проходят в основном вне родительского дома, вне круга близких мне людей, в довольно жёстких условиях закрытой бурсы (до тринадцати лет), где от бурсы Помяловского многое, правда, ушло в историю, но... кое-что и осталось.

С этого времени, можно сказать, я был поставлен в самостоятельные условия жизни, вне родной семьи. Жил, развивался под влиянием другой среды.

Здесь, в училище (бурсе), царствовал «проверенный практикой педагогический принцип», педантично исполняемый: недоедание учащихся, прохладная температура в зданиях их нахождения (учебные классы, столовая, спальня, коридоры и пр.) с максимумом, в холодные периоды +15 — +16 градусов,

во-первых, и во-вторых, тщательное расследование всех (даже мелких) проступков учащихся, обязательное наказание и прежде всего самым чувствительным мероприятием — лишением пищи (обеда или ужина) — это самый надёжный способ предупреждения неуспеваемости и неудовлетворительного поведения.

Этот «педагогический принцип» по мнению руководства, гарантирующий профилактику «всякой дури» — основной базис «закаливания» организма, лучший способ в борьбе с морально-физическими невзгодами, при всякого рода испытаниях.

Принцип базируется на положениях:

1. За одного битого двух не битых не берут!
2. Собака оправдывает себя только при условии постоянного ощущения голода!

Спросите собаководов, эскимосов!

3. Ненаказуемых проступков не должно быть!

Суровато?

Всякий гражданин с ранних лет должен твёрдо усвоить: все преступления наказуемы!

Попытки воскресить в памяти какое-либо типичное — юношеское, личное событие, эпизод — мне не удаются: ранней юности, к сожалению, по существу у меня не было, этот период был заполнен глубокими тревогами, переживаниями за судьбу родителей, семьи и, понятно, себя.

Я же отдавал отчёт в необходимости больших усилий и особой осторожности в своих действиях, поведении, чтобы не быть вытолкнутым из жизни.

Вопрос стоял о праве на жизнь, её завоевании!

Среднеюношеский возраст был принесён в жертву военной службе. Иного выхода в моём положении не было, и как много я не думаю над этой моей участью, связанной с колоссальными лишениями, прихожу к выводу: это лучшее, что могло бы быть!

Память подсказывает: я свидетель и участник нескольких эпопей — царской, февральской революции, Октябрьской революции и последующей гражданской войны, социализма, Великой Отечественной войны, колхозного строительства, периода пятилеток, построения базы коммунизма.

Никто не посмеет сказать, что я прошёл мимо великих событий, что я ограждал себя от современных мне жизненных бурь!

Наоборот, был достаточно активен: два ранения, ряд наград, ряд грамот — свидетельствуют это.

А переживания?

Сколько этой голове приходилось обдумывать, страдать, проводить бессонных ночей, находиться в чрезвычайно щекотливых — тяжелых условиях!

И, если удалось сохранить голову на плечах, довольно энергичный трудовой потенциал, веру в людей, любовь к ним, оптимизм в жизни, многое из этого я с благодарностью отношу в адрес родителей, к наследственным качествам...

Путь к возрождению был чрезвычайно труден!

Я его нашёл без посторонней помощи.

Мобилизовал себя и нашёл возможности неплохо определиться в жизни!

Дорог пройдено много, многое пережито...

Вершину жизни я перевалил...

В прошлое смотрю открытыми глазами и утверждаю: везде, куда бы меня судьба не бросала, работал я с полной отдачей сил, энергии, здоровья! И не потому, что к этому стремился по какому-то соображением... Нет, таков стиль моего характера — ему я обязан!

И, если, возможно, когда ошибался, да простит меня Аллах, делал я не по злему умыслу, а с сознанием выполняемого долга, обязанностей, дисциплины.

Я — раб порядка, организованности!

Этому меня учили суровые условия школы и жизни!

Прошлое не положишь на чашу весов, чтобы взвесить достоинства и недостатки.

К нему не подойдёшь с линейкой, чтобы измерить их габариты...

Можно взвесить время жизни по чувствам, какие оно рождало: соразмерны ли они были эпохе?

Созвучны ли они были событиям?

Судите Вы!

Содержание

Часть I. Форт-Штадт.....	5
Часть II. Хутор Братский.....	43
Детство. Отрочество.....	45
Часть III. Родители.....	77
Часть IV. 1918-й год.....	85
Часть V. 1919-й год.....	115
Степь.....	117
Побратим.....	127
Ветерок.....	139
Осень.....	149
Закат.....	161
Часть VI. 1920-й год.....	167
Буря.....	169
К морю.....	179
Часть VII. Крым.....	191
Часть VIII. Испытание.....	213
Часть IX. Возрождение.....	231
Часть X. 1927–1967 гг.	241
Эпизоды моей деятельности.....	243
Саботаж.....	285
Досуг.....	303
Эпилог.....	317

